АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
Жизненное
пространство

Annotation

3802 год.

Сила, в свое время оккупировавшая Воргейз, вовсе не безлика, а печально известный Рукав Пустоты оказывается таит в своих глубинах тайну миллионолетней давности. Новая раса появляется на сцене галактических событий. Битва за жизненное пространство срывает вуаль логрианских устройств скрывавших за собой ни много ни мало — шаровое скопление звезд.

* * *

Подсерия «Жизненное пространство» #2

Андрей Ливадный Жизненное пространство (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 32) (Жизненной пространство — 2)

Часть 1. Связь времен

Глава 1

Знание истории бесценно. Человек, игнорирующий историю, не утруждающий себя изучением прошлого, никогда не сделает шага вперед, в будущее, его удел — топтаться на месте, ибо история — это прежде всего сумма накопленных знаний, опыта, бесценный кладезь информации о мире, опираясь на который можно определить, что огонь горяч, не пытаясь сунуть в него собственную руку…

Логрис…

Он мертв и логичен.

Он смотрит на нас миллиардами своих сенсоров, а мы уже не существуем, ибо перешагнули ту грань, которая отделяет реальное от вымышленного.

Мир, созданный силой мысли. Что может быть прекраснее, загадочнее, величественнее и непостижимее его?

Иногда мне кажется, что он действительно прекрасен, как сладчайшая из грез, а иногда он становится отвратительным, как самый изуверский кошмар, но в том и заключается величайшее достоинство этого места, что ни один порыв сознания не может своим дуновением *отсюда* поколебать даже самый крохотный камушек *настоящего мира*. Внешний мир закрыт для нас, ибо он хрупок, мы же сильны, и существует лишь малая доля существ, сумевших осознать его хрупкость и свою силу. Остальные все еще ищут себя, совершая разные поступки, но, хвала Логрису, уже не там, а здесь.

Наше жизненное пространство раскинулось в новом измерении, будто старая добрая Вселенная перестала существовать… А может быть, так и есть? Не знаю. Не уверен. Сейчас, мысленно записывая эти строки, я, признаться, уже не совсем помню, что такое реальный мир. Сколько прошло лет… или, быть может, наносекунд?.. с тех пор как я в последний раз дышал, любил, осязал *ТАМ*…

Не могу сказать. Могу лишь заглянуть в базы данных и посмотреть, когда я отдал себя Логрису, но делать это не хочется.

Удивительно, как поздно начинаешь постигать многие истины. Например, ты всегда знаешь, когда с тобой что-то случается в первый раз, но разве можно предугадать, когда то или иное действие будет совершено в последний? Наверное, в этой непредсказуемости, в полном или частичном неведении своего будущего и кроется смысл жизни.

Только попав сюда, я с ясностью понял, что смысл жизни — в ее окончательности. Постоянно тяготеющий над нами призрак физической смерти заставляет жить, он дает стимул созидать и разрушать, стремиться к чему-либо, успеть сделать как можно больше до того момента, как физическая смерть заберет тебя.

Открыв принцип реинкарнации, мы разрушили этот естественный закон, а вместе с ним и психическую устойчивость нашего общества. Первая волна реинкарнаций не принесла ничего, кроме радости, — ведь дети, собиравшиеся со дня на день навечно расстаться с родителями, внезапно вновь обрели своих близких. Да, они вернулись из чрева Логриса триумфаторами, победителями над смертью, и… что получилось из этого?

Сначала была радость, ощущение победы над вечностью, потом пришло разочарование и чудовищный, массовый срыв.

Психология живого существа, как известно, ориентирована на выживание вида в целом — такой постулат заложен в наше подсознание эволюцией, но эти же законы развития постулируют и наступающую в конце концов неизбежную смерть отдельного индивида. Это понятно. Но ведь именно данный столп подсознания, как выяснилось, и был подрублен открытием вечной жизни.

Появилось первое поколение «молодых старцев» с юным телом и ветхим разумом. После первого мига упоения наступило бессилие и родился вопрос: что дальше?

Отнять сделанное тобой в течение прошлой жизни у своих потомков и снова пользоваться этим или начать все с нуля, будто ты, и вправду, молод? Но где взять те надежды и иллюзии, которые движут молодыми в поиске самих себя, где взять оптимизм, жизненную силу, когда в тебе — жизненный опыт, знание, привычка к трезвому расчету, и на общество ты смотришь со здоровым цинизмом мудрого человека?

Первая реинкарнация породила, как оказалось, кроме первого всплеска эйфории, еще и множество злых, надменных и жестоких существ. Они были юными, впереди у них лежала новая вечность, но они уже знали цену жизни, обществу, отдельным поступкам.

Вторая и третья реинкарнации взорвали наш мир и привели к созданию Логриса сегодняшнего, — не извращенной искусственной матки, постоянно выплевывающей в жизнь обновленных старцев, а мира внутри мира, — оборотной стороны реальности, где обитают бессмертные души, у которых отняли способность вставать поперек дороги молодым растущим поколениям и перекраивать реальный мир в угоду своим амбициям.

Я не жалею, что ушел жить сюда. Я не жалею о том, что вместе с

другими создавал Логрис, ибо вокруг себя я вижу живых современников, которые просто сменили среду обитания на более приемлемую и безопасную, как для них, так и для реального мира. Здесь есть все, начиная от ощущения голода или сытости и заканчивая возможностью вести любые проекты, создавать что-то новое, или бесконечно переделывать старое, реализовывать себя и оставаться при этом самим собой: добрым или злым, здоровым или ненормальным, — ведь Логрис бесконечен и способен вместить в себя любую причуду.

Когда я участвовал в создании Логриса, то многие говорили: ты называешь срок смерти, ставишь планку ограничений над головами миллиардов существ.

— Ничуть, — отвечал им я, первый из первого поколения реинкарнированных.

Да. Нужно стремиться к тому, чтобы жить долго. Настолько долго, покуда хватит желания жить. Потом, когда плоть одряхлеет, разум устанет и тебе станет трудно, день ото дня все труднее и труднее, не насилуй себя, не цепляйся за свой страх, — просто скажи себе: я устал, и уйди, дай дорогу следующим, ибо вечность, заключенная в тесном узилище плоти, какой бы соблазнительной она ни казалась, — это ловушка для разума.

Приходи. Пространство Логриса примет тебя, и сотни новых реальностей откроются перед тобой, ты продолжишь начатый путь, но уже в иной ипостаси, в такой, которая в силу своей мудрости, усталости и рожденного опытом цинизма не сможет нарушить реального, не погубит тысячи, миллиарды существ собственной амбицией.

Приходи на носители Банка Вселенной, который переживет коллапс всего мироздания, и, быть может, мы снова захотим жить в реальном мире, родившись младенцами в новых горячих Галактиках после следующего Большого Взрыва.

Но не дай загнать себя в ловушку Вечности, оставаясь в тесной связи с миром физическим, — там, где царит теория окончательности, ты погибнешь, твоя душа измельчает, изотрется и умрет. Ты принесешь горе, и горек будешь сам.

Из «Вступления в Логрис»
Три миллиона лет до нашей эры

Автор неизвестен

* * *

Итак, это была их Сеть…

Аналог нашего современного единения компьютеров, таинственный Логрис, предвосхитивший современность, ни много ни мало, на три миллиона лет.

Таинственный Логрис… Именно таинственный, а никакой иной, потому что сведений о нем было удивительно мало и расшифровка фрагмента записи с невзрачного кристаллического носителя — так называемого *Логра* — граничила с чудом… правда, в современном мире, как правило, чудес не бывает и все происходит в рамках тех или иных технологий…

Приблизительно с такими мыслями Илья Андреевич Горкалов — пятидесятипятилетний сухощавый, седеющий мужчина, положил на рабочий стол лист распечатки, которую только что внимательно изучал.

Обстановка рабочего кабинета, занимавшего одну из комнат обыкновенной городской квартиры, на первый взгляд, казалась до тошноты стандартной и мало что могла рассказать о хозяине, но при более внимательном рассмотрении, среди строгой офисной мебели, выдержанной в темных тонах, нет-нет да и проскальзывали некоторые мелочи, детали, способные не только кое-что сообщить о характере Горкалова, но даже немного приоткрыть завесу его прошлого.

Например, подборка книг, чьи пластиковые корешки глянцевито поблескивали в тусклом сиянии нескольких работающих мониторов. Они словно бы делились на две тематические половины. Часть изданий относилась к чисто военному профилю и была представлена узкоспециализированными фолиантами тактических звездных карт, которые вряд ли отыщешь в фондах общедоступных библиотек, затем шла изданная тридцать лет назад многотомная история Конфедерации Солнц, и наконец заканчивали данную подборку две более современные электронные книги, исполненные в виде тонких компьютерных планшетов.

Вторая половина небольшой библиотеки разительно отличалась от первой и, судя по неровному расположению корешков, использовалась в последнее время чаще. Тут были собраны все известные труды по космической археологии, истории колоний и древнего, существовавшего еще до начала человеческой экспансии мира, погибшего под ударами предтеч, около трех миллионов лет назад, когда люди на далекой планете Земля еще не вполне оформились в вид Homo Sapiens…

Разделяла две этих тематических подборки десятисантиметровая модель боевого шагающего робота класса «Фалангер»…

…Внимательно взглянув на один из трех установленных на поверхности рабочего стола мониторов, хозяин кабинета встал и подошел к

упомянутой полке с книгами.

Все еще пребывая во власти прочитанного документа, который ему переслал отдел изучения мертвых компьютерных языков Института археологии космоса, Илья Андреевич, чья жизнь, как и подборка изданий в маленькой домашней библиотеке, была четко разделена на две половины, недовольно подумал, что раньше, во времена Конфедерации Солнц, работать было гораздо проще.

Двадцать лет назад, когда он, вынужденно поменяв профессию, еще только начинал свою карьеру космического историка, вся информация, по инерции стекавшаяся из различных, уже не подконтрольных к тому времени умирающей Конфедерации секторов пространства, волей-неволей концентрировалась и оседала именно тут, на Элио, — планете, где базировалась штаб-квартира Совета Безопасности Миров.

Теперь, когда вслед за падением Конфедерации, и этот институт Галактического единения утратил свое былое значение, превратившись из реальной силы в пустой звук — претенциозную вывеску на фасаде почти обезлюдевшего здания, перед которым все еще трепетали на ветру флаги двухсот семнадцати миров, — все резко и неприятно изменилось в худшую сторону. Планеты рассыпались, как горошины из дырявого мешка, ничто более не объединяло их, но зато каждый мир, взятый в отдельности, мог кичиться своим суверенитетом: мол, смотрите на нас, какие мы свободные и сильные…

Информацию в таких условиях приходилось собирать буквально по крупицам, пытаясь через межзвездную сеть Интерстар объять необъятное.

Однако Илья Андреевич был из породы людей, которых трудности и неурядицы не превращают в брюзгливых зануд. В его жизни хватало невзгод — он начинал пилотом боевой шагающей машины, командовал механизированным подразделением космодесанта, потом получил серьезное ранение, едва не сгорев в рубке «Хоплита». После года, проведенного в госпитале, вернулся в строй, но уже не в космический десант, а в отдел внешней разведки Конфедерации Солнц. Двадцать лет назад, когда после Эригонского кризиса все полетело к черту, он нашел в себе достаточно мужества и здравого смысла, чтобы понять — золотой век Конфедерации уходит безвозвратно…

Сменить мундир офицера, со знаками различия полковника отдела внешней разведки, на скромный цивильный костюм сотрудника Института истории и археологии космоса было нелегко, но, сделав это, Горкалов нашел новое приложение своим нерастраченным силам и накопленному опыту, не забывая о золотом веке Конфедерации Солнц, но и не стеная над

ним в полутемном баре за кружкой дурного пива, как некоторые его бывшие сослуживцы — отличные в прошлом офицеры, которые по тем или иным причинам не выдержали моральной ломки в момент краха всех идеалов, впитанных с самого детства.

Нет. Он продолжал жить и заниматься делом, которое, по большому счету, оказалось созвучно роду его прошлых занятий, и два научных труда по общей истории «дочеловеческого» мира являлись прямым продолжением его служения тому смыслу, который Илья Андреевич всегда вкладывал в термин «Человечество».

Маленький серый кристалл, лежавший перед ним на столе, также попал в его руки не случайно, как не случайным излишеством были и три монитора, базировавшиеся на обширной столешнице старомодного рабочего терминала.

Один из трех работавших в кабинете Ильи Андреевича компьютеров, непосредственно соединенный с сетью Интерстар, постоянно отслеживал все события, так или иначе связанные с древними поселениями, артефактами, собирая любую доступную информацию о них.

Второй системный блок анализировал поток поступающих данных, пропуская разрозненные факты сквозь частое сито программ покаскадной логической обработки, так что в конечном итоге третья машина, с системой которой непосредственно работал сам Горкалов, получала уже проанализированные, подчиненные определенной логике данные, достоверность которых можно было расценивать достаточно высоко.

Такая кропотливая и нудная на первый взгляд работа давала порой самые неожиданные плоды, как, например, в случае с этим древним устройством давно исчезнувшей из границ реального космоса расы.

Полгода назад Горкалов получил копию отчета, в котором упоминался некий рудодобывающий комплекс «Спейсстоун», обнаруживший в Рукаве Пустоты разрушенное космическое поселение логриан — третьей расы древнего мира, о которой до последнего времени существовали лишь смутные упоминания в мифологии инсектов.

Тогда информация показалась спорной, сомнительной — ведь сам рудодобывающий комплекс со всем экипажем пропал без следа, а отчет основывался на нескольких обрывочных сообщениях, принятых по каналу Гиперсферной Частоты, но все же очередной факт упоминания о третьей расе доисторического космоса стоил того, чтобы начать поиск, и в результате Горкалов установил связь с неким антикваром, который предложил ему для продажи артефакт, принадлежавший, по его мнению, именно логрианам.

Покупка состоялась, и вот теперь Илья Андреевич оказался перед загадкой, от решения которой зависела не только его текущая карьера в Институте археологии космоса. За то время, что он посвятил исследованиям загадочного кристалла, его компьютерные «старатели» выловили в Сети еще несколько сообщений. Каждое по отдельности, может быть, и не стоило ничего, кроме ироничной, недоверчивой улыбки, но сведенные вместе и соединенные с теми знаниями, которыми обладал *полковник Горкалов*, заставили его сначала задуматься, а затем встревожиться.

…Его мысли прервала трель коммуникационного устройства.

Илья Андреевич подумал, что это, должно быть, Александра — старушка-соседка, которая, ввиду его холостяцкого положения, за небольшую плату готовила и убиралась в слишком просторной для одного человека квартире, — звонит по внутреннему, чтобы позвать его к ужину, но, взглянув на терминал, понял, что вызов внешний.

— Да? — ответил он, взяв из специального гнезда трубку мобильного коммуникатора.

— Мне нужен Горкалов, — услышал он. Голос в трубке показался ему смутно знакомым.

— Да, это я. — Илья Андреевич не любил собеседников, которые не удосуживают себя простым человеческим приветствием, поэтому и его ответ прозвучал несколько сухо и раздраженно.

— Илья Андреевич, не узнал?

Горкалов на секунду задумался, а затем не воспоминание, а обыкновенный логический вывод заставил его произнести следующую фразу:

— Шефорд? Джон, это ты?

— Естественно. Ты же звонил моему секретарю, ведь так?

— Да, две недели назад.

— Извини, раньше откликнуться не мог, — ответил его бывший подчиненный, занимавший теперь солидный пост в Министерстве обороны планеты Элио. — Рад вновь слышать тебя Илья, но хотелось бы узнать — ты искал меня по делу?

— Да, — сухо подтвердил Горкалов. — Без повода не стал бы беспокоить. Но по коммуникатору у нас разговор не выйдет.

— Хочешь встретиться?

— Настаиваю.

— Хорошо… — немного помедлив, согласился Шефорд. — Только предупреждаю, днем я занят под самую завязку.

— Меня, в принципе, устроит любое время и место.

В трубке на несколько мгновений повисла тишина.

— Давай так, — наконец, что-то прикинув в уме, ответил Шефорд — Думаю, что через два часа я буду свободен. У меня по некоторым причинам сорвался вечерний прием в посольстве Кьюига, а ужинать все одно придется. Как ты смотришь на встречу в «Созвездии»?

— Положительно. — Горкалов взглянул на часы. — Ровно в семь?

— Договорились. Прислать за тобой машину? — Скорее отдавая дань вежливости и одновременно подчеркивая собственное положение, нежели из проявления искренних чувств, осведомился Шефорд.

— Нет, спасибо, я на своей

— Ну как хочешь. Смотри, не опаздывай, сидеть и ждать не смогу, — предупредил Джон. — До скорого…

В коммуникаторе тонко запищал сигнал отбоя. Илья Андреевич пожал плечами. Разговор получился каким-то скомканным, но главное — он достиг цели. А что до натянутости, — так здесь следует сделать скидку на нынешнее общественное положение Джона Шефорда — некоторые из младших офицеров, находившихся двадцать лет назад в подчинении Горкалова, взлетели за эти годы так высоко, что Джон, например, мог и не откликнуться на его звонок вовсе… Те, у кого хватило ума вовремя переметнуться из генштаба умирающей Конфедерации в аналогичные структуры планетарной самообороны, уже дослужились до генералов. Ну, да это их дело, в конце концов…

…Горкалов так и не открыл застекленную полку с книгами, лишь его взгляд скользнул по застывшей меж глянцевитых корешков модели боевого робота, и на душе вдруг стало как-то неуютно, словно предчувствие беды, все это время тащившееся где-то на периферии сознания, вдруг оформилось в окончательную уверенность.

«Поверит ли он, вот в чем вопрос…» — неожиданно подумал Илья Андреевич, мысленно настраиваясь на предстоящую встречу с Шефордом.

Гадать было бессмысленно. Оставалось набраться терпения и получше подготовиться к этой встрече.

Элио. Рабочий кабинет Горкалова…

Вопрос, который Илья Андреевич собирался обсудить на встрече с Джоном Шефордом, касался как его прошлой карьеры военного, так и сегодняшнего рода занятий. Все в этом мире, на поверку, оказывалось взаимосвязанным, одно вытекало из другого, а сумма знаний в конце

концов приводила к постижению истины.

Вернувшись к рабочему столу, он просмотрел почту, но никаких новых сообщений на его имя не поступало. В распоряжении Горкалова оставалось еще более полутора часов, и он решил еще раз обдумать факты, которые собирался изложить Шефорду.

Илья Андреевич достал ноутбук, подключил его к разъему терминала, чтобы переносной компьютер записывал видеоинформацию, которую он собирался вызвать на дисплей, и коснулся нескольких сенсоров на панели управления домашним компьютерным комплексом.

Изображение на среднем мониторе внезапно приобрело пространственную глубину, показав нашу Галактику в таком ракурсе, словно наблюдатель находился над плоскостью ее эклиптики на некотором удалении от родного звездного сообщества.

Еще одно касание сенсора, и картинка укрупнилась. Вихреобразные, закрученные против часовой стрелки спиральные рукава Галактики стали увеличиваться, показывая детали своего строения, рассыпаясь искрами звезд, пятнами туманностей и блестящими роями скоплений, — все это двигалось навстречу наблюдателю, детализовывалось, а затем исчезало за краями плоского экрана, пока весь его объем не занял участок спирального рукава, разорванный в одном месте глубоким провалом черноты.

Любой ребенок мог узнать этот фрагмент космоса.

С одной стороны пульсирующей дорогой световых маркеров протянулись отметки освоенных человечеством миров. Ближе к периферии спирального рукава одинокой точкой сияла Солнечная система, с которой и началась более полутора тысяч лет назад история расселения людей по тому пространству, которое теперь принято обозначать термином «Обитаемая Галактика».

Взгляд со стороны, брошенный на картину экспансии Человечества в глубь космоса, впечатлял и одновременно с этим внушал некое чувство подавленности, — только в одном месте маркеры освоенных планет сбегались в тесную группу из нескольких десятков миров, а в остальном пространстве между отдельными освоенными системами лежали десятки, а иногда и сотни световых лет пустоты. Со стороны это выглядело, как горсть сверкающей пыли, брошенной в необъятный простор космоса и прихотливо развеянной по чернильному полотнищу мрака…

Илья Андреевич подождал, пока картинка перестала двигаться, а индикатор на переносном компьютере погас, сигнализируя о полной записи полученных данных. Несколько секунд он смотрел на стабилизированный участок пространства, а затем добавил к существующей схеме еще

несколько сигналов.

На краю огромного, протянувшегося на несколько сот световых лет провала, напрочь лишенного звезд, размытым пятном возникла газопылевая туманность; чуть поодаль от нее, ближе к пограничным искоркам реально существующих систем, вспыхнула багряная горошина Сферы Дайсона,[1] а в самом пространстве угольно-черного провала желтыми маркерами обозначились около двух сотен объектов, причем большинство из них оказались блуждающими и лишь несколько десятков застыли на одном месте, образуя размытые пятна крохотных скоплений.

Илья Андреевич прекрасно представлял смысл, который несла в себе прорисовавшаяся на его глазах схема.

Все, вместе взятое, показывало суммированную картину реальности дня сегодняшнего, в которой человеческие миры соседствовали с четкой ретроспективой гибели трех разумных рас древности, — экспансия людей вторгалась в ту область, где три миллиона лет назад протекала трагедия древнего мира. Вторгалась и иссякала, напоровшись на неодолимую преграду Рукава Пустоты…

Зеленые искры освоенных миров редели, истончались и наконец исчезали вовсе, словно порыв ветра истаял в этом месте, бессильно потонув в угольно-черном провале Рукава…

Программа, при помощи которой воссоздавалась структура реального космоса, продолжала работать, и внезапно на самом краю этого бездонного провала вспыхнула и запульсировала алым еще одна точка. Судя по форме сигнала, это была колония людей, основанная на кислородной планете, но почему она светилась так зло, тревожно?

Надпись подле тревожно мерцающей точки гласила:

«Воргейз».

Илья Андреевич машинально нахмурил лоб, отчего над его переносицей пролегли глубокие складки. С чего начать разговор с Шефордом? Как донести до него суть проблемы?

«Наверное, нужно начать с истории…» — Взгляд Горкалова с трудом оторвался от тревожно пульсирующей точки. — «Да, именно с известной нам истории древнего мира, потому что без понимания процессов, происходивших в данном пространстве три миллиона лет назад, невозможно разобраться и в современности…»

Илья Андреевич слишком хорошо понимал, что от ясности, сжатости и доступности его пояснений в конечном итоге будет зависеть и реакция

Джона, которого он не видел уже более пятнадцати лет, и потому не мог мысленно поручиться перед самим собой, что тот остался прежним: прилежным, исполнительным офицером, приверженцем той же верховной силы, которой поклонялся и сам Горкалов, — ее величества Логики.

Именно поэтому он коснулся еще одного сенсора на терминале, включив тем самым световой маркер, который отобразился на экране алой точкой, будто след от лазерной указки. Илья Андреевич переместил его в нужное место и, покосившись на табло отсчета времени, начал продумывать свой монолог, одновременно позволяя переносному компьютеру записать наглядное движение алой точки по схеме.

«Итак… Приблизительно три миллиона лет назад в пространстве современного космоса обитали три цивилизации, — мысленно произнес Горкалов и отчертил алым огоньком область пространства, охватывающую значительную часть вокруг Сферы Дайсона. — Здесь располагались тридцать систем, на которые в древности распространилась экспансия инсектов. Они колонизировали планеты с жарким, влажным климатом, что полностью соответствовало их метаболизму».

Огонек указки сместился чуть ниже, теперь обозначив вытянутую область, простирающуюся от кромки Рукава Пустоты на десять-пятнадцать световых лет в глубь этого лишенного звезд провала. Как раз в данном пространстве и перемещались те самые желтые маркеры, которые по общепринятой классификации обозначали различного толка артефакты и аномальные небесные тела.

Эта территория принадлежала исчезнувшей расе дельфонов, ластоногих млекопитающих, сумевших выйти в космос и колонизировать, по сегодняшним данным, двадцать звездных систем…

Опять последовало движение алой точки, и снова ею был очерчен участок пространства, но теперь уже в глубине Рукава Пустоты, где таинственно сияло несколько желтых пятен, составленных, на первый взгляд, из десятков мелких размытых сигналов. Это, предположительно, было территорией логриан, — негуманоидов, чьи циклопические пространственные сооружения обнаружены сравнительно недавно.

Илья Андреевич помедлил несколько секунд, собираясь с мыслями, а затем перенес свое внимание на пятно газопылевой туманности, расположенной как бы у истоков Рукава Пустоты. Отсюда, примерно три миллиона лет назад, началась историческая миграция предтеч, — загадочной и пугающей формы пространственной жизни, представляющей из себя сонмища отдельных амебоподобных созданий. Эта аналогия с простейшими биологическими организмами напрашивалась, скорее всего,

из-за аморфности этих существ, их способа питания и деления, которые более всего свойственны упомянутым простейшим организмам, но подобную параллель нельзя было воспринимать в буквальном смысле. Кому, как не Горкалову, было знать, что предтечи на самом деле слишком мало изучены на сегодняшний день, чтобы судить о них столь однозначно. Достоверно было известно лишь то, что они представляли собой энергетическую оболочку, в которой заключено ядро неисследованной структуры. Прослойка между электромагнитной оболочкой и внутренним ядром у этих существ была заполнена нейтральным водородом, который, очевидно, служил основой их энергетики. Питались они любым доступным веществом, поглощая его в неимоверных количествах.

В пространстве древнего космоса обитали миллиарды предтеч. Судя по свидетельствам, оставшимся от расы инсектов, их сонмища появились абсолютно неожиданно, мигрируя от указанной туманности в направлении Рукава Пустоты, которого три миллиона лет назад еще не существовало.

Первыми атакам предтеч подверглись планеты инсектов, компактно расположенные в том пространстве, где существует современная Сфера Дайсона. Очевидно, что первая волна миграции космических амеб была отбита инсектами с огромными потерями и разрушениями. По имеющимся сведениям, в тот период перестало существовать два десятка их колоний, в том числе погибли или были эвакуированы их форпосты на планете Хабор, куда Совет Безопасности переселил современные деградировавшие общины насекомоподобных существ.

Илья Андреевич опять на мгновение задумался, а затем продолжил мысленное изложение известных ему фактов, осторожно добавляя к ним наиболее устоявшиеся и уже получившие некоторое подтверждение гипотезы, относительно устройства древнего мира и происходивших в нем событий.

Первая и вторая волны миграции предтеч были разделены временным промежутком в три тысячи лет. Эти существа, разорившие планетные системы инсектов, по какой-то причине повернули вспять и снова скрылись в пределах породившей их газопылевой туманности. Нужно заметить, что ни одна из цивилизаций древности не изобрела гиперпривод в том виде, в каком он реализован в человеческих технологиях, и потому их корабли были вынуждены двигаться с околосветовыми скоростями в «нормальном» трехмерном континууме. Это существенно затрудняло колонизацию звезд, а кажущийся успех экспансии дельфонов и инсектов объяснялся лишь тем, что обе цивилизации развились на планетах, входящих в состав рассеянных звездных скоплений, где расстояния между десятками близлежащих светил

не превышали пяти-шести стандартных световых лет.

«Нельзя недооценивать факт отсутствия у известных нам рас древности такого устройства, как гипердрайв», — подумал Горкалов. Именно отсутствие эффективного внепространственного привода, по мнению многих исследователей, подвигло инсектов на строительство Сферы Дайсона вокруг родной звезды. Бытующее мнение, что таким образом они пытались укрыться от повторного нашествия предтеч, он лично считал глубоко ошибочным — ведь Сфера, при всех ее очевидных преимуществах, не выдерживала никакой критики в плане обороноспособности, — разрушить ее извне было бы гораздо легче, чем могло показаться на первый взгляд, и поэтому инсекты, используя вещество своих планет для строительства циклопической конструкции, преследовали, по мнению Ильи Андреевича, иную главную цель: получить необходимое жизненное пространство, с тем, чтобы миллиарды особей более не зависели от успехов рискованной экспансии в глубь космоса.

Об инсектах, потомки которых до сих пор сосуществовали с людьми на некоторых планетах, на сегодняшний день было известно до смешного мало: ведь по современным, деградировавшим анклавам чрезвычайно трудно судить о свойствах, которыми обладали их высокоразвитые предки.

История контактов человечества с инсектами носила весьма фрагментарный и драматичный характер.

Илья Андреевич опять обратил свой взгляд на схему. Отыскав глазами Сферу Дайсона и расположенный в нескольких световых годах от нее желто-коричневый маркер покинутой людьми колонии, Горкалов вдруг одним движением алого огонька очертил огромную область расширяющегося в пространстве конуса человеческой экспансии, обращая внимание на хаотичное, бессистемное расположение изумрудно-зеленых точек.

«Да…» — подумал он, — «причудливо разбросала гиперсфера колониальные транспорты наших предков…»

Современные исследователи, хорошо знакомые с теорией гиперсферы, не находили в этом бессистемном, хаотичном расселении ничего удивительного или необъяснимого, но полторы тысячи лет назад, в период так называемого Первого Рывка, миллиарды колонистов, отправившихся в космос, переживали свои личные трагедии со всей остротой — ведь они полностью утрачивали какие бы то ни было контакты с прародиной и друг с другом, часто совершенно не представляя, куда забросила их неизученная в ту пору аномалия космоса. Как следствие: такое взрывообразное, хаотичное расселение по спиральному рукаву, движение вперед не ради

самого движения, а ради выживания, и привело к заселению огромного участка пространства, а также (об этом не следовало забывать ни на секунду) к возникновению сотен *потерянных* колоний, часть из которых либо пребывает в забвении до сих пор, либо вторично открыта уже в процессе осмысленного, систематизированного освоения космоса.

Горкалов напомнил себе об этом факте с одной лишь целью — мысленно указать своему воображаемому собеседнику, почему Сфера Дайсона и Деметра де-факто колонизированы более тысячи лет назад, но реально мы узнали о них лишь в прошлом веке. Сначала, во время Эригонского кризиса на ледяном спутнике Эригона, Луне-17, был случайно обнаружен некий Интеллект — фотонный компьютер инсектов, когда-то управлявший Сферой Дайсона и эвакуированный оттуда во время второго нашествия предтеч. Три миллиона лет он спал в своем схроне, пока наша, человеческая война не пробудила его.

Двигаясь по следам Интеллекта, который исчез с Луны-17, силам Конфедерации Солнц удалось обнаружить Сферу Дайсона, во внутреннем пространстве которой, как выяснилось, уже давно существовала изолированная колония людей.

Чуть позже событий на Деметре состоялось знакомство с далекими потомками строителей Сферы, насекомоподобными разумными существами, которые вели затянувшуюся на многие века войну с потомками колонистов, прибывших на Деметру после слепого гиперсферного рывка на колониальном транспорте «Бристоль»…

Раса инсектов, несмотря на упомянутые контакты, по-прежнему оставалась загадкой. В изучении насекомоподобных существ мог бы помочь Интеллект, но, вернувшись на свое место в Сферу Дайсона, этот древний компьютер инсектов определенно замкнулся в самом себе, осуществляя контакты с людьми лишь по поводу восстановления тех или иных объектов своего циклопического мира, пришедших за три миллиона лет бесхозного существования в полнейший упадок. Многолетнее противостояние на Деметре также не сказалось положительным образом на взаимоотношениях людей с деградировавшими потомками разумных насекомых, и они, даже после того как им была возвращена во владение колония на планете Хабор, весьма неохотно шли на контакты с исследователями.

Илья Андреевич бывал в современных поселениях инсектов. Три экспедиции, в которых он принимал участие, несмотря на противодействие со стороны разумных насекомых, все же собрали достаточно материала, чтобы выдвинуть и опубликовать следующую теорию:

Первоначально инсекты являлись носителями так называемого «общественного разума» (примером могут служить земные муравьи или пчелы), но в процессе эволюции у них, кроме ярко выраженной способности к телепатии, развилась еще одна удивительная черта приспособляемости — в зависимости от воздействия окружающей среды, каждый из инсектов мог стать либо полноценным, мыслящим, полностью независимым в своих суждениях и действиях существом, либо, наоборот, регрессировать до уровня безынтеллектуальной особи, подчиненной целям общественного выживания.

Именно такой механизм «искусственного регресса», по мнению Горкалова, позволил инсектам в свое время произвести титанические работы по созданию Сферы Дайсона. Полностью использовать вещество семи планет родной системы и построить из него скорлупу вокруг тускло-красной звезды, с тем, чтобы будущие поколения могли пользоваться регулируемым климатом и бескрайним жизненным пространством циклопической конструкции, — подобное усилие требовало труда всей цивилизации на протяжении многих поколений, и Человечество, например, так и не решилось на подобный общественный подвиг, хотя до открытия гиперпривода оно едва не погибло в результате перенаселения и истощения естественных ресурсов планет.

В понимании Горкалова, из полученных знаний об инсектах следовало сделать один очевидный вывод: в тот момент, когда они почувствовали, что катастрофа перенаселения, возникшая после эвакуации колоний, подвергшихся разрушительным атакам предтеч, уничтожит их как вид, разумные насекомые поставили себе целью построить Сферу Дайсона с ее явными энергетическими преимуществами и огромным жизненным пространством, а как следствие — миллиарды существ недоразвились, исполняя функции послушных рабочих. Очевидно, что в тот период всей цивилизацией инсектов руководило лишь небольшое количество особей, а сам механизм «искусственного регресса» показал себя как жестокий, с точки зрения нашей этики, но чрезвычайно эффективный инструмент выживания вида…

…Следующая, наиболее драматическая страница истории древнего мира, начинается с момента второй миграции предтеч. На этот раз орды неразумных космических созданий оказались воистину чудовищны по своей численности — видимо, они процветали и множились в недрах газопылевой туманности, где для них имелось много пищи, и такие благоприятные условия в конце концов привели к чрезмерному росту популяции, а как следствие — к новой миграции.

Илья Андреевич машинально помассировал переносицу.

«Предтеч будет очень наглядно сравнить со стаями саранчи, полностью истребляющий посевы…» — подумал он, — «с той чудовищной разницей, что „посевами“ для них служило вещество планет, которое они пожирали, а насытившись, безудержно размножались, увеличивая свою численность в геометрической прогрессии».

Их миграция смела оставшиеся колонии инсектов и задела своим разрушительным крылом Сферу Дайсона, оставив гениальное сооружение искалеченным. Причинив эти непоправимые беды цивилизации насекомых, орды предтеч двинулись дальше, к современному пространству Рукава Пустоты, на окраине которого в ту пору обитали дельфоны.

Нельзя забывать, что трагедия древнего мира протекала не молниеносно, — и миграция предтеч, и противостояние им напрямую зависели от космических расстояний и тех скоростей, на которые трехмерный континуум накладывает известные ограничения скорости света.

Несложно представить, что должны были испытать ластоногие носители разума, впечатленные трагедией инсектов и осознающие, что на них медленно, но неотвратимо надвигается всепожирающая сила, уже превратившая рассеянное скопление из сорока звезд, вокруг которых обращались планеты инсектов, в пустыню, где остались лишь частично обглоданные, а затем расколотые силами гравитации и внутренних напряжений планетоиды… Насекомых не уберегла ни Сфера Дайсона, ни управлявший ею фотонный мозг. Казалось, что эффективного средства борьбы против предтеч нет вообще, и тогда дельфоны, осознавая полную безвыходность своего положения, пришли к решению применить более радикальные способы борьбы с космической проказой. Они обладали достаточной техногенной мощью, чтобы провоцировать взрывы звезд. Современные исследования артефактов, найденных в Рукаве Пустоты, показали, что дельфоны сумели ограничить этот катастрофический процесс некоторыми рамками и в своих военных исследованиях вплотную подошли к изобретению собственного аналога существующей у людей аннигиляционной установки «Свет».

Если бы они успели создать компактный прибор, катализирующий синтез античастиц, и установить его на кораблях, то, скорее всего, миграция предтеч была бы остановлена в границах их колоний, а цивилизация дельфонов спасена, но им не хватило либо времени, либо знаний. Налицо остается печальный факт: год за годом, на протяжении целого столетия, ластоногие отступали под натиском мигрирующих

сонмищ, взрывая звезды тех систем, куда вторгались предтечи. В этих титанических вспышках гибли миллиарды космических амеб, но их миграция продолжалась, несмотря ни на что…

…В течение ста с лишним лет были взорваны все двадцать звезд скопления; цивилизация дельфонов погибла, космос превратился в мертвое пространство, а жизнь на чудом уцелевших мирах была деформирована пагубными влияниями вспышек уничтоженных звезд. В результате образовался печально известный Рукав Пустоты, где в абсолютном мраке бродят по своим нестабильным орбитам черные, опаленные пламенем ядерного распада планетоиды — страшный памятник погибшей цивилизации дельфонов.

Взгляд Горкалова переместился дальше по схеме, в глубь чернильного провала.

Теперь, после мысленного экскурса в историю инсектов и их ближайших соседей, на повестке дня оставался вопрос о третьей расе, чьи космические территории располагались дальше, в глубине современного Рукава Пустоты. О расе логриан на сегодняшний день было известно меньше, чем о других. Все сведения о них ограничиваются устными преданиями, до сих пор бытующими в среде инсектов, да новейшими исследованиями недавно обнаруженных в Рукаве Пустоты артефактов.

Судя по имеющимся данным, в основном почерпнутым из общения со старейшинами общин инсектов, ныне обитающих на планете Хабор, две цивилизации древности (Горкалов имел в виду инсектов и логриан) открыто не враждовали, но недолюбливали друг друга столь сильно, что даже перед лицом угрожавшей обеим расам опасности не объединились.

По мнению инсектов, логриане были мудры, слабы физически и осторожны до такой степени, что эту отличительную черту их характера в легендах называют не иначе, как врожденной трусливостью.

Существенным отличием логриан от двух других рас является тот факт, что они не колонизировали планеты, а прочно обосновались в пространстве, предпочитая строить огромные искусственные сооружения, совершенно не похожие на Сферу Дайсона инсектов. Их космические поселения отличались модульной конструкцией и напоминали наши современные орбитальные комплексы, только в тысячи раз более внушительные по своим размерам.

Логриане, как стало известно совсем недавно, обладали потрясающими по своему совершенству компьютерными технологиями, которые на три миллиона лет предвосхитили появление современной межзвездной сети Интерстар.

Взгляд Горкалова упал на серый, невзрачный кристалл, выполненный из кремния, лежавший на столе рядом с консолью управления компьютерным терминалом. Внешне он не привлекал взгляд ничем, кроме правильной геометрической формы своих граней, которые несомненно могли сопрягаться с другими подобными кристаллами, но при сильном увеличении этот кусочек обработанного кремния выдавал сложнейшую внутреннюю структуру, выполненную на молекулярном уровне.

— «Нет…» — внезапно подумалось ему. — «Они не погибли и не исчезли…» — Взгляд Горкалова скользнул по черноте Рукава Пустоты. — «Я прав, и Шефорд должен будет поверить во все, что я сообщу ему…»

Глава 2

Истина всегда где-то рядом. Порой она представлена лишь разорванной цепочкой незначительных на первый взгляд фактов, и только пытливый, ищущий ум может обнаружить ее, вновь соединить разрозненные звенья и восстановить реальную последовательность событий.

Имеющий уши — услышит. Имеющий глаза — увидит. Имеющий разум — обретет истину…

Планета Элио. Район бывшей штаб-квартиры Конфедерации Солнц

Когда Илья Андреевич вышел из дому, уже вечерело.

Осенью на Элио смеркалось рано — было лишь начало седьмого, а огромный город уже украсился тысячами огней.

Накрапывал мелкий осенний дождь. Погода стояла под стать настроению — тихая, безветренная, но стылая, будто природа так же, как Горкалов, ждала чего-то необычного, а главное — недоброго…

«Как затишье перед бурей…» — невольно подумал он, удивляясь направлению собственных мыслей и рождающимся в голове ассоциациям: будто все, что его привычно окружало, в этот миг показалось чуждым, пугающим, обладающим скрытым, недопонятым смыслом… словно он видел все это в последний раз, но сам еще не понимал или, скорее, не хотел понимать остроты своих предчувствий.

Подчиняясь внезапному настроению, Илья Андреевич подошел к высокому парапету, ограждающему тротуар улицы и, облокотившись о его холодную, влажную поверхность, взглянул с высоты седьмого городского уровня на залив Элио.

Более полутора тысяч лет назад здесь совершил посадку основной модуль колониального транспорта «Кривич», стартовавший из Солнечной системы в 2210 году. Как и сотни других кораблей, колониальный транспорт его предков заблудился в аномалии космоса. По полетному плану корабль должен был достичь Альфы Близнецов, но силовые линии гиперсферы рассудили по-своему, вышвырнув транспорт с тремя сотнями тысяч спящих колонистов в окрестностях этой звезды.

Горкалов достал сигареты. У него было еще несколько минут, чтобы

постоять, глядя на серую, как свинец, маслянистую гладь залива, от поверхности которого, роняя капли алой ауры, ввысь поднимались пламенеющие в ночи столбы Раворов — исполинских деревьев, на которых гнездились колонии фосфоресцирующих микроорганизмов.

Город обнимал воды залива, возвышаясь над ним циклопической уступчатой подковой. По побережью, вдоль галечных пляжей, тянулась полоса растительности — это был национальный парк Элио, — не только дань исконным жизненным формам принявшей людей планеты, но и своеобразный природный буфер между тщательно оберегаемым водным заповедником и исполинским городом.

Полторы тысячи лет пронеслись над столицей Элио — Раворградом, основанным на месте посадки колониального транспорта, и Горкалову — далекому потомку прилетевших на нем людей, было удивительно и тревожно смотреть этим вечером на пламенеющие Раворы, возвышающиеся над гладью залива.

Он думал о том, как тяжело было сохранить эту девственную красоту, и не потому, что она хрупка, а человек силен — как раз наоборот. Для первых поселенцев исконная биосфера Элио обернулась сущим адом — тут царили свои, не приемлющие людей, сильные, устоявшиеся за миллионы лет эволюции жизненные формы, и первое столетие колонии было веком постоянной борьбы за выживание.

«Вселенная враждебна», — думал Горкалов, глядя на пятидесятиметровые факелы холодного опалесцирующего света. — «Каким запасом здравого смысла и мужества обладали наши предки, сумевшие превратить чуждую жизнь не в прах, а в гордость, в национальный символ для новых поколений…»

Бросив окурок в пасть уличного утилизатора, он пошел к парковочной площадке, где стоял его «Гранд-Элиот». Пора было переключиться на мысли о встрече.

Сев в машину, он дождался, пока дверка автоматически закроется, а его обнимет привычная тишина салона с ее особенным запахом, таинственным мерцанием подсвеченных изнутри приборных панелей, тихим неназойливым попискиванием ожидающего его команд бортового компьютера.

Горкалову было пятьдесят пять, но он никогда не воспринимал себя пожилым человеком. Лишь сейчас, ощутив, сколь приятен внутренний комфорт машины после холодной, стылой мороси осеннего вечера, он вдруг подумал с присущей ему жесткой прямолинейностью: «Стареешь, Илья…»

Машина, мягко тронувшись с места, ушла с парковки, вывернула на широкую магистраль уровня и, набирая скорость, рванула вперед, сияя габаритными огнями в мягких, опускающихся на столицу Элио сумерках…

Странный коктейль, смешанный из полуосознанных предчувствий и четких, уже оформившихся выводов, бередил разум Горкалова. Бросив взгляд в боковое стекло, он поразился тому контрасту, который, в его субъективном восприятии, присутствовал между заливом и городом, словно мощный «Гранд-Элиот» не просто набирал скорость на прямом участке городской автомагистрали, а несся по линии терминатора, между алым светом Раворов и холодной зябкой тьмой, укрывшей человеческий мегаполис.

…Неужели кто-то из психологов действительно полагает, что способен разобраться в истинных, не выставленных напоказ, а наоборот, глубоко спрятанных внутри ощущениях отдельно взятого человека? Это нереально. Можно определить лишь общие тенденции, за которыми обязательно скрываются тысячи нюансов, определяющих сиюминутный момент, дающих толчок тому или иному поступку.

Именно поэтому ни один андроид никогда не разовьется до уровня человека. В нем нет упомянутого, скрытого оттенка ощущений: робот никогда не испытает крадущейся вдоль позвоночника дрожи, — смена настроения в блоках псевдоинтеллекта не сможет произойти просто оттого, что прохладный ветер пахнул в приспущенное боковое стекло, обдав лицо нежной, грустной осенней влагой…

Илья Андреевич вел машину легко, испытывая удовольствие от плавной, едва слышной работы водородного двигателя, мягкого, прорывающегося в салон шелеста покрышек по влажному стеклобетону скоростной магистрали, от сияния тысяч габаритных огней, что текли вокруг по изгибам многоуровневых дорожных развязок. Он изумлялся своим ощущениям, будто впервые обратил внимание на собственный внутренний мир и на город, обнимавший его, пульсировавший вокруг…

Его душевное равновесие крепло.

Неужели для этого нужно так мало: выйти из прокуренного сумрака своего кабинета, ощутить удовольствие от езды, скинуть груз зациклившихся на одном и том же мыслей, увидеть текучие огни города? Неужели и у других людей в определенные моменты чувство уверенности в самом себе, сопричастности к жизни напрямую зависит от таких мелочей, как количество водорода в накопителях собственной машины, от ритма работы городских энергостанций, от того, ровно ли дышит это исполинское техногенное единение миллионов людей, каждый из которых, взятый в

отдельности, на самом деле не думает ни о чем, кроме собственных, глубоко личных проблем и переживаний?

Наверное, в этом и кроется потаенный смысл термина «цивилизация» — не муравейник, нет, — незримое, чаще всего неощутимое единение, которое реально проявляется лишь в момент, когда внезапно грянет беда…

…Площадь, на которую он выехал десять минут спустя, в прошлом была известна всей обитаемой Галактике. Это сейчас по ее серому стеклобетонному покрытию редко проезжают машины, а раньше, бывало, чтобы попасть сюда, требовался особый пропуск…

Илья Андреевич остановил свой «Гранд-Элиот» напротив президентского дворца. Справа, освещенное прожекторами, вздымалось в чернеющие небеса уступчатое здание Совета Безопасности Миров, перед которым слабый ветерок лениво шевелил флаги двух сотен планет. Это учреждение все еще действовало, выполняя теперь функции скорее номинальные, чем практические.

Горкалов вылез из машины и пошел прямо через площадь, мимо другого здания, которое темной массой высилось по левую руку от резиденции президента Элио.

Это был генеральный штаб военно-космических сил Конфедерации Солнц, от которого, по идее, осталось лишь название да эта скупо освещенная несколькими сиротливыми прожекторами коробка огромного, набитого компьютерами здания.

Илья Андреевич шел через площадь к сияющему огнями ресторану «Созвездие», пытаясь мысленно настроиться на встречу с Джоном, но его воображение, все еще взбудораженное полученным фрагментом расшифровки с древнего кристалла, подталкивало разум в иную сторону, будто нетерпеливый ребенок, который тянет своего родителя к киоску с заветным лакомством, — все мысли нет-нет да и сворачивали в одном и том же направлении.

Пересекая площадь, которая в прошлом являлась символом стабильности и процветания союза сотен миров, Илья Андреевич думал о Человечестве, о его дороге к звездам, одновременно поражаясь тому, что пятнадцать веков люди продвигались в космос, практически ничего не зная о своих разумных предшественниках, и вот за последнее столетие эти открытия вдруг посыпались одно за другим, будто кто-то невидимый опрокинул над Человечеством некий рог изобилия.

На самом деле ничего странного в подобном факте не было — просто на протяжении минувшего века разведывательные корабли Окраины все

чаще и чаще стали вторгаться в зону преградившего путь дальнейшей экспансии Рукава Пустоты. Попытки пересечь это загадочное место в поисках новых жизненных пространств для постоянно растущего Человечества и дали в конце концов девяносто процентов всех находок и открытий…

…С такими мыслями он подошел к стеклянным дверям «Созвездия», еще не подозревая, в каком состоянии, спустя час, выйдет отсюда.

* * *

Ресторан «Созвездие» был своего рода клубом, где собиралась политическая элита планеты.

Горкалов не испытывал пристрастия к подобным фешенебельным местам, где все чинно, чопорно и подчинено неписаным правилам неизвестно кем и когда выдуманных протоколов.

В его понятиях, так же как в жизни, все делилось на примерно равные части — то есть у Горкалова хватало как сугубо личных комплексов, так и, наоборот, той доли здорового юмора, который не позволяет некоторым предубеждениям перерасти в неприязнь или что похуже из адекватного набора человеческих чувств.

Поднявшись на второй этаж, он очутился в просторном зале, огромные панорамные окна которого выходили на залитую огнями площадь перед президентским дворцом. Посетителей за столиками было мало, и это порадовало Илью Андреевича, тем более, что он с порога заметил Шефорда, охрана которого, состоявшая из трех хмурых типов, сидела на почтительной дистанции, но дело свое знала: Илья мгновенно ощутил, как его буквально просветили насквозь три пары внимательных глаз.

Естественно, что кейс в руках Горкалова тут же вызвал их подозрение, но Джон, который также заметил появление Ильи Андреевича, сделал пренебрежительный жест рукой — сидите, мол, не дергайтесь.

Охранники осели, но не расслабились, и три пары глаз продолжали следить за Горкаловым, пока он шел к столу, обменивался с генералом рукопожатием, — в общем, исполняли свои прямые обязанности.

Сев к ним спиной, Илья просто выкинул из головы этих отстраненных от сути дела наблюдателей.

Внешне Шефорд не очень изменился за прошедшие годы, разве что погрузнел немного, а вот в его повадках, манере общаться появилось много нового. Он явно осознавал свое нынешнее общественное положение и вел себя соответственно.

— Ну, Илья, что у тебя за проблемы? — спросил он, покосившись на ноутбук, который Горкалов положил на стол, сдвинув для этого часть сервировки.

— Дело серьезное, Джон, — в тон ему ответил Горкалов, решив, что нечего ходить вокруг да около, не для того просил о личной встрече. — Сколько у нас времени? — осведомился он.

— Минут сорок могу себе позволить.

Илья Андреевич кивнул, активируя систему переносного компьютера.

Нужно отдать должное Шефорду, — он не стал недоумевать, а сразу переключил внимание на экран, правда, не забывая при этом работать ножом и вилкой.

Илья едва притронулся к богатому выбору присутствующих на столе блюд, и потому изложение фактов, перечень которых он тщательно готовил, не заняло у него более пятнадцати минут.

Джон слушал его внимательно, но по лицу генерала невозможно было угадать, насколько сильно действует на его воображение лекция по истории древнего мира.

Наконец, когда Горкалов умолк, Джон после некоторой паузы спросил:

— История — это хорошо, Илья, но ты мне объясни, к чему лекция? По какому поводу?

Горкалов ждал подобного вопроса.

— Месяц назад по каналу ГЧ[2] пришло сообщение, с использованием боевых кодов Конфедерации Солнц. Часть передачи велась открытым текстом, но это было сделано скорее для привлечения внимания к самому сообщению, которое кодировано шифром двадцатилетней давности, — произнес он, доставая из кейса лист распечатки.

Шефорд принял его и пробежал глазами по строкам.

«Исходящее:

Борт крейсера „Орфей“. Гуманитарная миссия Совета Безопасности Миров.

Всем станциям Гиперсферной Частоты.

Код тревоги — красный.

Докладывает галакт-лейтенант Стриммер, личный номер Р4982.

Доношу до сведения всех структур безопасности: 27мая 3775 года, в результате поисково-картографических работ десантной группой, высаженной с борта крейсера „Орфей“, обнаружены следы уничтоженной

колонии на планете УК-207 по универсальному каталогу.

Подверглись атаке со стороны…»

Джон поморщился и кивнул, не дочитав текста сообщения:

— Я в курсе, — проронил он, возвращая Горкалову лист. — «Орфей» пропал двадцать лет назад. По-моему, нет смысла копаться в столь далеком прошлом.

— Бессмысленных вещей не бывает, — сделав вид, что не замечает пренебрежительный тон Шефорда, произнес Горкалов и тут же спросил: — Ты знаком с полным текстом передачи?

— Да, — ответил Джон. — Но я не считаю, что это правда. — Шефорд откинулся в кресле, пренебрежительно взмахнув рукой. — Посуди сам, никому не известная женщина, назвавшаяся лейтенантом Военно-космических сил, вдруг объявляется после двадцатилетнего отсутствия и по каналам Гиперсферной Частоты заявляет на весь обитаемый космос, что мы вот уже полвека находимся в состоянии войны с неизвестной расой, представители которой, — вдумайся, — пришли из соседней Галактики и уничтожили целую колонию, о существовании которой никто даже це подозревал. По-моему, это просто бред. Покопайся в Сети Интерстар, там таких амбициозных заявлений — пруд пруди. Психов кругом навалом… — с досадой заключил он.

Горкалов и не ожидал, что разговор получится простым. Он терпеливо выслушал отповедь Шефорда и спокойно спросил:

— Скажи, а после получения шифровки кто-нибудь проверил «Воргейз»?

Джон неодобрительно покачал головой.

— Ты имеешь в виду эту мифическую колонию?.. Нет, конечно, — признал он. — Не те времена, Илья, — Конфедерации нет, каждый выживает сам по себе, и подобные сигналы уже не могут, как в прошлом, вызвать реакцию: реагировать некому. Не станет же правительство Элио субсидировать экспедицию за сотню световых лет, чтобы проверить сообщение, от которого попахивает обыкновенной паранойей…

— А почему ты не веришь в это сообщение? — Прежде чем говорить дальше, Илья Андреевич хотел понять логику Джона. — Ведь по указанным координатам действительно существует планетная система, а колониальный транспорт «Воргейз» на самом деле стартовал с Земли в двадцать четвертом веке и без следа канул в аномалии космоса.

Шефорд посмотрел на Горкалова с явной укоризной во взгляде.

— Нет, Илья… — отрицательно качнул головой генерал. — Ты же должен понимать — это не доказательство. Архивы со списками колониальных транспортов общедоступны. Эту шифровку мог состряпать кто угодно. Теперь, когда коды связи Конфедерации уже не являются военной тайной, ими могут воспользоваться все, вплоть до откровенных параноиков. — Он внезапно протянул руку и взял лист распечатки. — В этом, — он медленно скомкал лист и уронил его на пол, — нет ни грамма здравого смысла. — Тон Шефорда был жестким, неприязненным и исключающим возражения.

Горкалов никак не отреагировал на внезапную грубость. Он продолжал спокойно смотреть на генерала, и тому пришлось пояснить свою раздраженность:

— В качестве источника вторжения там указана Туманность Андромеды, а это миллиарды световых лет от нас, бездна межгалактических пустот… — веско обронил он и тут же добавил, ставя, как ему казалось, жирную точку в конце всей проблемы:

— Нужно быть идиотом, чтобы вторгаться из своей Галактики в чужую, преодолевая такой провал пустоты. Это нонсенс, Илья… Притянуто за уши. Я удивлен, что ты купился на подобную чушь…

Илья Андреевич выслушал его, по-прежнему не выказав никаких эмоций. Нагнувшись, он поднял с пола скомканный листок, аккуратно расправил его, положил на стол рядом с ноутбуком и произнес:

— Я воспринял твою логику, Джон. Рад, что ты по-прежнему мыслишь здраво. Теперь позволь мне отнять еще минут десять твоего драгоценного времени.

Шефорд, который вновь принялся есть, пренебрежительно махнул вилкой — валяй, мол, только ничего ты не добьешься, все уже и так ясно…

Горкалов поправил ноутбук, повернув его так, чтобы генералу был лучше виден экран, как бы невзначай коснулся при этом неприметного сенсора, расположенного на углу пластикового корпуса, и произнес:

— Есть некоторые факты, Джон, которые на первый взгляд кажутся незначительными, но во взаимосвязи начинают прорисовывать определенную схему. — Он на секунду задумался, собираясь с мыслями, а затем продолжил:

— Ты ведь не станешь отрицать, что в древности на территории освоенного человечеством пространства существовало, как минимум, три разумных расы?

— Нет, не стану. Они были, — легко согласился Шефорд.

— Тогда ты должен понять мою логику так же, как я воспринял

твою. — Тон Горкалова оставался серьезным, слова — спокойными и взвешенными:

— Принято считать, что древние цивилизации погибли под ударами предтеч, оставив после себя лишь Сферу Дайсона, Рукав Пустоты и известное количество артефактов, большинство из которых обнаружены совсем недавно…

Шефорд кивнул, продолжая есть. Он не понимал, в какую сторону клонит Горкалов, но следующие слова отставного полковника заставили его насторожиться, застыв с не донесенной до рта вилкой.

— Незадолго до краха Конфедерации на спутнике Эригона, Луне-17, был обнаружен и реанимирован фотонный мозг, который три миллиона лет назад управлял Сферой Дайсона.

Шефорд опустил вилку и машинально потер подбородок. От взгляда Горкалова не укрылось, что генерал внезапно перестал есть.

— Ну и что? — справившись с какими-то внутренними эмоциями, переспросил Джон.

— На Луне-17 шли серьезные боевые действия, в результате которых древний фотонный мозг едва не погиб, — напомнил ему Илья Андреевич. — Интеллект был травмирован, лишился части своих составляющих и чудом успел ускользнуть оттуда, унося твердую уверенность, что люди — его враги.[3] Вернувшись на свое исконное место, в Сферу, и обнаружив на ее разрушенных просторах все тех же людей, случайно занесенных туда через аномалию космоса, он начал войну против существующей колонии, что, в свою очередь, едва не привело к катастрофе галактического масштаба. — Горкалов на миг умолк, заметив, как Шефорд неосознанно скомкал салфетку, сжав ее в кулаке.

— Это было давно, — ответил Джон, не глядя на собеседника. — Сейчас Интеллект сотрудничает с людьми, — натянуто добавил он.

— Сотрудничает, — согласился с ним Горкалов. — Но делает это скорее вынужденно, ради восстановления искалеченной Сферы. — Он исподлобья взглянул на Шефорда и добавил:

— Давай отнесем его в разряд сил не враждебных, но и не дружественных, и запомним, что существует эта темная лошадка, под контролем которой с каждым годом оказывается все больше и больше пространств Сферы Дайсона.

Джон нехотя, через силу, кивнул. Ему явно не нравилось направление, которое внезапно принял разговор, но Горкалов, исподволь наблюдая за ним, не понимал, отчего бывший сослуживец с таким предубеждением

относится к его упоминанию о Сфере Дайсона и древней машине инсектов…

«Может, у него просто скверное настроение? Хотя вряд ли — ведь началась встреча нормально, без предубеждений, а теперь вдруг такое неприятие…»

— Ладно, не будем уходить от темы… — произнес Илья, делая вид, что не замечает угрюмого выражения лица своего высокопоставленного собеседника. — Меня в данном случае интересует не столько сам Интеллект, сколько способ его бегства из схрона на Луне-17.

Шефорд продолжал хмуриться, вяло ковыряя вилкой.

— Многие исследователи сходятся в том, что расы древности не имели понятия о гипердрайве, — продолжил свою мысль Горкалов. — Но Луну-17 и Сферу Дайсона разделяют семь с половиной парсек,[4] — заметил он, — а фотонный мозг инсектов успешно преодолел их.

Шефорд некоторое время обдумывал его слова, а потом вдруг попытался вовсе отмахнуться от них:

— Не все так однозначно, Илья… — буркнул Джон, поднимая бокал, но Горкалов остановил его:

— *Не все архивы Конфедерации стали достоянием гласности*, — поправил он генерала, демонстративно прикрыв ладонью свой бокал. — Выпьем чуть позже, Джон, если не возражаешь. — Он сощурился. — Нет смысла кружить в поисках истины — мы-то с тобой знаем, что в пещере на спутнике Эригона были обнаружены остатки конструкции, которая похожа на стационарный генератор низкочастотных импульсов.

Шефорд некоторое время молчал, но потом был вынужден кивнуть.

— Это закрытая информация, — не удержавшись, упрекнул он Илью Андреевича.

— Я помню. — Горкалов по-прежнему был серьезен и собран. — Я давал подписку о ее неразглашении.

— Ну хорошо… — Шефорд со вздохом отложил вилку. — Да, ты прав. Существовал тоннель, связывавший Сферу Дайсона и схрон на Луне-17. Но что это доказывает? Технология стационарного генератора слишком примитивна, это наш позавчерашний день. Принцип станций Гиперсферной Частоты по своей эффективности в сотни раз превосходит тот контур, обломки которого остались на Луне-17 после бегства Интеллекта. Это ничем не грозило и не грозит нам, — современные инсекты выродились, а пользоваться технологией гиперпространственных тоннелей просто нерентабельно, — чтобы связать такой канал с какой-либо

планетой, туда сперва нужно доставить устройство низкочастотных импульсов.

— Вот тут ты не прав, — возразил Илья Андреевич.

— В чем? В том, что на обоих концах тоннеля должны размещаться адекватные устройства?

— Нет. Ты верно трактуешь технологию и ее минусы, но заблуждаешься, утверждая, что существование низкочастотного генератора у древних инсектов ничем нам не грозит. — Горкалов вновь обратился к компьютеру, который принес с собой. — Я не зря прорисовал пространственную схему расселения древних рас и морочил тебе голову лекциями на тему истории древнего мира. Посмотри сюда, — он очертил алым курсором место, где на окраине современного Рукава Пустоты некогда располагались планеты инсектов, затем дельфонов, а за ними, чуть глубже, — космические поселения логриан, и пояснил:

— Ты верно заметил, Джон, — инсекты действительно путешествовали от звезды к звезде в трехмерном континууме, затрачивая на это десятилетия, а может быть, и века. Но сам факт существования тоннеля, ведущего с Луны-17 в сферу Дайсона, неопровержимо доказывает, что они обладали зачатками знаний о гиперсфере, а значит — могли иметь подобные порталы и на иных мирах, *куда отступили*, когда Сфера Дайсона затрещала по швам под ударом предтеч. Это наводит на мысль, что цивилизация инсектов не погибла, как принято считать, а бежала, не находишь?

Последний вопрос опять вызвал замешательство со стороны Шефорда. Разговор явно чем-то тяготил его, но что именно беспокоит генерала, Горкалов угадать не мог. Он лишь мысленно пообещал себе, что займется данным вопросом чуть позже, в зависимости от конечного результата их натянутого общения.

— Если ты допускаешь существование системы гипертоннелей, связывающих Сферу с некими мирами, то почему инсекты не иммигрировали туда раньше? — спросил Шефорд. — Если им было куда скрыться, зачем они строили Сферу и старались до последнего удержаться в ней?

— Видимо, там, куда они в конце концов были вынуждены бежать, их не ждали, — пояснил Горкалов, который уже обдумывал эту проблему. — То была крайняя, вынужденная мера, а транспортные артерии инсектов могли вести на уже освоенные кем-то планеты, не допускаешь? Но об этом чуть позже… — Илья внимательно посмотрел на собеседника и внезапно спросил:

— Ты можешь мне ответить, как образовался Рукав Пустоты?

Шефорд пожал плечами. Это же было так естественно. Зачем спрашивать, когда об этом после рассекречивания архивов Черной Луны и так растрезвонили на всю обитаемую Галактику?

— Дельфоны, — коротко ответил он. — Они взрывали звезды на пути миграции предтеч.

Горкалов кивнул и вдруг, прищурясь, заметил:

— Двадцать звезд, колонизированных этой расой, составляли рассеянное скопление на краю Рукава. От их гибели могла образоваться лишь полоска мрака, а не весь Рукав. Далее, — он не позволил задавать себе встречные вопросы, — смотрим на следующую проблему: почему логриане строили огромные космические дома, а не расселялись на планетах?

— Ну для этого может быть много причин…

Илья отрицательно покачал головой.

— Думаю, что причина одна, — он передвинул световой маркер, отчертив им край Рукава Пустоты. — Смотри, здесь располагались планеты дельфонов. Далее, в районе Сферы, — миры инсектов. То есть сюда путь для экспансии логриан оказался заказан. Но почему тогда не в другую сторону, противоположную дельфонам и инсектам, — вот в эту бескрайнюю черноту?

Джон лишь хмыкнул, глядя в огромное, лишенное звезд пустое пространство, которое очерчивал маркер, и Горкалов был вынужден продолжить мысль, сам сформулировав ответ:

— Думаю, что сзади логриан подпирал кто-то еще: большая успешная цивилизация, оккупировавшая все доступное жизненное пространство. Вот почему они толклись в узкой прослойке космоса, строя исполинские сооружения в пустоте. *Им некуда было экспансировать!..*

— Но, позволь! — Шефорд, казалось, сбился с толку, ничего не понимая. — Там же пустота! Океан пустоты, Рукав!

— Вот именно, — спокойно ответил ему Илья. — Пустота там, где по аналогии с иными участками космоса, должно быть звездное скопление, вероятнее всего, шаровое! Куда оно делось? Сожрано предтечами? Взорвано? — Горкалов покачал головой. — Сомневаюсь… Скорее, оно замаскировано.

— Целое скопление? — усомнившись, хохотнул Шефорд, но смешок вышел нервным, ненатуральным и слишком громким, — охранник за соседним столиком повернулся и несколько секунд смотрел на генерала, пытаясь сообразить, не требуется ли тому помощь.

Горкалов подождал, пока Джон успокоится, и только тогда продолжил:

— Я ничего не утверждаю голословно. Всем моим догадкам есть подтверждения.

— Какие?..

— Рассказы очевидцев, побывавших там. Вот… — Горкалов вытащил из кейса пачку листов с распечатками. — Это документированные в бортовых журналах отчеты, — я собрал лишь официальные версии свидетельств о проникновении наших кораблей в некую загадочную область, где царит ослепительный свет тысяч близко расположенных звезд. А это, — он указал на несколько отдельно скрепленных листов, — упоминания о некогда существовавших технологиях логриан, сохранившиеся в устных преданиях сегодняшних анклавов инсектов. Там говорится, что логриане умели искривлять пространство. Свет в сильном поле гравитации будет отклоняться в сторону источника тяготения и могут быть созданы такие условия, когда фотоны станут ходить практически по кругу, не вырываясь наружу.

— Зачем это делать? — напряженно осведомился Шефорд. — Объясни, зачем им нужно было скрывать свет, исходящий от целого скопления звезд?

— Предтечи, — пояснил Горкалов, полагая, что этим термином выскажет все, но Джон продолжал смотреть на него, что-то обдумывая, и Илье Андреевичу пришлось развернуть свою мысль:

— Предтечи шли на свет. Где звезда — там и планеты, а значит — необходимое им вещество. Примером может послужить вид хищников, реагирующих на движение и не замечающих неподвижный объект… так и орды предтеч: они рефлекторно шли на свет звезд.

— Ладно… — Ладонь Шефорда тяжело легла на стол. — И как все это происходило в твоем видении?

Илья Андреевич ответил не сразу. Не нравилась ему реакция Шефорда, но тут он уже ничего не мог поделать — сам напросился на разговор, так что уж теперь…

— Представь себе такую реальность, Джон… — Илья Андреевич говорил медленно, тщательно формулируя каждую фразу:

— Когда три миллиона лет назад началась вторая волна миграции предтеч, то планеты инсектов первыми погибли под их ударом. Сфера Дайсона не выдержала напора, и из нее был эвакуирован Интеллект. На фоне этого апокалипсиса дельфоны уже начали взрывать звезды, но и такая мера не смогла остановить сонмища древней формы пространственной жизни… — Горкалов взглянул на экран и продолжил:

— Логриане понимали, что они являются следующими на очереди, а потом должен был настать черед той гипотетической расы, которая, по моим выводам, обитала в шаровом скоплении. Порталы инсектов, расположенные в агонизирующей Сфере Дайсона, скорее всего, связывали их искусственный мир с планетами упомянутого шарового скопления, — убежденно произнес Горкалов. — Возможно, эти каналы были официально действующими и служили для торговых связей между двумя цивилизациями, а быть может, инсекты, предвидя развитие ситуации, загодя доставили приемные устройства гиперсферной транспортировки без ведома хозяев тех миров, на случай, если их все же не укроет возведенная вокруг родной звезды Сфера Дайсона и они будут вынуждены спасаться, бежать, как, вероятнее всего, и вышло. — Илья щелкнул пальцем по схеме, указывая на желтые маркеры артефактов, оставшихся на территории Рукава. — Логриане также страстно желали скрыться, — продолжил он свою мысль, — но бежать им было некуда, — впереди гибли звезды дельфонов, а позади, на пригодных для обитания планетах, уже разгорался конфликт между спасавшимися бегством инсектами и истинными хозяевами скопления.

Шефорд сидел, забыв о еде, и смотрел на Горкалова мутными, белесыми глазами. Генерал явно переживал внутри себя нечто, неподвластное пониманию Ильи.

— Думаю, что за тот период, пока погибали колонии ластоногих, в скоплении установился хрупкий мир… — нарушил паузу Горкалов. — Вероятно, инсектам удалось закрепиться на части планет, — там, где присутствовали их порталы, и существа, которым изначально принадлежало скопление, решили выбрать меньшее из зол: вместо продолжения кровопролитной войны с инсектами, добровольно принять две беглые расы к себе, — на определенных условиях, конечно…

— А что они выгадали? — словно очнувшись от наваждения, хрипло спросил Шефорд, тут же сделав глоток вина, чтобы промочить пересохшее горло.

Илья Андреевич уже обдумывал этот вопрос и потому ответил на него достаточно уверенно:

— Очевидно, в результате межрасовых договоренностей, логриане получили возможность использовать свои технологии, разместив по периферии скопления искусственные источники гравитации, которые заставляли свет медленно поворачивать, а орды инсектов, оказавшихся бездомными, были использованы в этих титанических усилиях как добровольная рабочая сила… Понимаешь, Джон, ими в тот момент должен

был править страх — всеобщий страх перед неизбежной гибелью под ударом предтеч. Разумные расы, при всех различиях, еще кое-как могли договориться между собой, найти компромисс, какую-то взаимовыгоду, почву для единения, а вот с предтечами договориться было невозможно — они не обладали разумом. Поэтому страх перед ними оказался в какой-то момент сильнее ксенобиологических различий. Это и есть *истинная причина* возникновения Рукава Пустоты.

Илья откашлялся и вновь обратился к откидному дисплею ноутбука:

— Вот тут, — световой маркер, повинуясь его воле, отчертил большую часть Рукава Пустоты, — по исполинской, невидимой для нас сфере кружат накопленные за миллионы лет фотоны. В той области действительно громадная гравитационная аномалия — это мне удалось проверить по существующим данным. Если я прав, значит, за ней скрывается скопление звезд, свет которого попросту не доходит до нас.

Шефорд вытер рот салфеткой и откинулся на удобную спинку кресла.

— Хорошо… Допустим… — произнес он. — Но я по-прежнему не понимаю, при чем тут…

— Воргейз?

— Да.

Горкалов поморщился, глядя на бывшего сослуживца. Неужели Джон просто не хочет ничего понимать из-за какого-то высокомерного упрямства, развившейся вдруг узколобости? Или причина его пренебрежения кроется глубже, и под ней есть конкретная почва?

Горкалов привык анализировать поведение собеседника и ясно видел — Шефорд не придуривается, он просто пытается *сыграть* под дурачка, причем делает это достаточно неуклюже.

«Что ж… Ошибаться в людях всегда неприятно… Жаль, что делового разговора уже не получится», — подумал Илья Андреевич, — «но доводить его до логического конца придется».

— Давай теперь разберемся в шифровке… — сделав над собой усилие, произнес он. — Лейтенант Стриммер сообщает, что на Воргейзе обнаружены следы вторжения. Колония уничтожена некими гуманоидными существами, имеющими ярко выраженный голубой оттенок кожи. В качестве ударной силы они использовали инсектов, причем в сообщении четко упомянуто, что насекомообразные существа находятся в стадии так называемого «искусственного регресса». — Горкалов посмотрел на Шефорда и пояснил:

— Этот механизм эволюционной приспособляемости обнаружен у инсектов совсем недавно. Первые статьи о нем появились несколько

месяцев назад в узкоспециализированных изданиях и никак не могли стать источником информации для нашего, как ты считаешь, шутника-параноика. Это, во-первых… Во-вторых, обрати внимание, далее лейтенант Стриммер сообщает, что техническую поддержку вторжения осуществляли, — он взял листок распечатки, — цитирую: «негуманоидные существа с чешуйчатыми кожными покровами…» Так… — Он пропустил часть описания. — Ага, вот: «…ксенобиология ярко выражена наличием двух голов, посаженных на длинных гибких шеях. Называют себя логрианами».

Горкалов отложил лист и взглянул на Шефорда.

— Ответь, Джон, много людей осведомлено о существовании расы логриан?

Генерал несколько секунд сверлил собеседника угрюмым взглядом, а затем произнес:

— Нет. Я сам узнал об открытиях в Рукаве Пустоты не больше месяца назад.

— Вот именно. Теперь оцени эти совпадения с точки зрения здравого смысла и ответь — что в шифровке правда, а что — нет?

Джон упрямо покачал головой.

— Мне достаточно глупого нонсенса с Туманностью Андромеды, Илья. Ты не сможешь убедить меня в обратном.

— Попробую… — хмыкнул в ответ Горкалов. — Я не поленился поднять списки личного состава «Орфея» и архивные характеристики. Лейтенант Лиза М. Стриммер, подписавшая сообщение, действительно входила в экипаж крейсера Совета Безопасности, выполнявшего миссию картографической разведки, и, судя по отзывам, она хороший боевой офицер, но не аналитик, потому и купилась на *подсунутые ей факты*. — Горкалов выделил интонацией последнюю фразу и пояснил:

— Прочитав шифровку, я две недели сопоставлял факты, пытаясь понять, что в ней правда, а что нет. А когда увязал концы с концами, то позвонил твоему секретарю с просьбой о встрече.

— Зачем? Чтобы убедить меня в том, что черное — это белое? — с плохо скрытой неприязнью в голосе спросил Шефорд.

Горкалов отрицательно покачал головой.

— Существа, о которых говорится в шифровке, реальны, Джон. Они действительно оккупировали, а затем уничтожили потерянную колонию, позаботившись при этом, чтобы любой, кто обнаружит их, пошел по заведомо ложному следу. Соседняя Галактика — это абсурд, согласен. Но давай на миг отбросим предубежденность, поверим, что отсекли дезинформацию, и тогда факты начинают укладываться в рамки

определенной логики…

Шефорд продолжал хмуриться, машинально постукивая пальцами по подлокотнику кресла. Он не верил или же *не хотел верить* в сообщение о Воргейзе, видимо, вообще сбрасывал со счетов существование этой колонии.

— Под любым конфликтом должна быть почва… — наконец произнес он, признавая тем самым, что доводы Ильи звучат достаточно убедительно, чтобы от них нельзя было просто отмахнуться. На миг показалось, что непонятная предубежденность Шефорда наконец дала трещину и он начал мыслить здраво.

Горкалов кивнул.

— Жизненное пространство, — лаконично пояснил он.

Шефорд некоторое время размышлял над этим словосочетанием, а затем насмешливо возразил:

— Ты же сам сказал — там целое шаровое скопление.

Илья Андреевич поморщился.

— Ты ведь знаешь, что звезды в плотных скоплениях имеют исключительно мало планет, — произнес он, — и лишь ничтожная часть из них, — может быть, всего несколько сот, — пригодны для жизни.

Шефорд покачал головой и вдруг заметил:

— Миграция предтеч проходила три миллиона лет назад. Пусть все сказанное тобой — правда, но почему эти загадочные существа никак не проявляли себя раньше? Что заставляло их жить в изолированном от всей Вселенной скоплении, не высовывая носа наружу и даже не поинтересовавшись, а не сгинули ли их враги? И отчего они вдруг объявились теперь, а не сто, не двести, не тысячу лет назад? — Казалось, что он задает эти вопросы не Горкалову, а самому себе, — на скулах Джона играли желваки, будто в душе у него шла борьба.

— Я объясню, — ответил Горкалов. — Думаю, что основной причиной пассивности запертых в скоплении рас стал их регресс. На мой взгляд, ситуация три миллиона лет назад развивалась следующим образом… — Горкалов дотянулся до бокала и сделал глоток, промочив пересохшее горло. — Когда логриане отдали делу общего спасения свои технологии, а инсекты — рабский, титанический труд миллиардов особей, то хозяева скопления нарушили договор, следствием чего стала глобальная война, за которой последовал естественный, неизбежный регресс разоренных миров, подрыв существующей экономики, упадок технологий, и в результате — выжившие *остатки* трех, вынужденно сосуществующих в ограниченном пространстве цивилизаций, попросту утратили

большинство имевшихся знаний, — по сути для них наступили темные тысячелетия изоляции, а затем начался новый виток истории и медленного прогресса…

Илья Андреевич подался вперед, надеясь, что его слова наконец найдут отклик в разуме генерала:

— К тому времени, когда развился конфликт, скопление уже было закрыто щитом логрианских устройств, предтечи туда не вторглись, но и три расы забыли об окружающем космосе. Подумай, Джон, — три миллиона лет они варились там в собственном соку, фактически утратив воспоминания о существовании Вселенной, пока наша Экспансия не уперлась в Рукав Пустоты. Инсекты давно запамятовали о порталах и своей Сфере, логриане — о космических домах и компьютерах, верх над ними в конце концов, вероятно, взяли голубокожие, поработив пришлых и впитав все, что могли взять от них, в плане технологий. Ты бывал в шаровых скоплениях, Джон?

— Нет, — откровенно признался Шефорд.

— Там свет. Повсюду — свет. Добавь сюда искривленное по кругу излучение, и ты поймешь: они забыли о безграничности Вселенной, пока в их пространство, на протяжении последнего столетия, не начали проникать наши, человеческие корабли. Понимаешь? Мы сами потревожили их, заставили очнуться, задать вопрос, откуда? Откуда появляются эти странные пришельцы? Потом, заметь, — нами же, — был реанимирован Интеллект. Древний компьютер инсектов вернулся в Сферу и, по логике, что он должен был сделать в первую очередь?

— Найти расу своих создателей? — не очень уверенно предположил Джон.

— Да, — ответил ему Горкалов. — Распечатать, реанимировать доступные порталы, проверить их функциональность.

— И что дальше?

— Дальше следует закономерный вывод: на данный момент в скоплении господствует раса голубокожих гуманоидов, и они быстрее нас поняли суть происходящего. Отсюда — трагедия Воргейза. Они имели время и возможность наблюдать за нами, затем намеренно избрали одну из потерянных колоний, чтобы более основательно изучить людей и присвоить максимум наших технологий.

— Ты считаешь, что они напрочь лишены такого понятия, как этика? — мрачно осведомился Шефорд таким тоном, будто опять на секунду забылся и беседовал не с Горкаловым, а с самим собой, пытаясь осмыслить какой-то личный, внутренний вопрос. — Ты так запросто

утверждаешь, что разумные существа способны уничтожить целую колонию других разумных существ ради экспериментов над человеческой биологией и ознакомления с нашими техническими возможностями?!..

Илья Андреевич помрачнел.

— А разве у нас нет тысячелетней истории вивисекции?.[5] — После некоторого раздумья, жестко ответил он. — Опыты над обезьянами, над приматами Прокуса, клонирование ради донорских органов, биороботы, геноцид, войны? Это что, не часть нашей истории? Или мы не являемся расой разумных существ? Может быть, мне нужно огласить весь список смертных грехов человечества, которые имели и имеют место, хотя в корне противоречат нашим же собственным законам этики? Джон, давай просто посмотрим правде в глаза…

Шефорд долго молчал, обдумывая последние утверждения Горкалова.

Для грамотного специалиста доводы и факты, прозвучавшие из уст бывшего офицера внешней разведки, должны были стать, как минимум, информацией к серьезному размышлению, но Джон, сообразуясь с какими-то ведомыми лишь ему побуждениями, решил занять иную позицию: повернуть разговор так, чтобы он стал попахивать притянутыми за уши домыслами одинокого, давно оказавшегося не у дел отставного полковника, подвизающегося на ниве археологии космоса…

— Илья, ты, видно, засиделся дома, — нарушив молчание, наконец произнес он. — Я понимаю, исследования, все такое прочее, а ты боевой офицер… Может быть, после падения Конфедерации ты неудачно выбрал карьеру? — с наигранным сожалением в голосе добавил Шефорд. — Копаешься в прошлом, а душа ведь наверняка рвется не туда… Ты *хочешь* увидеть опасность для Человечества — вот в чем твоя беда.

Лицо Горкалова посерело.

— Я ничего не преувеличил, Джон. — Он все еще старался не вспылить, хотя понимал — разговор окончательно зашел в тупик.

— Тогда ответь мне прямо, чего ты добиваешься, в конце концов? — буркнул Шефорд.

Илья Андреевич в первый раз за весь разговор утратил самообладание.

— Я не прошу тебя о какой-нибудь услуге, — я просто предупреждаю, доношу информацию до сведения! — резко ответил он.

— Ты предупреждаешь меня о возможности войны?

— Об опасности. Любую ситуацию можно разрешить, предвидя ее. Гораздо честнее и проще истратить миллион кредитов и понять, что

ошибся, чем загубить миллион жизней из-за собственного нежелания слушать.

Шефорд насупился.

— Не перегибай, Илья!

— Я не перегибаю, Джон. Война редко вспыхивает сама собой. У ее истоков обязательно стоит либо чей-то конкретный интерес, либо обыкновенная некомпетентность политиков. Я привел тебе конкретные выкладки — почему ты не хочешь их слушать? В чем твой интерес, Шефорд?

Лицо генерала побагровело, пошло пунцовыми пятнами. Было видно, что он едва сдерживает себя, и это еще более разозлило Горкалова. Он ненавидел людей, которые вдруг начинали изворачиваться, как живой змееед Прокуса, брошенный на горячую сковородку.

— Не думай, Джон, что, нацепив генеральский мундир, ты стал ближе к богу, — произнес Горкалов. — Не хочешь ничего слышать — не надо. Дойду до министра обороны, ты меня знаешь.

— Он министр обороны Элио, а не Сферы Дай-она!.. — раздраженно оборвал его Джон. — Пусть об Интеллекте и порталах болит голова у тех, кто там живет!.. У нас по горло собственных проблем, и Элио не может реагировать на все события, происходящие в границах обитаемого космоса.

Илья смотрел на него, прищурясь.

Интуиция полковника подсказывала: Шефорд чего-то испугался, уж слишком явной оказалась смена настроения, от вялой, вальяжной заинтересованности к резким, оскорбительным и необоснованным выпадам.

Логика. Она еще никогда не подводила Илью.

— А ответить за загубленные жизни ты сможешь? — внезапно спросил он, используя старый прием.

Слепой удар точно попал в цель, вот только в какую?

Взгляд Шефорда почернел, стал откровенно враждебным, но Горкалов успел уловить, как в нем мелькнула растерянность, прежде чем генерал окончательно взорвался:

— Ты слишком много мнишь о себе, Илья! Хватит! — Шефорд внезапно ударил ладонью по откинутой крышке ноутбука, и тот захлопнулся. Его охрана за соседним столиком зашевелилась. — Я больше слышать ничего не желаю ни о Сфере, ни каком-то там Воргейзе, ни о…

Он не договорил, заметив, что Горкалов встал.

Взяв в руки кейс переносного компьютера, Илья Андреевич чиркнул своей кредитной картой по прорези сканера, расположенной в торце стола,

и сказал:

— Всего хорошего, Джон. Извини, что отнял у тебя время…

Глава 3

Законы эволюции доказаны временем. Они гласят, что в природе выживает сильнейший и борьба видов, соперничество популяций не только имеет место быть — она лежит в основе всего сущего.

Люди, перешагнув порог, отделяющий инстинкты от разума, написали иные законы, которые, в конечном итоге, отвергли взаимоистребление, как способ существования видов.

Но это не значит, что Вселенная подчинилась новым правилам игры — она осталась неизменной, более того — кроме многих опасных физических явлений, которые предлагает нам мироздание, в нем, с огромной долей вероятности, могут существовать и иные силы…

…Точка пространства — неизвестна. Реальное время — неизвестно.

Комната тонула в мягком сумраке.

Тусклая потолочная панель, покрытая замысловатым орнаментом, давала ровно столько света, чтобы можно было различить силуэты двух фигур, занятых совокуплением на широком ложе.

В интимном сумраке ритмично вздымалась и опадала широкая мускулистая спина, покрытая бледной голубоватой кожей.

Обстановка комнаты своей мрачностью и гробовой тишиной напоминала узкую келью средневекового замка, с той разницей, что в это помещение никогда не ступала нога человека.

В вязкой сумеречной тишине раздался удовлетворенный стон.

Спустя несколько минут Лоит грубо оттолкнул от себя женщину, обессиленную и мгновенно уснувшую.

Тихо прошуршала ткань, легкое покрывало сползло на пол, затем раздался глухой стук и вскрик.

Он лежал, уставившись в тускло сияющий потолок, и думал о вечности, которая, по сути, всего лишь медленная, мучительная агония разума…

Отрицать это было бессмысленно, а размышлять над данным постулатом — неприятно.

Имени женщины, которая провела с ним эту ночь — первую после реинкарнации, — он не знал. В Сердце Харма Лоит бывал нечасто, может

быть, раз в столетие, а может, и реже, но все равно обстановка зарезервированной за ним комнаты казалась привычной до тошноты.

Он не мог припомнить, сколько раз приходил в себя на этой самой кровати и рядом, согревая дрожащее после крионического сна тело, неизменно оказывалась смертная женщина — теплая и покорная.

Теперь, когда он согрелся, а звериная жажда обновленной плоти была наконец удовлетворена, за дело взялся разум Лоита — старый и изношенный, как серая половая тряпка, которая некогда была богатой одеждой…

Старый разум полностью овладел молодым телом, точно так же, как на протяжении нескольких часов раз за разом оно овладевало женщиной.

Теперь, лежа в согретой постели и глядя в потолок, он понемногу начал припоминать смутные обстоятельства своей последней смерти.

«Хотя…» — усмехнувшись, подумал он, — «опыт вечности способен сделать скучной и предсказуемой даже смерть…»

Нужно родиться тут, в скоплении Сетторена, чтобы знать, насколько неблагодарно занятие — убивать бессмертных.

От этой мысли синеватые губы Лоита опять тронула легкая улыбка, которую человек посчитал бы отвратительной гримасой трупа.

Не обращая внимания на женщину, которая сидела в углу, сжавшись в комок и зажимая рукой разбитую в кровь губу, он встал и неторопливо оделся.

Впереди его ждала масса незаконченных дел.

* * *

Выйдя из комнаты, Лоит оказался в знакомом, тускло освещенном коридоре. Сердце Харма — исполинский город, воздвигнутый в незапамятные времена, являлся символом и оплотом власти харамминов. Его древние чертоги хранили множество тайн. Стены циклопического черного города, построенного рабами-инсектами, пережили не один миллион лет. Их, словно тело старого воина, покрывали шрамы и ожоги — свидетельства былых катаклизмов, бунтов, войн…

Здесь не было замков и запоров. Не существовало никаких, столь любимых людьми, систем подтверждения полномочий и кодов доступа. Сердце Харма занимало площадь огромного острова, — кроме него, на планете не было иных поселений, откуда могли бы прийти недоброжелатели, а из космоса за последний миллион лет не прилетал никто, кроме редких кораблей самих Бессмертных.

…Энергичной походкой молодого человека голубокожий гуманоид, не

задерживаясь, прошел в центральный зал.

По дороге ему попалось несколько обслуживающих комплекс существ. На изящном мосту, перекинутом через стометровую пропасть, маячила фигура часового-инсекта, в проемах стреловидных окон промелькнули и исчезли две головы логрианина, посаженные на длинные тонкие шеи.

Лоит перешел мост, открыл скрипнувшую из-за скверного ухода дверь и оказался на пороге огромного зала; посреди которого в туманной дымке силового поля в медленном и бесконечном танце извивалось нечто, отдаленно похожее на непомерно-большой иероглиф, или, если быть точнее, — на кристаллическую змею, тысячу раз свернувшуюся в кольца.

Вокруг змеящегося сгустка кристаллов, образуя исполинских размеров круг, тянулись неисчислимые сегменты камер биологической реконструкции.

Несколько тысяч отдельных ячеек, в которых зрели новые тела, молчаливой стеной окружали причудливо изгибающееся скопление кристаллов, хранящих копии сознания избранных существ.

Лоит остановился, не в силах пройти мимо — медленный танец кристаллической змеи, окруженной напряженным мерцанием силового кокона, завораживал, притягивал к себе взгляд…

Пальцы Лоита непроизвольно скрестились в древнем знаке, хотя он прекрасно знал: в Сердце Харма не присутствовало ни грамма мистики, никаких чудес или потусторонних сил. Все протекало строго в рамках технологий, некогда разработанных двухголовыми умниками, потомки которых до сих пор прилежно обслуживают комплекс, давно позабыв, что изначально он принадлежал их предкам…

«Каждому — свое…» — мысленно фыркнул Лоит, стряхнув наваждение. То, что Вселенной правит закон сильнейшего, не вызывало у голубокожего существа никаких сомнений.

«Живи сам и дай жить другим» — эта заповедь логриан в конце концов превратила мудрую расу двухголовых в послушных и жалких рабов, ибо принцип хviolated — «сожри сам либо будешь сожран другим» — оставил от былого величия двухголовых мокрое место, даровав наиболее покладистым особям участь раба.

От этих мыслей Лоита отвлек тихий ноющий звук.

Он оглянулся.

Одна из ячеек открывалась прямо на его глазах

Лоит подошел ближе. Его заинтересовал не сам процесс пробуждения, который он видел тысячи раз, а личность реинкарнированного.

Заглянув под колпак, он разочарованно вздохнул.

Реанимированное тело принадлежало Кваргу — наиболее влиятельному и тупоголовому представителю той части Квоты, которая от скуки, а может быть, в силу деградации вырождающегося со временем сознания, проповедовала и претворяла в жизнь так называемый «Путь Силы».

Лоит раздраженно подумал, что для первого обсуждения его открытий предпочтительнее было бы иметь в качестве оппонента кого-нибудь более умного и покладистого, но нет гарантии, что в Сердце Харма найдется сейчас кто-нибудь другой из членов Квоты…

Глядя на дрожащее нагое тело, опутанное проводами, жалкое и дряблое, Лоит подумал:

«Вот оболочка, безликая, имеющая лишь черты Кварга, но пройдет еще несколько минут, очнется разум, и эта самая оболочка вмиг наполнится смыслом — станет гордым, извращенным, жестоким и не очень мудрым существом».

— «Впрочем, чего я хочу?» — глядя на дрожащее тело, мысленно упрекнул себя Лоит. — «После тысячного рождения жизнь начинает ходить по замкнутому кругу обыденности. Полная физическая безнаказанность, атрофия инстинкта самосохранения — это прямой путь для вырождения разума, но кому придет в голову менять порядок вещей? Да никому. Я и сам первым встану на защиту Вечности, наступив на горло любому ее противнику…»

Он вытащил из складок одежды позаимствованный у людей электронный блокнот, набрал несколько слов, используя при этом весьма специфичные символы, и положил этот небольшой сувенир на край камеры биологической реконструкции, усмехнувшись при мысли о том, как будет озадачен Кварг, обнаружив его подарок.

* * *

Лоит не любил архитектуру инсектов, но Сердце Харма, куда ни глянь, носило неизгладимый отпечаток культуры насекомых — бездну лет тому назад его возводили именно они. Черный как ночь глянцевитый материал стен, который не был подвластен бегу времени, являлся не чем иным, как выделениями их желез.

Обслуживали древнее сооружение обычные смертные из числа харамминов, не входящих в Квоту. Под их началом находилось известное количество рабов — воинов-инсектов и техников-логриан.

Раньше жизнь, протекавшая в этих стенах, не имела для Лоита

никакого значения, но сейчас, сидя в глубоком кресле, подле конструкции, которая лишь с большой натяжкой могла быть названа компьютерным терминалом, он в молчаливом раздумье наблюдал собственную смерть, запись которой воспроизводилась в глубине опалесцирующей полусферы, и впервые думал о том, что в этом мире на самом деле нет ничего вечного…

Наступает миг, когда приходит давно забытое чувство страха, осознание факта, что ты не бог, а всего лишь вор.

Вокруг него плавно вздымались обсидиановые контуры древних конструкций, черная поверхность которых была покрыта барельефными символами. На концах длинных черных игл дрожали трепетные огоньки голубой статики. В специальном углублении, рядом с проекционной полусферой, медленно вращалась сцепка из пятнадцати кристаллов, которая не трансформировалась, как в центральном зале, а, прихотливо изогнувшись, хранила неизменную форму.

Устав созерцать повторяющуюся на экране сцену, он встал и вышел сквозь узкий сводчатый проем на балкон.

Над Сердцем Харма разгоралась утренняя заря. Черные стены поднимались над пурпурным океаном, пенный прибой жадно облизывал скалистые берега, вверх поднимались белесые пласты стылого тумана, скрывая под собой основание острова.

За спиной Лоита раздались шаги.

— Приветствую тебя, Кварг, — он, не оборачиваясь, приложил узкую ладонь ко лбу.

— Во имя Харм!.. — просипел за его спиной знакомый голос. — Не скажу, что рад тебя видеть. Что за безделушку ты оставил у моей камеры?

— Я так и знал… — Верхняя губа Лоита чуть вздернулась, обнажая молодые, здоровые зубы. Он обернулся. — Тебя привело ко мне исключительно любопытство, так?

Кварг пожевал пустыми губами, что-то обдумывая, потом махнул рукой, присев на край ограждения.

— У меня скверное настроение, — честно предупредил он. — Инсекты совсем потеряли страх… — Кварг выругался на древнем языке харамминов. — На окраине Сетторена опять зашевелились их орды…

— Ты был разбит?

— Хуже. Я потерял в этом секторе два последних космических корабля.

Безволосая бровь Лоита удивленно приподнялась, собрав складками кожу над глазом.

— Тебя атаковали в пространстве? У инсектов вновь появились

космические корабли?

— Да… — скрепя сердце, признал Кварг. — Думаю, им удалось привлечь на свою сторону кого-то из логриан. Я уже успел позабыть, как выглядят эти машины, думал, что не осталось ни одной, а тут целых пять, без единой выщерблины на броне. Новенькие. — Кварг поискал, куда бы сплюнуть, но не нашел подходящего объекта для своей желчи.

Лоит был неприятно удивлен его словами, хотя подобных новостей стоило ожидать.

— А что тебя привело в Сердце Харма? — нарушил его мысли вопрос Кварга. — Тоже реинкарнация?

Лоит кивнул, продолжая обдумывать новые неприятные проблемы, которые обозначил Кварг. Что ж, в любой скверной ситуации есть и своя добрая сторона. Союз инсектов и логриан зрел давно, и если он наконец реализовался, то значит, действовать нужно решительно и быстро.

— Не помню, чтобы в твоем секторе шевелились насекомые, — пробурчал Кварг, издали разглядывая статичное изображение, застывшее в проекционной полусфере. — Что это за существо ты изучаешь?

— Я смотрю запись собственной смерти, — откровенно признался Лоит. — Хочешь взглянуть?

Глаза Кварга вспыхнули жадным огнем. Ему предлагали пилюлю, способную подсластить собственные проблемы. Необычная щедрость со стороны члена Квоты. Он подозрительно покосился на Лоита, с которым они никогда не были особенно дружны.

— Ты насмехаешься?

— Нет. Смотри. — Лоит быстрыми шагами вернулся в комнату и коснулся одного из иглообразных выступов.

Изображение внутри полусферы потеряло статичность.

Лоит несколько секунд смотрел на самого себя, а потом отвернулся. На его синеватом лице застыла гримаса отвращения.

* * *

— Во имя Харм!.. — потрясенно произнес Кварг, когда запись закончилась.

Лоит посмотрел на его лицо, заметил серые пятна на щеках и понял: демонстрация собственной смерти была исключительно удачным ходом, — даром, что удовольствие получать пулю в лоб показалось ему ниже среднего, — зато эффект от воспроизведения записи оказался потрясающим. Убедить в чем-либо члена Квоты, тем более такого, как Кварг, удавалось редко, но теперь, испугавшись наглядной демонстрации,

он волей или неволей станет слушать его.

Общение в кругу Бессмертных являлось настоящим искусством. Многие уловки, способные ввести в заблуждение неискушенного оппонента, здесь не действовали.

Люди, рассматривая членов Квоты по меркам семантических понятий человечества, назвали бы их существами, умудренными жизненным опытом до той степени, когда мудрость уже постепенно изжила себя, выродилась, трансформировавшись в цинизм.

— Кто это существо? — выдавил Кварг, справившись наконец с потрясением. — И из чего, во имя Харм, оно стреляло?

— Меня убили из импульсной винтовки, — спокойно ответил Лоит.

— Мне ничего не говорит такой термин.

— Я понимаю. Позже я подарю тебе один образец. Замечательное оружие. Оно использует силу электромагнитов для разгона маленького титанового шарика. Представители этой расы зовут себя людьми, — продолжил пояснения Лоит. Он вернул кадр и постучал по изображению. — Вот это, — он указал на фигуру в камуфлированной броне, — их самка, женщина. А тот, кто маячит за ее спиной — мужчина.

— Они очень похожи на нас! — Кварг никак не мог справиться с потрясением.

— Да. Структура тела действительно походит на нашу, но это новая галактическая раса.

— Ты обнаружил новую цивилизацию и вступил в конфликт с ней?!

Лгать, отрицая очевидное, в данном случае не имело смысла.

— Да. Я обнаружил новую цивилизацию и долго изучал ее, оставаясь в тени. — Лоит обернулся, включил находившийся за спиной прибор и указал на точку среди появившейся в проекционной полусфере россыпи звезд. — Они начали свою экспансию отсюда, — продолжил Лоит. — Две тысячи лет им понадобилось, чтобы освоить огромный участок космоса и заселить двести семнадцать планет, отстоящих друг от друга на десятки, а иногда и сотни световых лет.

Он сделал паузу, позволяя своему собеседнику рассмотреть картину звездной бездны, в которой один за другим вспыхивали маркеры человеческих миров, а затем растянул губы в жутковатой усмешке:

— Они экспансивнее и сильнее нас, Кварг. Их техника по многим параметрам превзошла нашу. — Лоит говорил бесстрастным, ровным тоном, но за этим кажущимся равнодушием таились умело спрятанные чувства. — Их мораль пропагандирует равенство и любовь, но в тайниках их душ гнездится жажда крови. У них есть множество достоинств и

столько же недостатков. — Он опять потянулся к иглообразному выросту, на конце которого плясала голубая искра статики. — Сейчас я покажу тебе собранные материалы, и ты сам сможешь судить, насколько сильна и опасна эта новая галактическая цивилизация.

* * *

После окончания демонстрации Кварг некоторое время продолжал сидеть, глядя в помутневшую полусферу, из которой уже исчезло изображение.

Лоит ничуть не возражал против его замешательства. Он лишь продолжил свою мысль, желая еще более усугубить проснувшиеся эмоции Кварга:

— Теперь подумай, что произойдет, когда экспансия этой расы докатится до границ Сетторена, где все еще сильны планеты инсектов? — Он криво усмехнулся высказанной мысли. — Если вожди насекомых узнают об этой молодой и энергичной расе, то, без сомнения, они постараются добиться союза с людьми и преуспеют, ибо смогут привести многие доказательства наших побед над ними, выдавая присущий нам трезвый расчет за жестокость и геноцид.

Лоит встал, подошел к стене и, совершив несколько заученных движений, легко сдвинул часть казавшейся монолитом облицовки. Достав из ниши тускло мерцающий сосуд, он вернулся к своему креслу.

— Опыт миллионолетней истории неопровержимо доказывает — в пространстве не могут сосуществовать две расы, равные по своему могуществу и экспансивности. Сильный рано или поздно сожрет слабого.

— В данном случае слабее мы! — нарушив молчание, произнес Кварг.

— Сила не всегда соизмеряется количеством мобилизованных особей и мощью военной техники, — спокойно возразил Лоит, пододвигая к нему небольшую емкость, над которой курился легкий дымок. — Впервые столкнувшись с людьми, корабль которых совершил посадку на территории одной из моих планет, я сделал должные выводы и начал действовать.

— Своей глупой акцией ты обнаружил себя и поставил под удар всю Квоту! — резко возразил Кварг, к которому вместе с самообладанием вернулись столь неприятные Лоиту резкие замашки.

Лоит встал и вышел на балкон. Облокотившись о черные перила, покрытые замысловатыми, образующими сложный узор потеками, он поманил Кварга, широким жестом указав на молчаливые, древние чертоги Сердца Харма.

— Нет смысла играть словами, Кварг, — обернувшись, произнес

он. — Я действительно обнаружил новую цивилизацию, уничтожил один из ее потерянных анклавов и в результате проиграл, потерпев поражение… Да, я поставил под удар Квоту, но есть ли она? — Лоит пытливо посмотрел на Кварга. — Вспомни прошлое нашей цивилизации и взгляни на нынешнее положение вещей. Отдельные вотчины, разбросанные по планетам скопления, более не могут называться цивилизацией Хараммина. Мы проиграли схватку с Временем… Ресурсы наших миров истощены, технологии мертвы, а смертные сбились вокруг членов Квоты в тесные вырождающиеся анклавы. Инсекты, пользуясь нашей беспечностью, еще тысячи лет назад оккупировали множество планет. Теперь они также перенаселены, и только вопрос времени — когда вспыхнет новая война за жизненное пространство. Мы можем возрождаться вновь и вновь, но с каждым разом наши реинкарнированные сущности будут находить все меньше доступных благ и покорных слуг.

Он усмехнулся и продолжил, глядя в туманную даль:

— Цивилизация Хараммина умерла, остались только мы — остатки *Квоты*, да еще небольшое количество особей, что толкутся подле нас, согревая наши постели, добывая нам пищу и вконец разбазаривая последние крохи той техники, которая некогда составляла основу могущества Харма. В этих условиях появление новой и энергичной галактической расы, экспансия которой направлена в нашу сторону, означает лишь одно — скорую гибель установленного здесь порядка. Им не нужно завоевывать нас, — внезапно и жестко заключил Лоит, глядя на мертвые обсидиановые стены. — Они просто придут в это пространство, поднимут выпавшие из наших рук бразды правления, приведут сюда свой закон, свою экономику, свои межзвездные коммуникации, и все… Мы растворимся. Не будет Квоты Бессмертных — будет жалкая горсть изгоев, стариков, которым в определенный момент просто откажут в реинкарнации…

— Так где же выход? — насупленно спросил Кварг. Лоит обернулся.

— Людей миллиарды, — внезапно произнес он, — и каждый чем-то похож на бессмертного, которому вдруг отказано в реинкарнации.

— Они безумны? — осведомился Кварг, делая последний глоток флюоресцирующей жидкости из своего бокала.

— Нет. Просто они стремятся за свою короткую жизнь объять необъятное. В этом их сила и, одновременно, их слабость… — ответил Лоит. — Они управляют пространством посредством общих, выработанных для всех законов, но находятся тысячи ненасытных, кто легко переступает нормы морали и права. Это — слабая, наиболее уязвимая часть

Человечества. Я достаточно изучал людей и долго прожил среди них, чтобы понять это… Их экстремальный индивидуализм, помноженный на амбиции, делает подобных особей как опаснейшими противниками, так и покорнейшими рабами — смотря как преподнести себя, — пояснил он. — Если оставаться в тени и не показывать своей ксенобиологической сущности, то можно заставить многих преследовать твою цель, ибо они будут убеждены, что преследуют свою.

— Ты забыл об их машинах, — Кварг не удержался и все же сплюнул за перила. — Я был неприятно поражен продемонстрированными тобой образцами, — сознался он. — Их узкоспециализированные компьютеры намного превосходят наши кристалло-фотонные модули.

— Эти приборы имеют один существенный недостаток, — усмехнувшись, ответил Лоит.

— Какой?

— Они с такой же легкостью могут управляться как своими создателями, так и их врагами. Их машины — это потенциальные предатели. Они служат тому, в чьих руках находятся. Я ничего не преувеличиваю. Цивилизация людей очень зависима. Компьютеры проникли в их быт, экономику, политику, вся система межзвездной связи и само межпланетное сообщение полностью подчинены глобальной сети Интерстар, базирующейся на станциях Гиперсферной Частоты. Одним ударом уничтожив их Сеть, мы полностью парализуем Человечество.

— Ты хочешь войны? Но у нас столько проблем в самом Сетторене…

— Мой план строится на комбинировании силового удара с хитростью, — перебил его Лоит. — Я собираюсь покончить с инсектами и людьми одновременно…

Он немного помолчал, а затем продолжил:

— В чем сила инсектов? В их общности. Они организованы в единое стадо, точнее муравейник, где в экстремальный момент понятие личности стирается, и тогда тысячи индивидуумов легко забывают свое эго, с покорностью идут умирать, ради выживания популяции в целом. Люди же совершенно не таковы, — они эгоисты от природы и в силу этого часто ставят свои личные интересы выше общественных…

— Такая раса слишком многолика, чтобы применить к ней штампы того же Сетторена, — заметил Кварг. — К тому же у нас нет ни большого количества кораблей, ни армии, преданно толпящейся у наших ног…

— Ты не прав. Да, эти существа многолики, к каждому из них приходится подбирать ключик, но, хвала пустоте, — ни один человек не избавлен от слабостей, нужен лишь труд понять — в чем эти слабости

заключаются, и тогда противник начнет выступать на твоей стороне, образует ту самую силу, которой сейчас по причине своей старости лишено Сердце Харма. — Лоит обернулся. — Я не проиграл, Кварг. Я изучил людей, их биологию, технику, психологию. Я проник в их компьютерную сеть Интерстар, которая безлика, и, пользуясь их законами, организовал несколько фирм, в которых трудятся люди, даже не подозревающие, на кого и во имя какой цели они работают. Я обнаружил алчущих и сыграл на их стремлении жить в богатстве и роскоши. Они покорно отдали мне самые ужасающие образцы своей техники, за которые я расплатился их же валютой, которая для меня — пыль. Но главное — я знаю, куда и как нужно ударить, чтобы их цивилизация рухнула…

Кварг долго смотрел на него, а потом спросил:

— Чего ты хочешь от меня, Лоит?

— Помощи. Мне нужен ты и все, кто остался от Квоты. Все, без исключения.

— Зачем?

— Только мы сможем управлять человеческими машинами. Наша биология и строение тел схожи. Их приборы смогут воспринимать нас с той же чуткостью, что и людей.

Кварг покачал головой:

— Ты не сможешь собрать вместе членов Квоты, Лоит. Одни не станут тебя слушать, другим окажется все равно, третьи решат, что ты лжешь, даже не дав тебе продемонстрировать какие-либо доказательства…

Лоит прервал его жестом.

— Я смогу собрать Квоту, — убежденно произнес он. — Если ты поможешь мне в этом.

— Я помогу. Но ты не назвал средства, способного собрать вместе…

— Смерть, — коротко и емко обронил Лоит. — Только смерть неизбежно приводит любого члена Квоты сюда, в Сердце Харма… — Он обернулся, в упор посмотрев на ошеломленного Кварга, и внезапно добавил:

— Но прежде я хочу, чтобы ты безоговорочно поверил мне. Я знаю, как освободить наши миры от копошащегося сонмища насекомых. Назови мне планету в твоем секторе, где они наиболее сильны, и я отправлю их в ад прямо на твоих глазах!

Кварг выслушал его с недоверчивым и озабоченным видом.

— Скажи, Лоит, твоя реинкарнация…

— Я здоров. Мой разум так же стар, как твой. Называй планету.

— Друмган.

— Пусть будет так.

* * *

Влажная и теплая планета, которую Хараммины называли Друм, а оккупировавшие ее в незапамятные времена инсекты переименовали в Друмган, являлась одним из важнейших оплотов непокоренных общин насекомых в скоплении Сетторена.

Отсюда инсекты совершали свои дерзкие набеги на пограничные планеты Харраммина, но в последнее тысячелетие эти акции неизменно шли на убыль — все меньше оставалось исправных космических кораблей, способных покидать границы своей системы и совершать короткие межзвездные перелеты. Техника инсектов, без должного контроля со стороны отрезанных от них логриан, которые, по исторически сложившейся традиции, являлись общепризнанными авторитетами в области технических знаний, постепенно ветшала, приходя в полную негодность.

На самом деле, несмотря на слова Лоита о крахе хараmминов, все три цивилизации, обитающие в современном пространстве скопления Сетторен, находились в затянувшейся на миллионы лет агонии заката.

Миры насекомоподобных существ уже давно переполнились, но новых жизненных пространств для них попросту не было, а технологии древних инженеров-инсектов оказались безвозвратно утрачены их воинственными и сильно деградировавшими потомками.

Вялые военные действия, ограниченность которых регулировалась хронической нехваткой исправной техники, продолжались и до сих пор. Миры инсектов торчали гниющей костью в горле цивилизации Хараммина, и даже Бессмертные не были в состоянии эффективно бороться против насекомых, чья рождаемость на таких благоприятных мирах, как Друмган, с лихвой восполняла любые потери в живой силе.

Именно сюда, в этот влажный и неприятный для него мир, держал свой путь Лоит.

Старый, весь покрытый выщерблинами и ожогами космический корабль, созданный некогда гением исчезнувших поколений логриан, внешне походил на исполинскую трехпалую кисть руки.

Огненным болидом прочертив облачные небеса Друмгана, он среди всеобщего переполоха совершил посадку на один из немногих космодромов планеты, уцелевших с той далекой поры, когда тут обитали голубокожие гуманоиды.

Спустившись по ступеням трапа, Лоит осмотрелся. Он помнил этот

мир.

Вдалеке в туманном мареве высились горы. Когда-то у их подножия существовал космопорт, от зданий которого сейчас остались лишь оплывшие холмики земли, и только равнина стартопосадочных полей устояла перед неумолимым бегом времени, — сильные ветра, веявшие тут в определенное время года, не давали наносной почве удержаться на гладкой, как стекло, поверхности.

Вероятно, эта остекленевшая проплешина осталась единственным напоминанием о том, что когда-то этот мир принадлежал предкам Бессмертных.

Лоит не стал предаваться ностальгическим воспоминаниям. Что толку думать о прошлом, когда твой личный замысел способен реально повернуть время вспять? Он усмехнулся, глядя, как по периметру проплешины выстраивается неприятно шевелящаяся масса воинов-инсектов — особей без личного разума — пушечного мяса, как выразились бы люди, состоящего на службе у общественных интересов муравейника.

Таких миров, как Друмган, в пределах Сетторена насчитывалось около четырех десятков, и все они были до краев переполнены инсектами. Сейчас, когда наиболее опасные и разумные из насекомых, к числу которых относился и Глава Семьи данного мира, начали медленно налаживать мостики взаимного общения между своими Семьями и немногими свободными поселениями логриан, ситуация, по мнению Лоита, стала слишком взрывоопасной, чтобы по-прежнему презрительно почивать на лаврах.

Если насекомым удастся с помощью двухголовых умников создать новые производства для серийной постройки космических кораблей, то скоплению Сетторена угрожает новая война, страшная и кровопролитная, исход которой не взялся бы прогнозировать ни один аналитик.

Лоит собирался на корню пресечь эту попытку, одновременно показав Кваргу, что значит тонкий расчет, помноженный на знание психологии противника.

Инсекты, обеспокоенные столь наглой посадкой корабля Бессмертных в их мире, все же не решались предпринять немедленные действия. Они явно ждали приказа свыше, окружив место посадки плотным кольцом.

Наконец, спустя небольшой промежуток времени, стена насекомых в одном месте раздалась в стороны, пропуская на оголенную, остекленевшую проплешину нескольких инсектов, которые шли в сопровождении вооруженной охраны.

Лоит повернулся в сторону прибывших и приложил руку ко лбу в

миролюбивом и приветственном жесте.

Общение с насекомыми никогда не вызывало затруднений у представителей иных рас. Природный дар телепатии, развившийся у инсектов в процессе эволюции, делал их универсальными переводчиками, — нужно было всего лишь соблюдать некоторое хладнокровие, когда твои мысли раскрывались для одного из них. В таком общении крылась определенная опасность, но Лоит имел столь богатый опыт изощреннейшей лжи и так усердно тренировал свой мозг, что не беспокоился по данному поводу: инсект мог услышать только те мысли, которые он пожелает продемонстрировать ему. Другое дело застывший за его спиной Кварг, который не часто утруждал себя изощренными умственными упражнениями. Предвидя его несостоятельность, Лоит заранее расположил в одежде своего спутника блокирующие устройства, которые ставили глухой мысленный экран. Встроенный автопереводчик должен был озвучить для Кварга мысленный диалог Лоита с главой общины инсектов.

Выступив вперед, он опять поднял руку, как бы ограничивая этим жестом пространство перед собой. От группы насекомых также отделился один инсект, судя по пятнам на природном хитиновом панцире, это был Глава обитающей на Друмгане общины.

— Зачем Бессмертный вторгся в суверенное пространство нашего мира? — бесстрастно промыслил он.

— Я прилетел говорить.

Инсект со скрежетом пошевелил жвалами. Его выпуклые фасетчатые глаза смотрели на мир тусклым, рассеянным взглядом, — в отсутствие зрачков было невозможно понять, куда направлено его внимание в данный момент.

— Что-то случилось со Вселенной? — не без оттенка иронии наконец промыслил он свой вопрос. — Я не помню говорящего Бессмертного. Есть только те, кто вторгается и убивает.

— Все в этом мире когда-то случается впервые, — философски ответил ему Лоит. — Я буду услышан?

Инсект опять задумался. Он не доверял хараммину и поступал правильно, но разгадать, какую игру затеял Лоит, было сейчас не в его силах.

— Ты будешь услышан, — наконец ответил он. — Я Хрграшт, Глава Семьи Друмгана. Выше меня только звезды.

— Прекрасно. Глава Семьи может однажды довериться Бессмертному?

Это был неожиданный вопрос.

Хрграшт опять погрузился в свои сомнения.

— Ты хочешь заманить меня в ловушку?

— Нет, — спокойно ответил ему Лоит. — Мне не нужна жизнь насекомого, на место которого тут же придет другая особь. Я хочу показать твоей расе новый путь. Ты можешь стать тем, кто откроет для инсектов давно забытое Жизненное Пространство.

Человек в такой ситуации наверняка бы подумал: «звучит слишком заманчиво, чтобы быть правдой», но глава инсектов не являлся человеком, и у него имелись свои воззрения относительно возможности тех или иных событий.

— Я не знаю других жизненных пространств, кроме планет скопления Сетторен, — ответил он.

— Это не значит, что они не существуют.

— Да, — согласился с его логикой Хрграшт. — Но почему хараммины предлагают его нам? — тут же переспросил он.

Лоит развел руки в стороны.

— Историческая справедливость, — лаконично обронил он. — Твои скрижали заржавели, насекомое. Твоя раса забыла очень многое, и я прилетел на Друмган, чтобы вернуть это знание. Сетторен исторически принадлежит моей расе, вы же в прошлом обитали в иных пределах, но память об этом умерла, погребенная под прахом тысячелетних войн.

— А ты знаешь правду, Бессмертный?

— Да, насекомое. Я узнал правду и готов предложить ее тебе. Ты согласен рассмотреть истину?

На этот раз ответ инсекта не заставил себя ждать.

— Да, — без колебаний промыслил он.

— Отлично. В таком случае нам следует посетить древнее святилище твоей расы, то, которое расположено в скале, рядом с исчезнувшим под прахом времен космическим портом.

— Зачем? — насторожился инсект.

— Оно является не тем, чем привыкли считать его существа твоей расы. У каждого капища рано или поздно открывается его истинный, практический смысл. Это не святилище, как думаешь ты, не память, не место преклонения — это реальное устройство, о назначении которого вы попросту забыли.

— Ты должен подождать.

Лоит кивнул.

Инсект отошел к своей свите. Несколько минут оттуда доносился

тихий скрежет и переливчатый свист, — так звучала верхняя фонетическая настройка мысленного языка инсектов.

Наконец, после обмена мнениями, все три инсекта подошли к Лоиту.

— Мы готовы слушать тебя дальше, Бессмертный.

— Разумное решение. Вели своим слугам, пусть доставят к святилищу автономные источники энергии. Их мощность должна составить не меньше пяти мегаватт. Это выполнимо?

— Да.

— Отлично. Мы будем готовы начать, как только привезут накопители.

* * *

Святилище инсектов действительно располагалось в недрах скалы. Это была естественная пещера, свод которой в незапамятные времена кто-то обработал энергетическим инструментом — сгладил неровности, срезал сталактиты и придал поверхности камня глубинный, матовый блеск.

Посреди округлого пространства пещеры имелось возвышение, окруженное черными, как ночь, блоками из неподверженного коррозии сплава, которые составляли определенную геометрическую конструкцию.

Взглянув на нее, любой человек, знакомый с техникой перемещения в гиперпространстве, наверняка узнал бы примитивный, грубо исполненный, но тем не менее вполне функциональный контур генератора низкочастотного поля.

Лоит прекрасно осознавал это, инсекты же продолжали смотреть на украшенные цветным тряпьем блоки, как на жертвенник, алтарь и, наверное, воспринимали действия Бессмертного как кощунство, однако, когда он собственноручно стал подключать привезенные источники энергии к торцам геометрически выверенного контура, они не возразили, наблюдая, как он посредством коротких кабелей соединяет накопители с тусклыми клеммами, которые имелись на торцах нетленного сооружения.

Через некоторое время приготовления были окончены, и Лоит отошел в сторону.

Наступал критический момент всего эксперимента. Внешний осмотр не выявил никаких нарушений конструкции генератора, но все же риск присутствовал, и немалый. Древнее устройство могло повести себя самым непредсказуемым образом, и потому он жестом предложил всем отойти на безопасное расстояние к стенам древней пещеры.

«Во имя Харма…» — не сумев обуздать волнение, мысленно произнес Лоит и сделал знак застывшим у источников энергии инсектам —

включайте.

Несколько секунд после подачи напряжения на торцы древней конструкции с ней не происходило ровным счетом никаких перемен — казалось, что черный материал плотно подогнанных друг к другу блоков попросту глотает энергию, заставляя ее исчезать без следа… но вдруг по одному из блоков пробежала волна синеватых статических искр, за ней подобным же образом осветились иные части конструкции, затлели, истекая вонючим дымом, а затем ярко вспыхнули жертвенные лоскутки материи…

По пещере прокатился легкий, едва слышный вздох.

Что-то невообразимо древнее, непостижимое, возрождалось под искусственно сглаженными сводами, и это напряженное таинство заставило застыть в немом изумлении даже чванливого, скептически настроенного Кварга.

В гробовой тишине жертвенные лоскутки материи догорели, осыпавшись серым пеплом, в центре конструкции на ровном участке обсидианового пола внезапно обозначилось светлое пятно диаметром в несколько метров, окруженное по краям напряженной аурой электромагнитного поля, в котором, казалось, сгущался сам воздух.

Вокруг остро пахло озоном и воняло сгоревшими тряпками. Два этих запаха причудливо смешивались, тревожа обоняние.

— Ну… — произнес Лоит, обернувшись к Главе Семьи. — Теперь ты видишь, что я не лгу?

— Да… — пришла в ответ потрясенная мысль. — Куда ведет этот путь?

— В тот мир, откуда вы вторглись в границы скопления Сетторен много миллионов лет назад. Пойдем, я докажу тебе, что он существует.

Лоит сделал шаг по направлению к напряженной ауре, и инсект покорно последовал за ним. Гордый, умный и осторожный воин был сейчас слишком потрясен, чтобы сомневаться или противиться.

Сфера Дайсона. То же время…

Два человека медленно шли по старой дороге.

Вокруг царили ранние красноватые сумерки. Мир, распростершийся вокруг, пугал своей необычностью.

Красное светило висело в зените. Звезда никогда не меняла своего положения на небосводе. Она была неподвижна.

Наступление ночи предвещал иной признак: на заболоченный участок

равнины, по которому тянулась упомянутая дорога, наползала тень гигантской орбитальной плиты.

Все, буквально все, тут казалось чуждым человеческому глазу — и красноватый вездесущий свет, и безоблачное небо с неподвижным, горячечным шариком звезды в зените, и загибающийся кверху, наподобие стен циклопической чаши, горизонт, и тени орбитальных плит, скользящие по останкам древних сооружений.

Этот мир никогда не предназначался для человека.

Сферу Дайсона построила три миллиона лет назад раса инсектов, ныне деградировавшая и фактически вымершая.

Три миллиона лет пронеслись разрушительным дуновением эрозии, повергнув древние системы Сферы в состояние полнейшего упадка и забытья. По сути, от того, что некогда являлось тщательно продуманным искусственным миром, осталась лишь оболочка, скорлупа, на внутренней поверхности которой под скупыми лучами старого солнца продолжали существовать очаги жизни, как древней, исконной, так и пришлой.

Люди попали в Сферу Дайсона примерно тысячу лет назад. Их привело сюда бегство от ужасов Первой галактической войны. Исторически зона колониальных интересов Человечества простиралась в иную сторону, и Сферу Дайсона горстке беглецов удалось обнаружить случайно.

У многих более поздних исследователей возникал по этому поводу недоуменный вопрос: почему Сферу не обнаружили раньше, ведь она расположена в том же участке спирального рукава Галактики, где и Земля — прародина Человечества.

Ответ достаточно прост: исполинское сооружение инсектов на самом деле напоминает по своей форме не идеальный шар, а приплюснутую на полюсах вытянутую, наподобие мяча для регби, конструкцию с закругленными торцами, и оболочка сферы полностью перехватывает свет заключенной внутри нее звезды. Именно поэтому определить, что в данном объеме пространства расположено нечто огромное, искусственное, не представлялось возможным. Сфера, не пропускающая наружу ни одной формы световых волн, оставалась невидимой для самых мощных оптических телескопов, а что до ее теплового и радиоизлучения — так мало ли в Галактике подобных объектов? Нет, людей, вырвавшихся в дальний космос на изломе двадцать четвертого и двадцать пятого веков, интересовали прежде всего звезды и обращавшиеся вокруг них планеты. В то время мало кто обращал внимание на пустой и бесперспективный в плане колонизации участок космоса, который много веков спустя, после

старта из Солнечной системы первого колониального транспорта, получил звучное название: Рукав Пустоты.

Сфера Дайсона располагалась в самом дальнем от Земли участке этой аномальной области пространства. Миллионы лет она старела, разрушалась, пока сюда не пришли люди.

Первое, случайно возникшее человеческое поселение в Сфере, оказалось на долгое время изолированным от остальной части цивилизации. По-настоящему открыли древнее сооружение около ста лет назад, когда на одной из лун планеты Эригон, в толще ледового панциря, был случайно обнаружен и реанимирован искусственный фотонный мозг, некогда созданный инсектами для управления Сферой Дайсона.

Тогда реанимация Интеллекта едва не привела к его столкновению с Человечеством…

…Два человека, которые неторопливо шли по древней дороге, беседовали между собой именно на эту тему.

Один из них был высок и худ. Строгий покрой его одежды, гармонично сочетающийся с благообразной, но какой-то вылощенной внешностью, говорил в пользу высокого социального статуса пожилого человека. Выражение его лица было крайне озабоченным, но говорил он спокойно, уверенно, негромким голосом, что выдавало в нем человека терпеливого, но имевшего возможность влиять на определенные события самым непосредственным образом.

Его собеседник, наоборот, производил впечатление человека резкого, как в суждениях, так и в действиях. Короткие, вызывающе осветленные волосы на его голове мелко курчавились, образуя как бы шапочку, натянутую на бронзовый от космического загара череп. Черты его лица несли печать усталости и раздражения.

Оба приехали на эту встречу, назначенную посреди бескрайних болот, без какого-либо сопровождения. Две машины, такие же разные, как и их хозяева, стояли в сотне метров позади на растрескавшихся плитах старой дороги.

…Орбитальная плита уже подползла к красному солнцу, и ее край коснулся горячечного диска звезды, начиная медленно заслонять его. Приближалась ночь, розовые сумерки начали сгущаться, быстро переходя в багрянец пятичасовой ночи, но этот факт, похоже не беспокоил собеседников.

— …вольны селиться там, где хотим! Запомните это, господин Андрегер, и передайте своей драгоценной машине! — упрямо мотнув головой, произнес блондин. Его расстегнутый плащ местами был заляпан

подсыхающей дорожной грязью. Зародившийся над болотистой равниной вечерний ветерок лениво раздувал его полы.

Тот, кого назвали Андрегером, недоуменно пожал плечами.

— А что вам мешает просто присоединиться к колонии? — задал он свой вопрос.

— Человеческая гордость!.. — не произнес, а, казалось, вытолкнул сквозь зубы человек в плаще.

— То есть, Дункан, поясните… Я не совсем понимаю, в чем именно ущемляется ваша гордость? Разве я предлагаю вашим людям что-то скверное? Мне кажется, наоборот, я стремлюсь улучшить их существование, ведь на освоенной территории работает климатический контроль, действует система здравоохранения, есть все цивилизованные условия для жизни…

— Этот мир принадлежит людям! — резко ответил Дункан, которого в очередной раз покоробило вежливое и официальное обращение собеседника. — Вы же *сдали* сферу этому Интеллекту и теперь пляшете под его указку! Мои люди никогда не пойдут туда, где правит машина, которая уже пыталась осуществить геноцид!

Андрегер сокрушенно покачал головой. Ему было чрезвычайно трудно разговаривать с человеком предубежденным, для которого факты не непреложная истина, а лишь колода карт, из которой опытной рукой извлекаются только выгодные в данной ситуации масти. И тем не менее он терпеливо возразил:

— Это была ошибка. Чудовищная ошибка, в которой виновата семантическая[6] пропасть, разделяющая наши цивилизации. Причем, заметьте, до геноцида не дошло. — Он кинул беглый взгляд на собеседника. — А Интеллект является именно той системой, которая предназначена для управления Сферой, — напомнил Андрегер. — И если быть справедливыми, то этот мир никогда не принадлежал и еще долго не будет принадлежать ни нам, ни ему. Сфера Дайсона слишком велика и слишком основательно разрушена временем, чтобы кто-то мог претендовать на полный контроль над этой территорией.

— Он уже правил этим миром, — угрюмо возразил Дункан. — И, по-моему, не оправдал надежды своих создателей. Он ведь не смог отразить атаки предтеч, и цивилизация инсектов погибла.

— Думаю, что потенциальные возможности Интеллекта тут ни при чем, — ответил Андрегер, машинально закладывая руки за спину. — Мы до сих пор не знаем точно, кем являлись предтечи. Эти создания для нас по-

прежнему полнейшая загадка. — Он искоса посмотрел на собеседника и добавил:

— В оправдание Интеллекту посмею заметить, что события на базе Черная Луна показали несостоятельность двух боевых человеческих флотов в схватке с несколькими реанимированными образцами древней пространственной жизни. Так что не нам судить о потенциальных возможностях фотонного мозга. Он работал до тех пор, пока инсекты не отключили его и не эвакуировали на одну из лун нынешнего Эригона в надежде на будущее возвращение в гибнущую сферу.

— Да, вот только она не погибла, верно?

— Нет, Сфера именно погибла, — уверенно возразил Андрегер. — Уцелела лишь оболочка, которая и по сей день мертва в большей своей части. Потенциально этот мир способен вместить в себя все Человечество, вкупе с ныне существующими анклавами инсектов, но для этого нужно восстановить внутренние структуры Сферы, возродить управление климатом, залатать нарушенную обшивку, устранить утечки атмосферы. И ни один наш компьютер не приспособлен для этого так хорошо, как Интеллект.

При этих словах Андрегера Дункан резко остановился, неприветливо посмотрев на собеседника.

— Не нужно так упорно навязывать нам контроль со стороны вашего древнего разума. Когда я говорил о человеческой гордости, то имел в виду прежде всего нашу состоятельность. Мы сами можем решить проблемы, связанные с реанимацией Сферы. Более того, мне кажется, что восстанавливать древние системы — глупо. Инсекты исчезли, выродились, и эта территория должна осваиваться людьми и возрождаться, сообразуясь с потребностями нашего метаболизма. Сферу необходимо не восстанавливать, а воссоздавать заново, наполняя ее новым содержанием, ориентированным на человека!

Он немного помолчал, а затем добавил резче, чем говорил до этого:

— Мы вольны селиться, где захотим. И ни одно наше завоевание не будет приписано заслуге параноидальной машины. Его время истекло три миллиона лет назад. Теперь тут территория человечества!..

Андрегер слушал с внимательным терпением. Казалось, что он владеет неограниченным запасом этого дара. Эмоции, видимо, не перехлестывали его разум.

Он видел очевидное, но не мог в этой ситуации что-либо изменить.

— Сожалею, — негромко произнес он. — Я рассчитывал, что мы сможем найти хотя бы одну точку соприкосновения взглядов, господин

Фрост.

Дункан молча пожал плечами, затем, решив, что вопрос, по всей видимости, исчерпан, не прощаясь, развернулся и зашагал к оставленному неподалеку вездеходу.

Андрегер несколько секунд смотрел ему вслед, а затем также направился к своей машине.

Двигатель вездехода завелся, несколько секунд проработал на высоких оборотах, а затем звук стал ровнее, — тупоносая бронированная машина тронулась с места и покатила по древней, закамуфлированной высохшим болотным илом дороге.

Андрегер сел в комфортабельное кресло своего флаера, но не прикоснулся к пульту управления — он все так же был погружен в свои мысли, словно слова Дункана что-то затронули в нем, встревожили, но это «что-то» пряталось в глубинах подсознания, ускользало…

Наконец его рука легла на сенсоры управления стартом. Изящная машина легко и почти бесшумно поднялась в воздух, слегка покачиваясь в поле, которое генерировал ее двигатель.

Орбитальная плита уже полностью заслонила собой звезду, и ее тень накрыла болотистую равнину, погрузив окрестности в подкрашенный багрянцем мрак.

* * *

В сотне километров от места описанной встречи, посреди бескрайних топких болот, возвышались эбеново-черные руины города, некогда возведенного насекомоподобными существами — истинными создателями и бывшими хозяевами данного циклопического мира. До этих руин еще не дошли ни исследователи из числа людей, ни машины, которые преобразовывали бескрайние топи заболоченных равнин в пригодные для жизни пространства.

Здесь властвовали тишина и сумрак, который тысячелетиями таился под постепенно разрушающимися сводами черного города, похожего по внешнему виду и по своей внутренней структуре на увеличенный во многие сотни раз термитник.

Вездесущая вода, которая, прорвав разрушенные временем дамбы, давным-давно разлилась по равнинам, превратив их в зыбкие топи, заполняла и нижние этажи древнего города.

Затопленный город инсектов медленно разрушался на протяжении многих сотен тысяч лет. Жизнь давно покинула его черные стены, и казалось, что мутная жижа зловонных болот воцарилась тут однажды и

навсегда.

Однако наступил момент, и затхлая жижа, плескавшаяся в полуподвальных залах, не помешала ожить древнему как сам мир устройству…

…Очевидно, что силы, неожиданно пробудившиеся от миллионолетнего сна, оказались намного мощнее властвовавшей тут стихии воды, которая вдруг забурлила, разгоняя пологую волну от тех мест, где вскипали зловонные пузыри.

В полуподвальном помещении — огромном зале с сумеречными сводами, внезапно засиял бледный свет, который, как казалось, пробивается из-под воды; затем раздалось шипение, вверх ударила струя зловонного, перегретого пара, и все пространство заболоченного зала внезапно начало вспухать, будто что-то, имеющее форму пузыря, давило изнутри на закипевшую жидкость.

Взрыв грянул внезапно и оглушительно.

Потоки кипящей воды, выбитой из своего многовекового лона, с тяжким стоном пронеслись по коридорам и залам обветшалого города, ломая перегородки между помещениями и извергаясь из всех мыслимых отверстий раскаленными гейзерами.

Казалось, что весь город, уродливо возвышавшийся среди бескрайних болот, вдруг ожил и содрогнулся в страшной конвульсии.

Затем все утихло, лишь из некоторых отверстий черного города-муравейника продолжал сочиться зловонный пар, пока на одной из террас, расположенной намного выше уровня заболоченных полуподвальных помещений, не показалась странная фигура, похожая на призрак, такой же древний и нереальный, как раскинувшееся вокруг, изуродованное дыханием времени пространство.

Несколько минут существо стояло, потрясенно глядя на застывший в зените шарик горячечного, кроваво-красного солнца и гигантскую тень орбитальной плиты, медленно наползающей на него, а затем, совершив над собой усилие, *оно* повернулось и сделало знак кому-то, скрывавшемуся в глубинах древнего города.

В этот момент у загибающегося кверху, быстро темнеющего горизонта появилась точка одиноко летящего флаера.

Существо, стоявшее на террасе древнего города, заметило ее и вновь зажестикулировало, теперь уже более энергично и решительно…

* * *

…Выстрел грянул в тот момент, когда флаер Андрегера летел над

неисследованными топями. Земля и небо вдруг поменялись местами, и машина, взвыв поврежденным приводом, рухнула в топкое болото, образовавшееся на месте мелководного теплого океана древности.

Последняя его мысль была о чудовищной подлости Дункана, но тут изощренный ум Андрегера ошибался. Его недавний собеседник гнал в это время свой вездеход по старой дороге километрах в трехстах от древнего города инсектов.

Новая страница истории Сферы Дайсона была открыта этим выстрелом неведомого снайпера.

* * *

Хрграшт стоял на замусоренной террасе города своих далеких предков и потрясенно смотрел на раскинувшийся вокруг исполинский фантастический мир.

За его спиной Лоит опустил импульсную винтовку и произнес, обращаясь к Кваргу:

— Великолепное оружие, не находишь?

Он усмехнулся. Разум Лоита был слишком стар, а его мысли слишком циничны и рациональны для того, чтобы он мог испытывать удовольствие от каких бы то ни было демонстраций, но на синевато-серое лицо Кварга стоило взглянуть — пройдет еще не одна тысяча лет, прежде чем на лице Бессмертного еще раз проступят столь явные признаки замешательства и потрясения.

— Что это за мир? — спросил он, глядя на изгибающийся кверху горизонт и тень орбитальной плиты, пожирающей тускло-красный шарик старого солнца.

— Это Сфера, Кварг, — ответил ему Лоит. — Ее построили далекие предки ныне живущих инсектов. Отсюда они вторглись на территорию Сетторена.

— И ты хочешь отдать это им?! — Кварг не удержался от жеста, который в понятиях Хараммина означал «бесконечность».

Лоит протянул руку и коснулся прибора, укрепленного на одеждах Кварга. Эмоции последнего были слишком яркими и легко могли быть прочитаны застывшим неподалеку инсектом.

— Спокойнее, — предостерег своего спутника Лоит. — Этот мир — не более чем трухлявая, изъеденная временем скорлупа, чудом уцелевшая под атакой предтеч. Ее простор необъятен, тут я соглашусь с тобой, но совершенно не пригоден для жизни. За миллионы лет Сфера превратилась в огромную ловушку, западню. Людям удалось восстановить лишь

небольшой ее участок, который лежит далеко отсюда, за несколькими горными хребтами. Посмотри на это насекомое, — он неприметным жестом указал на Хрграшта, который медленно шевелил жвалами. — Он потрясен не меньше твоего…

Хрграшт обернулся.

— Ты звал меня, Бессмертный?

Лоит поморщился. Волнение насекомого усилило его ментальные способности. Мысль пробила защитный экран.

— Я хотел спросить, узнаешь ли ты этот мир?

Жвала инсекта опять зашевелились, издавая скрежет. Через несколько секунд, опомнившись, он обратился к Лоиту посредством мысленных образов:

— Это то место, о котором говорят легенды моего народа. Я стою на следах своих предков… — Он жестом указал на материал стен, точно таких, как в Сердце Харма.

— Прекрасно, — ответил ему Лоит. — Теперь я скажу тебе больше. За этими горами, — он махнул рукой в сторону багряного горизонта, уходящего ввысь к облакам, над которыми скользили орбитальные плиты, — живут существа, называющие себя людьми. Они похожи на нас, харамминов, но имеют иной оттенок кожи.

Хрграшт слушал его, внимательно склонив голову.

— Твои легенды хранят память о машине твоих предков, которая делала этот мир теплым и приветливым?

— Да.

— Могу сообщить, что эта машина недавно возвращена людьми на свое место. Она здесь, в Сфере.

— Я хочу видеть Кристаллический Мозг!

Лоит отрицательно покачал головой.

— Это невозможно. Люди охраняют его. Они переделывают пространство Сферы, чтобы воцариться здесь, а твоих сородичей они выслали прозябать в холодный и сырой мир, который зовется Хабор. Доказательства этого я смогу привести тебе, как только мы вернемся… — Лоит подошел к инсекту, внезапно нагнулся и провел рукой по влажному замусоренному полу террасы, на которой они стояли. — Смотри, насекомое, этот прах, — он сжал пальцы, и осклизлая грязь проступила меж ними, — является твоим прошлым и твоим будущим. Собери своих воинов, призови другие Семьи, и я открою вам все доступные порталы. Вместо того, чтобы вести бесконечную борьбу за истощенные планеты Хараммина и без конца плодиться на уже перенаселенных мирах, я

предлагаю тебе забрать то, что принадлежит вам по праву. Этот мир вместит в себя весь твой народ, включая и неразумных особей, которые не развиваются из-за хронического перенаселения, верно? — Он позволил улыбке выползти на свое лицо, искривив губы.

Хрграшт долго стоял, храня молчание. Он размышлял над словами Лоита, глядя то на него, то на распростершуюся вокруг заболоченную бесконечность равнин.

— Я не могу дать тебе ответ сейчас, — наконец промыслил он. — Должен состояться совет глав семейств. Я расскажу им о том, что видел.

— Прекрасно, — не раздумывая, согласился Лоит. — Сейчас мы вернемся, и тем самым я докажу тебе, что обратный путь возможен. Когда ты примешь решение, я просто хочу узнать об этом. Ты найдешь меня в Сердце Харма.

Хрграшт опять долго молчал, а потом спросил:

— Что будет, если я отвечу — нет?

Лоит пожал плечами с деланным безразличием.

— Ты никогда больше не увидишь этот мир. Настройка контура производится по специальным таблицам, которые хранятся вот тут, — он выразительным жестом коснулся своего лба. Одно неправильное значение — и вместо портала получится большая остекленевшая воронка.

— Ты ничего не делаешь просто так, Лоит, — проскрежетал инсект.

— Да. Я преследую две цели, насекомое.

— Какие?

— Во-первых, я хочу прекратить войну в секторе Хараммина. — Он опять усмехнулся и добавил:

— А во-вторых, мне нравится восстанавливать историческую справедливость.

* * *

Корабль Лоита стартовал с Друмгана сразу по их возвращении. Портал был закрыт — он сам отключил его.

Кварг, проявивший недюжинное для своего характера хладнокровие, все же не выдержал, обрушившись на Лоита, как только они ступили на борт корабля, избавившись тем самым от ментального контроля инсектов.

— Ты верно сошел с ума! — резко произнес он.

Лоит недоуменно посмотрел на Кварга.

— Где ты видишь сумасшествие?

— Твои действия непоследовательны! Сначала ты описываешь мне цивилизацию людей и говоришь о том, как велика опасность, что инсекты

узнают об этой расе, а потом сам посылаешь насекомых туда, где воцарились люди!

— Мир между ними будет невозможен, — спокойно возразил ему Лоит.

— Что, во имя Харм, помешает им договориться?

— Голод, — усмехнулся Лоит.

Видя недоумение на лице Кварга, он пояснил:

— Вожди инсектов попались в ловушку. Они не смогут отказаться от своего древнего мира. Я поставил Хрграшту жесткое условие — либо они массово убираются в Сферу, либо ни один портал не будет открыт.

— А что помешает им вернуться? — насупился Кварг.

Лоит присел в кресло.

— Как только исход состоитсй, мы взорвем порталы, — спокойно заявил он. — Если бы в Сферу ушел небольшой отряд инсектов, твои опасения были бы справедливы. Но ты же знаешь насекомых. Они воюют Семьями, а каждая Семья — это миллионы особей. Теперь ты понимаешь? Миллионы инсектов будут выброшены в Сферу, после чего я уничтожу низкочастотные генераторы на этой стороне порталов. Более никто не сможет проникнуть в скопление Сетторена по древним пространственным коммуникациям. Здесь наступит мир, а там будет война, — на второй день орды насекомых захотят есть, а единственное пространство Сферы, где вообще возможно найти пропитание, — это территории, освоенные людьми. Пусть они перегрызут друг друга, а мы за это время соберем Квоту и нанесем удар по Элио — главной планете людей.

— Что нам даст атака на одну планету? — усомнился Кварг.

— Победу, — ответил ему Лоит. — На орбите Элио расположена центральная станция их межзвездной сети Интерстар. Уничтожив ее, мы прервем все их межпланетные коммуникации. Далее мы высадимся на поверхность и захватим главные компьютеры недавно распавшегося звездного сообщества — так называемой Конфедерации Солнц. Хранящаяся в них информация откроет нам все возможности их боевой техники.

— И что дальше?

— Дальше мы будем созерцать. Это будет великое зрелище. Их миры быстро деградируют в полной изоляции друг от друга, и тогда мы сможем взять их под свой контроль голыми руками. А пока они будут погибать, мы, освобожденные от извечной возни с инсектами, сможем разобраться в экспортированных технологиях, которые обеспечат нам новый отрезок Вечности.

Он немного подумал и добавил:

— Время все еще — наш союзник, но сейчас нужно действовать исключительно быстро. Мы должны собрать всех членов Квоты к тому моменту, как инсекты закончат спорить и приползут ко мне с просьбой открыть порталы.

— Зачем такая спешка?

— В Сфере, среди ее бесконечных просторов, я спрятал закупленные у людей машины. Они потребуются нам для вторжения на Элио. Я открою порталы лишь раз, поэтому мы должны войти туда одновременно с насекомыми. — Он на миг умолк, обдумывая только что высказанные вслух мысли, а затем переспросил, глядя на Кварга:

— Теперь тебе все понятно?

— Твой план безумен и жесток даже по моим меркам… — признал Кварг.

Лоит пожал плечами.

— Во Вселенной выживает сильнейший. Я не хочу потерять свое право на Вечность, слишком сладкое это чувство — жить. Цивилизация людей сильна. Либо мы нанесем упреждающий удар и надолго ввергнем ее в регресс, либо они придут в наше пространство, и тогда уже будет поздно что-либо менять. — Лоит опять немного помедлил, обдумывая что-то, а затем спросил:

— У тебя есть хоть один преданный тебе отряд насекомых?

— Да. Достаточно много.

— Регрессированные?

— Естественно! — фыркнул Кварг. — Я не настолько глуп, чтобы держать подле себя полноценных особей. Воины-инсекты тем и хороши, что не думают самостоятельно. А где твои отряды, Лоит?

— Это неважно… Впрочем, я не стану скрывать. Их перебили на Воргейзе. Не всех конечно, но большую часть.

Кварг кивнул.

— А зачем тебе насекомые, Лоит? — тут же переспросил он.

— Они часть моего плана. Я не хочу, чтобы люди знали, кто именно атаковал их на самом деле. Поэтому мне нужны инсекты. В качестве пушечного мяса, разумеется. Пусть их трупы останутся на планете людей, и тогда нам опять не будет грозить ответный удар.

Часть 2. Вторжение

Глава 4

Иногда события вдруг начинают развиваться со стремительностью и неожиданностью стихийного бедствия, напоминая жадный водоворот… Те, кто не обладает необходимой волей, будут затянуты в омут происходящего, и лишь единицы найдут достаточно сил для борьбы со стремниной обстоятельств, чтобы в конечном итоге — выплыть.

Планета Элио

Из «Созвездия» он вышел в состоянии бешенства.

За годы спокойной кабинетной работы Горкалов так отвык от этого разрушающего чувства, что сейчас, несмотря на злобу, он будто родился заново, и даже пятна румянца на бледных щеках не старили, а молодили его.

Нервную систему перетряхнуло так, будто он только что вышел из боя.

Муть в душе медленно оседала, но ярость не ушла, она заставила работать мозг, и он сейчас мыслил кристально чисто.

«Шефорд… Чего же ты так испугался?»

Илья Андреевич сел в машину, отъехал несколько кварталов и свернул на паркинг, машинально проверившись на предмет слежки. «Хвоста» за ним не было…

Задумавшись, он облокотился о руль, глядя, как мимо текут огни городского транспорта.

«Не слишком ли я все усложняю?» — подумал он. — «Может, и правда — отвык от настоящего дела, вот и мерещится всякая ерунда?..»

Нет. Под вспышкой Шефорда был скрыт явный испуг. Когда у человека все чисто на душе, чего ему шарахаться? Ну выслушал бывшего сослуживца, вежливо ответил, что информация принята к сведению. Нормальная реакция, которую, кстати, следовало ожидать от чиновника его ранга, а нет, ведь психанул, сорвался…

«Нечего сидеть и бычиться… Работать надо», — с внезапным раздражением на свою собственную нерешительность подумал Горкалов, заводя машину.

* * *

Вернувшись домой, Илья Андреевич пря, миком прошел в кабинет и сел за компьютерный терминал.

Мысль, что подспудно зрела в его голове, начала приобретать конкретные черты, но для осуществления плана действий ему требовались помощники — как минимум три-четыре человека, на кого он мог бы положиться, кто не подведет в критической ситуации.

В прошлом у Горкалова такие люди были.

В принципе они оставались и сейчас, но пример лейтенанта Шефорда, слишком сильно изменившегося за прошедшие годы, не внушал ему никакого оптимизма по поводу реального положения дел. Бывшие боевые товарищи могли так же разительно измениться, большинство наверняка обросло бытом, семьями и мало кто захочет возвратиться в сомнительное прошлое.

В базах данных, которые хранил основной терминал домашней компьютерной сети, имелись как электронные, так и реальные адреса тех, кому в прошлом полковник Горкалов смог бы, не задумываясь, доверить вызревавшую в его голове операцию, но кто из них по-прежнему готов бросить все и пойти на риск ради старых, оболганных и затасканных идей, которые когда-то составляли смысл их жизни?

Ответ на данный вопрос могло дать лишь конкретное общение с этими людьми.

В этот вечер Илья Андреевич впервые за последние годы действовал под непрерывным напором чувств, словно в душе отставного полковника вдруг прорвалась некая плотина, до сих пор сдерживавшая запертые за нею эмоции, на которые был наложен сознательный запрет.

Что он должен сказать им — бывшим единомышленникам, офицерам, которых когда-то объединяли понятия общечеловеческих ценностей и которые служили Конфедерации Солнц не ради званий и материальных благ, а потому, что то был их мир, за который они несли ответственность?

Этим вечером, сидя за терминалом компьютера, он понял, что все последние годы лишь пытался, но не смог похоронить под пологом забвения свои чувства. Они всколыхнулись сейчас, но не мутью горечи за пространство, отданное во власть денег, за оболганное и забытое прошлое, — в его сознании не было упреков в адрес сегодняшних властей предержащих деятелей, возглавлявших межпланетные корпорации, которые беззастенчиво кроили космос в интересах прибыли, нещадно эксплуатируя ресурсы планет, истощая их и бросая в конечном итоге, — нет, он думал совершенно о другом.

Он ясно увидел опасность, и разговор с Шефордом наглядно показал,

что между Человечеством и тем неизведанным, что крылось в глубинах пустых секторов, больше нет никакой преграды.

Наивно было полагать, что отставной полковник сможет восполнить тот чудовищный пробел, который образовался в результате краха Конфедерации Солнц, но, осознав некоторые факты, он просто не мог остаться в стороне и спокойно наблюдать — сбудутся ли его опасения?

Он должен был проверить информацию по Воргейзу и видел лишь один путь для осуществления задуманного. Но для этого ему были необходимы не только деньги и знание. Нужны были люди, которые, в случае наихудшего исхода, встанут рядом с ним, но не за страх или деньги, а лишь за совесть…

Лихорадка мыслей не проходила, казалось, что она усиливается с каждой минутой, и Илья Андреевич вдруг понял, что практически неосознанно открыл программу рассылки электронной корреспонденции и пишет, вспоминая тех, кому адресовалось короткое послание.

Дата, время и место встречи.

Код Конфедерации, известный узкому кругу боевых офицеров флота.

И еще — условный символ, поднятый на смех после рассекречивания архивов, опровергнутый, как казалось, полутора тысячелетиями экспансии.

Кто продолжает ощущать внутреннюю сопричастность, моральную ответственность за брошенные на произвол судьбы миры, — тот откликнется и придет. Горкалов интуитивно выбрал из всех доступных обращений именно это, закодированное в символах, цифрах и буквах, потому что в душе полковника зрела уверенность — люди, которые фыркнут, вспомнив значение данного кода, ему не нужны.

* * *

Разослав корреспонденцию, Горкалов обратился к ноутбуку, который побывал с ним в «Созвездии». Охрана Шефорда не зря косилась на маленький кейс, и только вальяжная беспечность Джона позволила Илье Андреевичу без труда воспользоваться встроенными системами электронного прибора.

Так… Помимо записи их разговора с Шефордом, на носители переносного компьютера был скопирован номер личного мобильного коммуникатора, который находился во внутреннем кармане Джона, номера и модуляции частот устройств связи его охраны и еще нескольких, случайно оказавшихся в зоне действия детектора мобильников, принадлежавших другим посетителям «Созвездия».

Горкалов действовал спокойно и методично. Подключив свой

коммуникатор к системе переносного компьютера, он достал еще один кабель и соединил им ноутбук с процессорами домашнего терминала. В результате у него получился сносный, по меркам полевых условий, следящий комплекс.

Прошло еще несколько секунд, пока перехватившая управление программа ориентировала антенну связи, расположенную на крыше здания так, чтобы она начала принимать новый спутник, обслуживавший засвеченные номера, затем на карте города, которую уже спроецировал терминал, вспыхнуло несколько точек.

Шефорд все еще находился в «Созвездии». Судя по маркерам, его охранники — тоже.

Включая программу прослушивания, Горкалов понимал, что вступает на скользкий путь конфронтации с властью — генерал Шефорд был прежде всего лицом официальным и представлял именно власть, но иного выхода Горкалов не видел.

По сообщению программы, Джон не использовал свой мобильник с того момента, как Илья Андреевич покинул ресторан.

— «Посмотрим…» — решил Горкалов. — «Если Джон не станет никому Звонить в ближайшие часы — значит, он чист, а я действительно просто засиделся в четырех стенах…»

* * *

На самом деле все обстояло намного серьезнее, чем мог подозревать Горкалов.

Генерал все еще сидел в «Созвездии», заканчивая в мрачном одиночестве свой ужин, когда к нему подошел один из охранников, протянув коммуникатор.

— Это вас, сэр.

Он кивнул, принимая трубку.

— Да, слушаю. Шефорд.

На том конце связи некоторое время висела тишина, а затем спокойный голос негромко спросил:

— С кем ты сейчас разговаривал?

Шефорд узнал абонента, и его тон сразу же стал менее резким.

— Это бывший сослуживец. Ничего особенного, сэр.

— Да? А мне доложили, что речь шла о Сфере Дайсона.

Шефорд неприязненно покосился на свою охрану, но тут же отмел эту мысль. Следить за ним могли из любой точки этого зала.

— Я не понимаю… — начал было он, но голос в коммуникаторе

прервал его попытку возмутиться:

— Генерал, вы верно глупы, если разрешаете своим бывшим сослуживцам вызывать вас на такой разговор и при этом позволяете ему вести запись беседы. В чем дело9 Надоело получать деньги? Или носить погоны? А может быть, и то и другое вместе?

— Я не понимаю!.. — повторил Шефорд и машинально ослабил воротник, который вдруг принялся душить его.

— Здесь нечего понимать. С вами встречался полковник Горкалов из бывшего управления внешней разведки Конфедерации Солнц, я правильно назвал фамилию и должность?

— Да, но… Это все в прошлом! Сейчас он просто старый рехнувшийся историк!

Шефорду на миг показалось, что он видит, как его собеседник на том конце связи покачал головой.

— Такие люди, как Горкалов, не меняются. Он что-то знает, раз вышел на тебя, Джон. Ты стал слишком беспечен, если с такой легкостью ставишь под удар наш бизнес.

— Мне начинает казаться, что этот бизнес скверно пахнет! — с внезапной резкостью произнес Шефорд.

В трубке некоторое время висела тишина.

— А Горкалов подлил масла в огонь, да? — осведомился голос. — Усилил, так сказать, чувство вины перед Человечеством? Брось, генерал, сидишь в дерьме, так не чирикай. А о своем бывшем начальнике забудь. Я уже послал к нему в гости своих мальчиков…

— Сэр! Это… — Щеки Шефорда вспыхнули нездоровым румянцем. — Это неправильно!

— Я сам решаю, что правильно, а что нет. В следующий раз советую быть разборчивее и осторожнее.

Джон все же оторвал душившую его застежку. Посмотрев на клок материи в своих руках, он произнес упавшим голосом:

— Не трогайте его. Он абсолютно ничего не знает.

— Перестань скулить, генерал. Лучше подумай о деле. Сегодня уходит транспорт. Я хочу, чтобы ты лично проверил «Сигму» перед стартом. Об исполнении доложишь. Еще вопросы есть?

— Нет, сэр… — Шефорд был совершенно раздавлен.

* * *

Горкалов действительно мало изменился с годами.

Прослушав перехват, он лишь слегка побледнел, затем машинально

протянул руку, выбил из пачки сигарету, прикурил и только тогда встал.

Закрыв ноутбук, он отключил его от терминала, взял кейс под мышку и, склонившись над сенсорной клавиатурой, набрал несколько терминирующих команд.

Экраны мониторов судорожно моргнули и погасли, но индикаторы постоянных запоминающих устройств продолжали моргать.

Машина убивала сама себя.

«Вот как внезапно оборачивается жизнь», — не то с горечью, не то с облегчением от наступившей ясности подумал он, оглядывая свой кабинет.

Оружия он дома не держал и носить не любил. У сотрудника Института истории и археологии космоса давно уже не было врагов, так что встречать «мальчиков» было решительно нечем. Горкалов вдруг поймал себя на том, что испытывает жгучее желание остаться и посмотреть, на что годятся сегодняшние «профи», но быстро совладал с этим иррациональным чувством.

Вляпался он во что-то серьезное, и вести себя нужно было соответственно. Поработать кухонным ножом — невелика удаль, а вот последствий потом не расхлебаешь, — он нутром чуял, — тот, кто разговаривал с Шефордом, сидит высоко и руки у него длинные…

Будь Горкалов археологом от рождения — запаниковал бы, заметался, но Илья Андреевич был солдатом, а двадцать лет вынужденной «гражданки», оказывается, нисколько не притупили навыков и чувств.

Не оглядываясь, он вышел из квартиры и стал быстро подниматься по лестнице, которой пользовались, когда внезапно ломался лифт.

Оказавшись на крыше, он взглянул вниз.

У подъезда, почти впритирку со входом, стоял черный «Гессель».

Наглые ребята.

Он быстро набрал номер, вызвал автоматическое такси и спустя несколько секунд с удовлетворением увидел, как с ночных небес к крыше пикирует зеленый маячок.

Флаер был автоматическим.

Горкалов шагнул в салон, набрал номер парковочной площадки, расположенной в трехстах метрах от его дома, и такси послушно поднялось в воздух. Управлявшему машиной компьютеру было абсолютно все равно, куда доставлять клиента.

«Ладно, Джон…» — мысленно пообещал Илья, когда крыша здания провалилась вниз. — «С тобой мы поговорим чуть позже…»

* * *

Его «Гранд-Элиот» стоял на том же месте, где Илья оставил его меньше часа назад.

Сняв машину с охраны, он сел в кабину. Бортовой компьютер однозначно сообщил, что никто посторонний за это время не приближался, а времени на более тщательную проверку не было.

Горкалов завел двигатель, медленно тронулся с места, свернул на первой попавшейся транспортной развязке и некоторое время ехал в южном направлении.

После пятнадцати минут езды, совершив несколько маневров, он начал было успокаиваться, но, бросив в очередной раз беглый взгляд на экраны заднего обзора, внезапно увидел, как в поле зрения видеокамер промелькнул характерный контур запоминающейся машины.

«Вот черт…»

Горкалов увеличил скорость, но оторваться таким бесхитростным маневром не удалось.

Одной рукой удерживая руль, он набрал директиву на откинутой панели ноутбука, лежащего на пассажирском сиденье. Дисплей тут же отреагировал на команду, превратившись в дополнительное окно заднего обзора, в котором несколько секунд мельтешили кадры, а затем поисковая программа выделила из транспортного потока черный «Гессель» представительского класса — шикарную, мощную машину, соединявшую в себе системы флаера и автомобиля.

Мгновением позже пришел перехват:

— Он нас засек. Пытается оторваться.

Индикатор судорожно заморгал: связь осуществлялась на плавающей частоте, но все же Горкалов услышал конец фразы, которую произнес неизвестный ему абонент, недавно разговаривавший с Шефордом:

— …уберите его.

Снова судорожное моргание индикатора.

— Принято.

Черный «Гессель» рывком увеличил скорость, коротко и нервно заморгал включившийся проблесковый маяк.

«Ага, значит, убивать будут под „крышей“ закона, так надо понимать», — пришла на ум Горкалову отстраненная мысль, словно все происходило вовсе не с ним, разум по инерции продолжал анализировать ситуацию, делая спокойные выводы.

Он резко бросил машину в сторону, наискось пересек три полосы движения и ушел в боковую развязку.

Скоростная магистраль плавно завернула, продолжая понижаться.

Горкалов до упора вывернул руль, едва не чиркнув бортом «Гранд-Элиота» о бетонный поребрик ограждения, мимо промелькнуло несколько указателей с черными языками въездных пандусов под ними, и снова пошло закругление. Илья понял, что попал на межуровневый серпантин. В его ситуации это было весьма кстати — «Гессель» преследователей не мог воспользоваться здесь режимом полета, да и скорость на таком закруглении не больно-то разовьешь…

Сзади резко взвизгнули тормоза. Он кинул взгляд на дисплей, заметив, как мощный внедорожник стремится повторить его маневр, высекая искры из бетонного ограждения, потом свет его фар скрылся за поворотом, а спустя секунду появился вновь.

Борт «Гесселя» сиял прежним глянцем.

«Бронированный», — машинально подметил Горкалов.

Он видел, как опустилось затемненное боковое стекло машины, и из салона показалась рука с импульсным пистолетом.

«Нет, в такие игры мы играть не будем», — спокойно подумал Илья, еще немного увеличив скорость.

«Гессель» опять скрылся за скруглением серпантина, а световой столбик в окошке электронного спидометра его машины уже дрожал у опасной отметки ста восьмидесяти километров в час.

Серое полотнище скоростного спирального спуска с шелестом стелилось под широкие колеса «Гранд-Элиота»; система оповещения лазерных дальномеров захлебывалась тонким визгом, предупреждая о бетонном ограждении, которое проносилось впритирку с левым бортом, но Горкалов не снижал скорости, продолжая балансировать на грани — чуть дрогни рука, и все — ни один хирург потом не соберет…

Наконец свет фар «Гесселя» окончательно померк за закруглением серпантина. Крупная градина пота скатилась из-под седых, коротко стриженных волос Ильи, щекотливой дорожкой пробежала по носу и сорвалась, когда он мотнул головой.

Спуск стал уже и круче. Указатели дорожных развязок теперь не мелькали так часто — приближался нулевой ярус огромного города. Световые росчерки реклам сменились облупленными и порядком запущенными щитами, на которых болтались обрывки пластбумажных плакатов, разметка полос скрадывалась валяющимся тут и там мусором, лампы освещения под низким, давящим потолком горели дай бог через две-три, так что «Гранд-Элиоту» пришлось значительно снизить скорость.

Нулевой ярус любого мегаполиса всегда пользовался дурной славой, и столица Элио не являлась в этом смысле каким-то исключением из правил:

тут начиналось самое настоящее «дно» города, даже кварталы бедноты и те располагались выше, а в этом сумеречном пространстве обретались в основном наркоманы, нищие, рано постаревшие, истрепанные жизнью проститутки и прочие обломки процветающего наверху общества

Горкалов притормозил, сбросив скорость до ста километров в час.

Недавно обновленный плакат на очередном рекламном щите по-честному предупреждал:

«Внимание! Вы въезжаете на территорию с минимальным присутствием сил правопорядка!»

Илья бросил взгляд на экран.

Пятно от фар «Гесселя» плыло на один виток выше. Дрянная все-таки машина. Слишком тяжелая из-за своей брони и соответствующего тоннажу шасси. Но красивая.

Серпантин кончился внезапно, просто рассыпавшись целым веером тускло освещенных, замусоренных улиц. На широкой развязке, оседлав гравиборды, развлекалась банда подростков. Появление «Гранд-Элиота» они восприняли с немым изумлением, но пара пацанов, несмотря ни на что, успела метнуться ему наперерез и прыгнуть, перемахнув через капот прямо перед лобовым стеклом.

Горкалов, чуть снизив скорость, влетел в узкое, захламленное ущелье улицы, собирая низким бампером машины разбросанные повсюду пластиковые коробки; банда малолетних гравибордистов с визгом и улюлюканьем неслась ему вслед, из немногочисленных оставшихся незаколоченными окон высовывались привлеченные уличным шумом лица, и весь этот переполох, естественно, не остался без внимания. Из провалов выбитых витрин, за которыми, как был прекрасно осведомлен Илья, функционировали разного толка притоны, показалось и исчезло несколько мрачных, не внушающих никакого доверия личностей.

Все это промелькнуло мимо, где-то на периферии сознания. Илья резко затормозил у более или менее приличной, ярко освещенной витрины, выбрался из машины и, не оглядываясь, пересек улицу.

Внутри небольшого магазинчика витал прогорклый, удушливый запах *дна* — так специфически воняет только тут да еще в тюрьмах, — это Илья знал не понаслышке. Не останавливаясь в дверях, он прошел прямо к низкому прилавку, за которым восседал хмурый, неопрятно одетый тип с недельной щетиной на сухих, изможденных скулах.

— Упаковку пива и две дозы эреснийской травы! — потребовал Илья

Андреевич, облокотившись о прилавок.

Хозяин магазинчика посмотрел сквозь мутное стекло витрины.

— Машину не жалко? — как бы между прочим осведомился он.

Горкалов не оглянулся, хотя был твердо уверен, что его «Гранд-Элиот» уже пытаются «разуть».

— А что ей станется? — спросил Илья. Хозяин молча пожал плечами. Скрывшись под прилавком, он извлек из-под него затребованную упаковку пива, потом, еще раз неодобрительно покосившись на Горкалова, неуловимым движением достал две плотно набитые папиросы.

— Сорок семь.

Илья не носил с собой оружия, но зато несколько сот кредитов не на электронном счету, а наличными, он держал при себе всегда. Вынув из кармана мерцающую банкноту, достоинством в пятьдесят универсальных единиц, он положил ее на прилавок, забрал папиросы с подозрительно пахнущей начинкой и, не дожидаясь сдачи, потянулся за пивом, когда с улицы донесся визг тормозов, за которым последовал глухой удар, затем хлопнули две двери, и чей-то голос болезненно и хрипло выкрикнул:

— Ты что делаешь, твою мать?!

В ответ раздался приглушенный хлопок выстрела, еще один, еще, кто-то истошно завыл, снова хлопнул выстрел, но уже не из импульсного пистолета, жалобно звякнуло пробитое пулей стекло, и витрина внезапно рассыпалась мутным серебристым дождем.

Хозяин магазинчика, грязно ругаясь, нырнул под прилавок, а Илья, не дожидаясь, пока тот достанет припрятанный там ствол, метнулся к дверям.

Пустынная несколько минут назад улица сейчас напоминала разворошенный муравейник.

За его «Гранд-Элиотом», бампер к бамперу стоял черный «Гессель». Две его двери были распахнуты, и самый ушлый из пацанов, бросив свой гравиборд, уже выдирал что-то из приборной панели, пока взрослое население трущоб с остервенением пинало два изломанных, хрипящих тела. Рядом, привалившись к стене, сидел, широко раскрыв стекленеющие глаза, неопрятный человек неопределенного возраста. В руках он сжимал монтировку, а в его лбу чернела аккуратная дырочка.

Из-под капота «Гесселя» торчала дергающаяся в судороге нога еще одного мародера. На Горкалова в общем содоме никто не обращал внимания — вся бессмысленная злоба этих людей была сейчас направлена на двух чужаков, которые нагло вторглись на их территорию с оружием в руках.

Проходя мимо, Илья без любопытства взглянул на них, но смотреть

там, собственно, было не на что — озверевшие обитатели дна пинали уже не человеческие тела, а какие-то бесформенные кули…

С «Гранд-Элиота» успели снять только колпаки, «дворники» да выбили одну фару.

— Ну-ка, прочь! — цыкнул Илья на подростка, который примерялся к колесу его машины.

Пацан поднял на него взгляд, в котором наивный детский испуг смешивался с уже проникшей в его сознание бессмысленной, тупой злобой обитателя трущоб. Побелевшие пальцы цепко сжимали монтировку.

— На… — Горкалов вытащил еще одну банкноту в пятьдесят кредитов. — Видишь, впереди ящики? Откинь-ка их в сторону.

Пацан несколько раз моргнул, а потом бегом кинулся выполнять поручение.

Илья оглянулся. Два тела уже не дергались.

«Остановился купить пивка, полковник?» — с горькой иронией подумал он, зная, что себя не обманешь — подставил он этих горе-киллеров, холодно, трезво просчитав и свои действия, и реакцию обитателей городского дна.

Сто кредитов и четыре трупа.

«Сильно подешевела человеческая жизнь…» — с такой мыслью Горкалов заставил машину резко рвануться вперед.

* * *

Выбравшись из района городских трущоб, Илья не стал подниматься на более цивилизованные уровни, а повел машину к следующему этапу своей ночной одиссеи — городской свалке отходов, расположенной за северной окраиной столицы, неподалеку от стеклобетонных равнин космического порта.

Такое взаимное расположение двух несовместимых, казалось бы, структур, на самом деле, было вполне обоснованно: огромный город порождает массу мусора, который нужно как-то утилизировать, и лучшим способом для этого были именно чаши стартовых мест в грузовых терминалах космического порта. Мусор, спрессованный в специальные брикеты, свозили в бункеры, расположенные под стартовыми столами челночных кораблей, и те сжигали его огнем своих двигателей при старте.

Так же, как городские трущобы, свалка являлась весьма своеобразным местом, где обитала определенная категория людей.

Илья иногда бывал тут, не из-за привязанности к подобного рода местам, конечно, а из-за одного человека, с которым жизнь обошлась

двадцать лет назад намного круче, чем с ним самим.

Не всем офицерам удалось с одинаковым мужеством перенести крах Конфедерации, некоторые покатились по наклонной, но в понятии Ильи Андреевича это не значило, что им нужно еще и поддать пинка, жизнь — сложная штука…

Въехав на территорию свалки, которая по своей протяженности и планировке могла поспорить с мелким провинциальным городком, он уверенно свернул в один из проездов, расчищенных автоматическими бульдозерами, которые трудились тут днем и ночью.

Увидев небольшой фургончик, перед которым в жестяной бочке горел огонь, он посигналил.

Спустя минуту дверь убогого жилища открылась, и на пороге показался старик. Окинув мутным взглядом освещенный участок, он узнал машину Горкалова и помахал рукой — подъезжай к огню.

Илья не стал спорить, вывел «Гранд-Элиот» в мерцающий круг света и заглушил двигатель.

Старик сел на перевернутый кверху дном ящик и протянул к огню морщинистые руки. Горкалов достал купленное пиво, вылез из машины и так же молча сел рядом с ним.

— Проблемы? — спустя некоторое время осведомился старик, покосившись не то на Илью, не то на привезенное им пиво.

— Не знаю, — откровенно произнес Горкалов, глядя в мятущиеся языки пламени. — По большому счету — да. Мне нужна твоя помощь.

— Ну да? — немного оживился старик. — В кои-то веки?

— Все течет, Паша. Скажи, твои пацаны все еще шастают в космопорт?

— Эти, тоннельные крысы, что ли?

— Да.

— Шастают. Тем и живут.

— Слушай, а поговорить с ними можно? Могут они отследить пару терминалов? Меня интересуют транспорты класса «Элизабет-Сигма», погрузка которых происходила в течение последних недель.

Старик недоверчиво покосился на Горкалова.

— Ты что, под старость лет решил прошлым тряхнуть? Опять в разведку подался? Или в бизнес?

— Да нет… — Горкалов достал из кармана две папиросы и протянул их хозяину фургона. — Убить меня хотели сегодня, — внезапно признался он. — И домой мне нельзя — ждать там будут.

— Ого… Вот как жизнь поворачивается… — присвистнул старик и,

кряхтя, встал. — Что ж, пойду позову, авось помогут твоей беде, раз такое дело.

— Чемодан прихвати, который я тебе оставлял, ладно? — вслед ему произнес Горкалов.

Старик остановился.

— Что, воевать собрался? — спросил он, обернувшись. — Ну это хорошо, ты только меня не впутывай…

— Не буду, — пообещал Илья. — До утра посижу, а потом уеду.

Старый парк на южной окраине столицы Элио. Шесть часов вечера следующего дня

Местом встречи он избрал небольшое кафе, расположенное на территории старого парка.

На душе Ильи Андреевича было тяжело, мутно. Он ненавидел подобные ситуации, когда уже сделано все, что только в человеческих силах, и дальнейшее зависело лишь от того, приедет ли кто-то на условленную встречу вообще.

Накануне он отправил сорок семь сообщений.

Он занял столик в дальнем углу зала, откуда ему была отлично видна входная дверь, и невольно напрягался каждый раз, как только она отворялась, чему вторило мелодичное позвякивание бронзового колокольчика…

…На этот раз в кафе вошла молодая женщина, которая мгновенно привлекла к себе не только взгляд Ильи Андреевича, но и остальных немногочисленных посетителей полупустого в этот час заведения.

На ней было стильное белоснежное пальто, явно сшитое на заказ и подогнанное по стройной фигуре опытным мастером. Короткие темные волосы и шелковый шарф сочного фиолетового оттенка, не повязанный на шею, а выглядывающий из-под отворотов воротника, придавали ее облику особенный шарм.

Илья Андреевич вскинул взгляд и тут же разочарованно подумал, что это какое-то недоразумение, случайность и молодая женщина просто оказались в этом месте по странному стечению обстоятельств, но когда дверь за ней затворилась, а она не прошла в зал, застыв на пороге уютного кафе и напряженно осматривая полупустое помещение явно в поисках кого-то, знакомого ей лишь по описанию, то сердце Горкалова внезапно екнуло, потому что было в ее чертах что-то смутно, неуловимо знакомое…

Увидев его, одиноко сидящего за отдельным столиком в углу зала,

девушка решительно направилась к Илье Андреевичу.

— Вы полковник Горкалов? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Да. — Он немного опешил — так неожиданно и стремительно произошла эта, никак не запланированная встреча.

— Я дочь капитана Нормана, — произнесла она, отодвигая стул и присаживаясь напротив Ильи Андреевича. — Отец не смог откликнуться на письмо. — Она продолжала смотреть ему в глаза и тихо добавила:

— Папа умер два года назад.

Простота, непринужденность ее манер, в которой угадывалось воспитание определенного сорта, сразу расположили Илью Андреевича и одновременно — оттолкнули его, словно в душе сработал некий предохранитель. Воспоминания обрушились мгновенно, в сидящей напротив девушке он действительно узнал Дейвида Нормана — его черты, смягченные юностью и женственностью, его глаза изменчивого, небесного цвета и даже упрямый, чуть насмешливый взгляд.

Вспышка памяти продолжалась не более нескольких секунд:

«Серые стволы деревьев… Опавшая листва оранжевого цвета, испуганная стайка птиц, стремительно вспорхнувших из зарослей, куда секунду спустя, сминая деревья, опустились пять тонн серой камуфлированной брони, — это четырехпалый ступоход боевого робота сделал очередной шаг и застыл».

— Илья, что на твоих сенсорах?

— Вижу пять сигналов, капитан.

Рубка «Фалангера» резко повернулась, взвизгнув приводами торсового разворота. Лицо капитана Нормана за выпуклым бронестеклом выглядело именно так — спокойно, даже чуть насмешливо. Автоматическая пушка правого борта повернулась, используя свой независимый привод, и лейтенант Горкалов отчетливо увидел, как заработал плечевой механизм перезарядки, подавая из недр «Фалангера» резервный боекомплект.

— Спокойно, лейтенант. Это всего лишь «Хоплиты».

То был первый реальный бой Ильи Горкалова, недавнего выпускника военной академии Элио. Бой, в котором шестидесятитонный «Фалангер» Нормана постоянно прикрывал его, растерявшегося, очумевшего от ракетных залпов и оглушающего грохота снарядов, беспрестанно

молотивших по броне его «Ворона»…

Горкалов помнил лишь тот миг последних радиопереговоров, а потом его память запечатлела уже поваленный, сгоревший лес, концентрические круги раскиданных, будто спички, деревьев, пять боевых машин противника, догоравших чадными кострами среди тлеющего подлеска, и «Фалангер» Дейва с перерубленным ступоходом, который стоял, нелепо накренившись посреди мертвого, выжженного пространства.

В тот день Горкалов понял, что за адскую мощь несет в себе шагающая боевая машина. В первом бою он испытал все: и смертельный ужас, и растерянность, и запоздалый стыд за свои нелепые, нерешительные, взбалмошные действия, — словно все, чему его учили на симуляторах, рассыпалось в прах под смертельным дуновением первого ракетного залпа атакующих машин, и если бы не спокойный профессионализм Дейвида Нормана, то первый бой Горкалова стал бы для него последним…

Позже, уже на базе, в броне «Фалангера» насчитали семьдесят пробоин.

Норман ни разу не упрекнул его, хотя за семь минут адского столкновения боекомплект «Ворона» так и остался неизрасходованным…

— …Как это случилось?

Она несколько секунд молчала, а затем ответила:

— Автокатастрофа.

Илья вдруг ощутил пустоту. Норман был одним из немногих, в ком Горкалов оставался подсознательно уверен, и вот… Горечь утраты мгновенно смешалась в душе с этим чувством *невосполнимости*, и вся затея на миг показалась глупой, бессмысленной аферой, но только на миг, потому что в следующую секунду он осознал, что смотрит на девушку, которая сидела напротив.

Ее белоснежное, стильное пальто, светлые волосы, в сочетании с мягкими чертами лица и вдумчивыми, такими знакомыми глазами Дейва, — казались какой-то нереальной ретроспективой, обновленным, реанимированным прошлым, будто в девушке действительно присутствовали не просто гены отца, а нечто большее, пока что скрытое от понимания.

— Как тебя зовут?

— Шейла. — Она достала из сумочки сигареты и добавила:

— Заочно мы знакомы очень давно. Мне двадцать семь, и лет пятнадцать назад отец впервые рассказал о том бое на Фрамере, когда вы спасли ему жизнь.

Илья Андреевич внимательно посмотрел на нее и ответил:

— Я обязан твоему отцу большим количеством подобных эпизодов.

Горкалову было неимоверно трудно впустить в свое сознание мысль о том, что Нормана больше нет. Рядом с горечью утраты проскользнуло недоумение — если Дейв погиб два года назад, то как его дочь смогла прочесть кодированное сообщение и появиться тут в условленное время?

Внезапное, показавшееся нелепым, невозможным на первый взгляд подозрение мелькнуло в сознании Горкалова, и он спросил:

— Скажи, почему ты пришла? Откуда тебе известен код Конфедерации?

Шейла свободно откинулась на изогнутую спинку пластикового кресла и ответила:

— Отец был для меня всем. Я закончила военную академию астронавтики с последним выпуском, уже после распада звездного сообщества, по инерции, так сказать. — Она опять открыла сумочку и, к удивлению Горкалова, вытащила оттуда стереоснимок. Протянув его через стол, Шейла положила карточку перед Горкаловым.

Он взглянул на снимок.

Два человека стояли рядом с огромным, едва уместившимся в кадр согнутым ступоходом боевой шагающей машины.

Это были они — Горкалов и Норман.

— Впервые я села в виртуальную рубку «Фалангера», когда мне исполнилось семь лет, — произнесла Шейла, как-то странно взглянув при этом на Илью Андреевича, будто в ее душе было накоплено столько потаенного, что она сама пугалась этих чувств.

Горкалов понял, что она имела в виду. В этот момент он был рад, что Шейла пришла первой и они могут говорить тет-а-тет. Он даже не задумался над тем, что она могла оказаться единственной, кто придет на условленную встречу.

— Симулятор боевой машины и реальность имеют между собой столько же общего, как детский трехколесный велосипед и гоночный флаер, — стараясь говорить как можно мягче, произнес он. — Мне горько, что Дейва больше нет, но ты…

— Я могу заменить отца в любом деле, за которое взялся бы он сам, — не повышая тона, ровно произнесла Шейла, будто констатировала общеизвестный факт. Подняв взгляд на Горкалова, она добавила:

— Я не взбалмошная девочка, сходящая с ума от скуки. Отец тренировал меня.

— Дейв? — вырвалось у Горкалова. — Почему?

— Он говорил, что сотни миров останутся беззащитны, когда Совет Безопасности умрет вслед за Конфедерацией. Он привил мне все, чем жил сам. Я водила все доступные машины, вплоть до «Валькирии».

Глядя на нее, Илья просто не знал, что ему отвечать и думать. Он никогда не испытывал глупых предубеждений против женщин, но эта хрупкая копия Дейвида Нормана никак не умещалась в его сознании ни в боевой скафандр, ни в рубку «Фалангера», ни в кабину пилота многоцелевого орбитального штурмовика класса «Валькирия»

Нет. Это безумие! Илья смотрел на ее белоснежное пальто, тонкие черты лица, а видел кровь, ощущал мускусный запах пота, смешанный с флюидами перегретой смазки — запахами, которыми рано или поздно пропитывается рубка любой боевой машины, видел оранжевые вспышки разрывов, летящие в небеса клочья изодранной земли, фонтаны кипящей грязи, отрывистые росчерки лазерных вспышек, которые подрезают стволы вековых деревьев, будто спички…

Он не имел права впутывать ее в свои сомнительные аферы, которые в лучшем случае обернутся пустым звуком, а в худшем…

Мысли Горкалова и само развитие их диалога были прерваны появлением двух человек, которые вошли в кафе практически одновременно.

Оба выглядели много моложе своих лет. Ни у Скляра, ни у Лерватова не было даже намека на седину в коротко стриженных волосах, а их подтянутые фигуры говорили о прекрасной физической форме.

Видно, они поддерживали контакт друг с другом все эти годы, если приехали одновременно.

Разглядывая вошедших, Горкалов вдруг понял, какой проницательностью обладала Шейла — ведь он послал лишь код Конфедерации Солнц, добавив к нему только время и место встречи, без подписи и пояснений. А она догадалась, кто стоит за строкой буквенно-цифрового шифра, и, войдя в кафе, искала взглядом именно его.

Бровь Скляра удивленно взметнулась вверх, когда он увидел Илью Горкалова в компании с юной девушкой.

От взгляда Ильи Андреевича не укрылось, что под цивильной одеждой Ивана пряталась наплечная кобура. Если он не изменил привычкам, то там обитала «гюрза» — самая опасная и удачная модель автоматического импульсного пистолета, разрешение на который для частного лица получить на Элио попросту невозможно.

«Значит, он по-прежнему в строю?» — мелькнула мысль, которая после известных событий показалась неприятной.

Внутренние переживания никак не отразились на мимике Горкалова, а вот эмоции Скляра прорвались в удивленном подъеме брови… Лерватов же позволил себе улыбнуться, хотя эта улыбка вышла озабоченной — оба помнили Илью слишком хорошо, чтобы понять — он не станет дурацки шутить с кодом Конфедерации Солнц.

Обменявшись рукопожатиями, они сели за столик.

— Это дочь капитана Нормана… — представил Шейлу Горкалов.

Скляр тут же расслабился, словно для него более не существовало никаких вопросов. Дочь Дейвида Нормана — этим сказано все…

Последним, кто прибыл к назначенному сроку, оказался сухощавый жилистый старик в черном распахнутом плаще, вошедший в кафе, резко распахнув дверь, так, что колокольчик жалобно звякнул, прижатый к стене.

Не отпуская двери, он обвел зал цепким взглядом и, только разглядев расположившуюся в дальнем углу четверку, милостиво отпустил дверь, позволив ей захлопнуться, а колокольчику — опять сдавленно звякнуть, но на этот раз — тихо и испуганно…

Немногочисленные посетители кафе уже перестали удивляться прибытию странных личностей, группировавшихся за одним столиком, но некоторые из них, как заметил Горкалов, стали доставать свои кредитные карточки, явно намереваясь расплатиться и уйти, от греха подальше…

Что ж, с их стороны такое поведение было разумным, тем более, что компания действительно подбиралась странная — четверо бывших офицеров, чьи повадки не смогло убить время, и юная особа, облик которой слишком резко диссонировал с внешним видом остальных собравшихся.

Майор Шерман выглядел наиболее состарившимся. Время основательно потрудилось над его внешностью, но характер Хью, судя по всему, мало изменился с той поры, когда Горкалов в последний раз виделся со своим бывшим ведомым.

Шерман подошел к столику, пожал руку Горкалову, затем обменялся рукопожатием со Скляром и Лерватовым. Взглянув на Шейлу, он внезапно широко улыбнулся, показав ослепительно белые, явно искусственные зубы.

— Надо полагать, мисс Норман? — безошибочно угадал он, пытливо глядя ей в глаза.

Шейла не смутилась, не отвела взгляд, она грустно улыбнулась в ответ и протянула руку, но так, что этот жест предполагал не крепкое мужское рукопожатие, а…

Шерман коснулся губами тыльной стороны ее запястья.

«Нет, прав был Джон, я все-таки, наверное, спятил…» — подумалось Горкалову, пока он наблюдал эту сцену.

Поднявшись, он подошел к соседнему столику, взял еще одно пластиковое кресло и вернулся.

— Будет кто-то еще? — посмотрев на часы, спросил Лерватов.

Илья Андреевич кивнул и пояснил:

— Будет, но не из наших. Подойдет чуть позже. Он не имеет отношения к основному вопросу.

— Ясно. — Дмитрий обернулся, жестом подозвав официанта, который некоторое время томился поодаль, решая, стоит ли подходить с странному сборищу или ну их, пусть сидят себе?

— Всем кофе? — Лерватов вопросительно взглянул на Шейлу.

Она кивнула, словно решение зависело исключительно от нее.

Впрочем, никто не возражал.

Горкалов достал ноутбук, включил его, развернув так, чтобы все видели монитор.

Скляр было нахмурился, оглядываясь по сторонам, но соседние столики были пусты, а издали вряд ли удалось бы разглядеть изображение на дисплее.

Картинка на экране переносного компьютера оставалась статичной, пока официант не принес заказанный кофе и, расставив чашки, не удалился.

— Итак… — Шерман откинулся на спинку жесткого пластикового кресла. — Рад видеть всех, но кто именно автор электронного письма?

— Я, — лаконично ответил Горкалов.

— Сколько ты отправлял? — внезапно поинтересовался Скляр.

— Сорок семь, — сознался Илья Андреевич.

Несколько секунд Скляр молчал, потом тряхнул головой, будто отгоняя давно сидевшую в мозгу, назойливую мысль, и продолжил:

— Я получил условный код, который еще ни разу не использовался за всю известную мне историю. Ты ничего не спутал, Илья?

— Нет. — Горкалов тут же вспомнил свой разговор с Шефордом. — Я бы очень хотел, чтобы в мои выкладки вкралась ошибка, но…

— Короче, полномасштабное вторжение?

— Да. — Горкалов протянул руку, коснувшись сенсора на панели ноутбука. — Боюсь, что события последних суток добавят в эту формулировку еще одну фразу.

— Какую? — подался вперед Шерман.

— Я получил данные об использовании запрещенной элианскими конвенциями боевой робототехники, — ответил Горкалов. — Все очень серьезно, на мой взгляд. Я готов изложить известные мне факты, но прошу:

сначала смотрим, слушаем, а уже потом обсуждаем. Договорились?

Все поочередно кивнули, включая и Шейлу. У Горкалова не хватило духу извиниться и попросить уйти дочь Дейвида Нормана.

Картинка на дисплее потеряла статичность, и звезды медленно поплыли навстречу пятерым наблюдателям.

Пять миллионов километров от орбиты Элио. Глубокий космос…

Странный корабль «всплывал» из пучин аномалии космоса, именуемой гиперсферой.

Его бледный фантом появился в безмолвном мраке пространства в виде расплывчатого бледного пятна, окруженного аурой более напряженного мерцания.

Переход из гиперсферы в нормальный, трехмерный континуум выглядел необычно. Во-первых, корабль поднимался очень медленно, расходуя при этом громадное количество энергии. Во-вторых, он «всплывал» в несвойственной точке — вдали от энергетически выгодных, общепринятых навигационных коридоров.

Во всех каталогах этот сектор пространства был обозначен знаком полной непригодности для каких-либо маневров, более того, рядом с отметкой пяти миллионов километров на звездных картах был проставлен недвусмысленный символ, сопровождаемый пояснением:

Опасность! Зона неутилизированных минных полей!

Действительно, знак на навигационных картах не лгал: здесь, в пяти миллионах километров от бывшей столицы Конфедерации Солнц — планеты Элио, висело несколько датчиков чужого присутствия. Ощерившиеся антеннами пятиметровые сферы являлись отголоском давно минувших войн, но тем не менее они работали по сей день.

Пространственные минные поля, прикрывавшие планету в далеком прошлом, были сейчас дезактивированы, но по-прежнему представляли серьезную опасность для навигации — болтающиеся в космосе полуметровые октаэдры, пусть и с мертвыми электронными внутренностями, могли простым динамическим ударом повредить обшивку корабля, вздумавшего двигаться сквозь их скопления.

Тем не менее исполинских размеров призрак продолжал неуклонно подниматься в трехмерный континуум именно в данной точке. Его бледный фантом постепенно набирал физический объем, но все происходило

настолько медленно, что датчики чужого присутствия, настроенные на определенный порог чувствительности, не реагировали на переход, по-прежнему статично болтаясь в пространстве.

Наконец космический корабль, представлявший собой темную, клиновидную массу, длиной в несколько километров, полностью материализовался в реальном космосе, и фактически одновременно с тем, как погасло сопровождавшее гиперпереход мерцание, в его носовой части пришли в беззвучное движение пятиметровые округлые диафрагмы стартовых электромагнитных катапульт.

Чудовищных размеров люки внезапно раскололись на множество клиновидных сегментов, которые втянулись в обшивку, открывая черные зевы стартовых стволов, откуда выметнуло мутные облачка газа, и вслед за ними в космос выскользнули пять горбоносых космических истребителей.

Один из датчиков чужого присутствия, расположенный ближе других к выпустившему истребители крейсеру, начал было разворачиваться, но его куцые электронные мозги не успели точно сориентироваться на источник гравитационного возмущения — головной истребитель озарился короткой, режущей глаз вспышкой лазерного разряда, и пятиметровая сфера превратилась в облачко зыбкого тумана, состоящего из мельчайших капелек расплавившегося и тут же застывшего в вакууме металла.

Спустя минуту такая же участь постигла остальные сигнальные устройства.

Звено истребителей развернулось в сторону пространственного минного поля, и вспышки лазеров засверкали часто и отчетливо — это малые корабли очищали проход для выпустившего их крейсера.

Исполин к этому моменту уже полностью завершил гиперпространственный переход и теперь неподвижно висел в космосе — страшный, темный, без единого навигационного или габаритного огня, безмолвный, словно призрак.

Если бы кто-то мог сейчас проникнуть взглядом в данный участок пространства, где происходило это молчаливое, странное действо, то по форме темного клиновидного корпуса такой наблюдать безусловно узнал бы человеческий крейсер времен Конфедерации Солнц.

Оставалось понять, кто и зачем привел сюда этого страшного выходца из недалекого прошлого?

* * *

Когда Горкалов закончил излагать исторические факты, за столом повисла напряженная тишина.

— Ты к кому-нибудь обращался с этим, Илья? — наконец спросил Лерватов.

— Я встречался вчера с Джоном Шефордом.

— И что тебе ответил господин генерал? — саркастически хмыкнув, спросил Скляр.

— Он психанул и послал меня к черту, обозвав старым маразматиком, — ответил Горкалов.

— Не понял? — нахмурился Иван.

— Да я сам поначалу не понял Шефорда. — Илья вставил в компьютер новый кристаллодиск с информацией. — Особенно когда он внезапно запсиховал на середине моей лекции. — Горкалов щелкнул приводом, и на мониторе возникло серо-зеленое изображение транспортного корабля класса «Элизабет-Сигма». — Смотрите сюда. — Он указал на пульсирующий маркер, — съемка велась вчера ночью, через объемный сканер. Транспорт принадлежит Министерству обороны Элио. Груз — сельскохозяйственные машины. Порт назначения — Сфера Дайсона. Официальный заказчик — некая неизвестная мне фирма, зарегистрированная в свободной экономической зоне Сферы. Общая сумма предоплаты конкретного рейса — сто пятьдесят миллионов кредитов.

Шерман сокрушенно покачал головой.

Названная цифра предоплаты была слишком велика — ни один образчик сельскохозяйственной техники не стоил таких бешеных денег, не говоря уже о том, что Министерство обороны никогда не выпускало аграрные машины.

— Что там на самом деле, Илья, не томи…

Горкалов кивнул, переключая мутно-зеленое схематичное изображение. На борту «Элизабет-Сигмы» в специально оборудованных ангарах возвышались четыре исполинских контейнера. На них четко виднелась та же самая маркировка, обозначающая, что внутри находятся аграрные роботы, только теперь к этому знаку были добавлены еще два, указывающие на радиационную и химическую опасность груза.

Несмотря на растущее напряжение, Горкалов не спешил со следующим шагом сканирования.

— Как вы все помните, главным аргументом сторонников роспуска Конфедерации Солнц двадцать лет назад было не только недовольство консервативной экономической политикой правительства, но и реальное отсутствие внешней угрозы. Нам ставили в вину, что космический флот Совета Безопасности исчерпал свои функции вместе с окончанием Второй галактической войны и теперь превратился в полицейскую дубинку на

службе узкого круга лиц. Руководство Конфедерации согласилось признать суверенитет колоний Окраины и распустить флот, но при одном условии: одновременно с роспуском Военно-космических сил Союза должна была пройти полная утилизация всех шагающих боевых машин и ликвидация технологической базы их производства.

Все, включая и Шейлу, согласно кивнули, подтверждая, что помнят эти условия.

Илья коснулся сенсора, и на дисплее ноутбука возник контур зашвартованного внутри контейнера боевого робота класса «Фалангер».

— Хороший аграрий, не находите?

Скляр шепотом выругался.

— Кто возглавляет комиссию по утилизации? Не Шефорд ли?

— Он, — подтвердил его догадку Горкалов. — Я проверил доступные данные и выяснил, что с теми роботами, которые продолжают поступать на Элио, согласно межпланетным договоренностям, происходит буквально следующее: с машин на базах РТВ[7] демонтируются боевые компьютеры, на носителях которых инсталлированы программы «Одиночка». Также с машин снимают все вооружение, причем эти два процесса неоднократно освещались в прессе. Шумиха поднята приличная.

— А дальше? Я же видела, как их режут на металлолом! — не удержавшись, вставила реплику Шейла.

— К сожалению, только часть машин. Думаю, что менее пятидесяти процентов действительно утилизированы, а остальные Шефорд и иже с ним поставляют в Сферу Дайсона.

Лерватов поморщился, словно от приступа зубной боли:

— Слышал я лет пять назад подобную песню: мол, машины со снятыми боевыми программами не представляют опасности, а ресурс их реакторов и кинематики далеко не исчерпан и чем хоронить их, вбивая бешеные деньги в утилизацию реакторов, надо подойти к проблеме с умом и использовать обезвреженные машины в мирных целях…

— Вот Шефорд и использует их, только молча, не забывая про свой карман, — ответил ему Горкалов. — Картина вырисовывается следующая, если принять на веру шифровку, полученную с Воргейза… — Он досадливо отер выступившие на лбу капельки пота и закончил свою мысль:

— Пока в течение полувека чуждая раса проводила эксперименты на Воргейзе, мы сами поставляли наиболее страшные носители оружия в Сферу Дайсона, где имеются все условия, необходимые для подготовки полномасштабного вторжения в наши миры: огромное, неконтролируемое

никем пространство плюс порталы, о наличии которых мы в лучшем случае догадываемся, да еще Интеллект — древняя нечеловеческая машина, которую все стараются обласкать после известных событий на Луне-17…

Два миллиона километров от орбиты Элио. Зона ближнего космоса. Район станции Гиперсферной Частоты…

Клиновидный крейсер двигался в пространстве, такой же темный и безмолвный, как окружающий его космос. Опережая огромный боевой корабль, беззвучно скользило звено горбоносых космических истребителей. В их рубках, пристегнутые страховочными ремнями к противоперегрузочным креслам, сидели пилоты в странных скафандрах с вытянутыми яйцеобразными шлемами, дымчатые забрала которых не позволяли разглядеть черты лиц существ, управлявших стремительными боевыми машинами. По форме скафандра, который не имел абсолютно ничего общего с общепринятыми серийными моделями, можно было предположить все, что угодно…

Прошло еще немного времени, и звено космических истребителей плавно повернуло, ложась на боевой курс. Теперь уже не оставалось никаких сомнений — они собирались атаковать станцию Гиперсферной Частоты системы Элио.

* * *

— Слушай, Илья, а ты подозревал что-то до встречи с Шефордом? — спросил Скляр.

— Нет, — признался Горкалов. — Я просто сопоставил факты древней истории и события дня сегодняшнего. Хотел ввести Министерство обороны в курс дела, между прочим, особо не надеясь на понимание, а выходит, что попал в точку, да еще какую наболевшую. Когда Джон вдруг начал дергаться, нервничать, я еще ничего не знал о боевых машинах.

— Вот урод… — буркнул Шерман, залпом допивая остывший кофе. — Мозги у него в голове или опилки? — насупился он.

— Мозги у него на месте, не волнуйся, — произнес Лерватов. — Только вот мыслит он своими категориями.

Шерман упрямо тряхнул головой.

— А тут как ни мысли — все одно. Он ведь не дурак, должен понимать, что боевые машины, хоть и произошли от механических аграриев Дабога, но современные модели ушли уже так далеко от

прототипа, что обратный процесс стал попросту невозможен — они слишком узкоспециализированны…

— Их никто не собирается использовать на расчистке болот, — оборвал его Горкалов. — Вот посмотрите, весьма любопытный документ. — Он положил на стол распечатку. — Я тут покопался ночью в Сети, готовясь к нашей встрече.

— Что это? — спросил Скляр.

— Копия вполне заурядного договора купли-продажи. Заказчиком опять является фирма свободной экономической зоны Сферы. Заказ на две тысячи лазерных установок горнопроходческого образца, мощностью по двести пятьдесят мегаватт каждая. Вот скажи, Дима, — обернулся он к Лерватову, — если бы в современных условиях ты стал оснащать своего «Фалангера» для ведения длительных боевых действий, что ты сделал бы в первую очередь?

— Снял бы все баллистическое оружие, — для него сейчас зарядов не доищешься, — не задумываясь, ответил Лерватов. — Заводы по производству давно похерили, — пояснил он и тут же добавил:

— Да ты сам вспомни, Илья, мы же на Фрамере, когда попали в окружение, что делали? Снимали пустые ракетные установки и крепили на их место обычные лазерные комплексы, — милое дело, не надо ни боезапаса, ни обслуживания, пока тянет реактор — живешь, как царь, разве что жарковато в рубке…

— Вот и я про то же. Какие в Сфере горнопроходческие работы? Что там добывать, если весь этот мир — искусственное сооружение? — невесело констатировал Горкалов. — Дырки в нем жечь — себе дороже. Значит, и лазерные установки закупались не для этого.

После последней фразы Горкалова разговор утих, наступила тишина. Каждый из собравшихся за столом был отличным специалистом по кинематике и энергосистемам боевых шагающих машин и оттого с особой ясностью представлял, что могут натворить эти самые «аграрии», оснащенные энергетическим оружием.

Это был уже не край пропасти — Человечество вдруг оказалось за этим краем и, судя по всему, несколько лет, как рушилось в бездну, само не подозревая о надвигающихся событиях.

— В общем так… — Горкалов положил ладонь на пачку листов, которые просмотрел Скляр. — Поначалу, отправляя сообщения, я хотел поставить вопрос о проверке Воргейза, но теперь это отодвинулось на второй план. Первоочередным вопросом становятся боевые машины. Думаю, что нечего уповать на господа, нужно самим попасть в Сферу и

разузнать все на месте. Если я увижу там хотя бы одного «Фалангера» или «Хоплита», корчующего деревья или копающего мелиоративные канавы, то я вернусь сюда, приду к Джону Шефорду и попрошу у него прощения за собственную упрямую тупость.

— А мисс Норман? — спросил Хьюго. Илья Андреевич посмотрел на Шейлу.

— Кто-то должен остаться тут, на Элио, и следить за событиями, одновременно являясь гарантом того, что наша внезапная гибель не погубит всю известную на сегодняшний день информацию. Согласна стать нашим ангелом-хранителем? — попытался улыбнуться он.

Шейла молча кивнула, понимая, что спорить сейчас бессмысленно.

— Тогда последний вопрос. — Скляр взглянул на Горкалова. — Как туда добираться?

— Этот вопрос уже решен, — ответил Илья. — Попасть в Сферу можно двумя путями — либо официально эмигрировав туда, либо воспользовавшись услугами немногочисленных контрабандистов, осуществляющих рейсы к нелегальным поселениям Сферы, расположенным вне освоенной территории.

— А нам, по-моему, освоенная территория как раз и ни к чему, — заметил Лерватов.

— Я тоже так думаю. — Горкалов посмотрел на часы и пояснил: — Минут через десять должен подойти один парень, я разговаривал с ним накануне. Говорит, что возит нелегалов уже пять лет, если не врет, конечно.

— Условия?

— Условий два. По пять тысяч кредитов с носа и один килограмм личных вещей, других требований нет. Старт по мере набора группы. — Он обвел взглядом собравшихся и спросил:

— Ну как? Никто не передумал?

Скляр и Лерватов молча покачали головами.

Шейла посмотрела в глаза Горкалову, но от комментариев воздержалась.

Шерман молчал дольше других, видимо, что-то прикидывая в уме, потом поднял голову и сказал:

— Блин, ну и каша заваривается… Я вот все думаю, успеем мы навестить Джона или нет?

— Об этом забудь, — строго приказал Илья. — Шефорд от нас никуда не денется. К тому же он — не более чем пешка в этой игре. — Горкалов посмотрел на Хьюго и переспросил:

— Так я не понял, ты летишь?

— Да лететь-то я лечу, вот только скажи, Илья, почему он вырос в такую суку? Ведь с одной плошки когда-то жрали…

— Остынь, — поддержал Горкалова Скляр. — Шефорд свое получит. Не суди, майор, и не судим будешь. Мы за себя ответим, а он за себя, дай срок…

Не знали они в тот час, что срок уже слишком близок…

Глава 5

Серийные модели боевых роботов после окончания Первой галактической войны окончательно утвердились в трех основных видах: базовые конструкции шасси подразделялись по своему тоннажу и получили соответственно три наименования: «Фалангер», «Хоплит» и «Ворон».

Самой тяжелой и грозной шагающей машиной являлся «Фалангер». Он весил шестьдесят тонн и нес на борту ракетное вооружение повышенной дальности…

Планета Элио. Район бывшей военной базы космического патруля Конфедерации Солнц. Десять часов вечера…

Они вышли из кафе последними.

Шейла Норман была под стать своему отцу — такая же упрямая, решительная, — Горкалов ощущал это всем существом, но в его душе продолжало зреть строгое и непреклонное — «нет».

Остановившись в сумеречной тиши аллеи, которая тянулась от ярко освещенного входа в кафе в глубь старого, мрачноватого в это ненастное время года парка, они несколько минут молчали, думая каждый о своем, и в то же время, наверное, об одном и том же…

Илья откровенно боялся, что она сейчас начнет вновь уговаривать его, приводя какие-то аргументы в пользу своей состоятельности, как полноценного участника рискованной экспедиции в Сферу Дайсона, необходимость которой только что убедительно обосновал Горкалов, но нет — девушка стояла, глубоко затягиваясь сигаретой, и влажный ветер ерошил ее короткие волосы, явно подстриженные так из-за громоздкого виртуального шлема, который, по всей видимости, частенько скрывал под собой эти юные, милые черты.

Начал накрапывать мелкий дождь. Дальнейшее молчание становилось невыносимым, и Илья Андреевич, желая сломать эту напряженную тишину, спросил:

— Ты на машине?

Она отрицательно покачала головой.

— Отдала в ремонт на днях. Тут рядом станция пневмопоезда.

Он отрицательно покачал головой и вдруг отеческим жестом обнял ее за плечи, ощутив, как Шейла напряжена, как вздрогнула всем телом от его

прикосновения…

— Давай-ка я тебя подвезу, — предложил он. — А по дороге обсудим наши проблемы, ладно?

Шейла согласно кивнула, и они пошли к решетчатым воротам, подле которых на парковочной площадке стояла машина Горкалова.

— Почему вы отказываетесь взять меня с собой? — с плохо скрытой дрожью обиды в голосе наконец спросила она.

Горкалов нахмурился.

Он знал ответ на заданный вопрос, но внутреннее понимание не всегда можно облечь в гладкие формулировки. Он чувствовал себя в этот момент, как та собака, которая все понимает, вот только сказать не может…

Действительно, как объяснить ей то, что пережито самим? Как убедительно доказать, что война — это жернова, которые сначала перемалывают душу, а уж затем добираются до плоти. И слишком часто выжившие начинают впоследствии завидовать павшим, хотя никто не признает такого состояния вслух. Ему захотелось сказать ей: девочка, если я возьму тебя с собой и вдруг оправдается самое худшее, о чем я говорил, сидя за столиком в кафе, то ты никогда уже не будешь прежней, не наденешь это пальто, — ты просто не сможешь носить белый цвет и станешь одеваться, как Шерман, потому что на черном не видна кровь, которая навек пропитает твою душу, изменит сознание, ты потеряешь почву под ногами, как теряли ее мы в своих первых *реальных* боях. Но у нас была Конфедерация, мы верили в символы, а во что поверишь ты, где найдешь новую точку опоры для своего пошатнувшегося разума, когда само понятие *Человечество* сейчас рассыпалось на отдельные, утратившие смысл и общность буквы, каждая из которых являет собой лишь обозначение звука, не несущего общего смысла?..

Он ничего не сказал, лишь подумал об этом.

Отчетливо щелкнули электрозамки его «Гранд-Элиота», услужливо распахнулись две передние дверки, мягко осветился уютный, пропитанный запахом искусственной кожи салон.

Глядя, как Шейла садится в машину, Горкалов вдруг ощутил душевную боль и с убийственной ясностью осознал, что все же, несмотря на свою осволочевшую натуру, Джон Шефорд, сам того не подозревая, оказался прав в одном, невольно или, быть может, намеренно ударив, как опытный садист, в самую потаенную, болевую точку души — Горкалову было пятьдесят пять, жизнь рикошетом ушла на излет, и все, что могло в ней быть, проскользнуло мимо, канув в последнем, пустом двадцатилетии.

Кем он был на самом деле? Отставным полковником, которому никто

не слал писем, никто не звонил, — осколок прошлого, пропустивший из-за собственной обиды и недоумения самое главное — невосполнимый кусок собственной жизни. И вот теперь, словно очнувшись от летаргического сна, он вновь пытался войти в ту воду, которая уже унеслась: он снова возвращался в строй, и в его машину садилась молодая привлекательная женщина…

Хлопок двери отсек морось дождя, а вместе с ним и эти неинтересные и ненужные никому мысли.

С тихим шелестом заработал водородный двигатель, мягко осветились шкалы приборов, из автоматически включившегося кристаллопроектора чарующей, тревожащей мелодией полилась тихая музыка.

«Гранд-Элиот» неожиданно резко ушел с паркинга, так что ведущие колеса взяли рывок с короткой пробуксовкой.

Шейла вопросительно посмотрела на Горкалова, но опять промолчала, и эта ее сдержанность так остро напомнила Нормана, что Илья на миг подумал: «а может, она права, и это я уже впадаю в маразм, заслоняя дорогу тем, кто идет вслед, кто, несмотря на молодость, сумел поверить в общечеловеческие ценности и готов бороться за них?»

— Где ты живешь? — спросил он, сбрасывая скорость и плавно вписывая машину в закругление дорожной развязки, словно извиняясь этим аккуратным маневром за свой рывок с паркинга.

— Северный сектор, тридцать пятый уровень, седьмая параллель, — лаконично ответила Шейла, которая так и не дождалась от него вразумительного ответа на заданный ранее вопрос.

Горкалов кивнул. Исполинский мегаполис, выросший на месте исторической посадки колониального транспорта «Кривич», условно делился на секторы и уровни. Бесчисленные названия улиц, направления которых дублировали друг друга на разных высотах вздымавшегося к облакам города, давно утратили значение и смысл и все чаще подменялись термином «параллель» с добавлением ее номера.

— Чем ты занимаешься, Шейла? — спросил он. — Работаешь где-нибудь?

Она кивнула, глядя на проносящиеся мимо текучие городские огни.

— Первый пилот на суборбитальном челноке, — ответила девушка.

Бровь Горкалова удивленно взметнулась.

Вот даже как? Значит, ее короткая стрижка — это дань не виртуальным симуляторам, а настоящему гермошлему скафандра?.. Он задумался, машинально управляя машиной.

Быть пилотом суборбитального челнока — занятие не из легких. Сам

термин говорил о том, что такой тип кораблей стартует непосредственно с поверхности планеты и выходит много выше орбит околопланетного пространства, в точки гиперсферного «всплытия» межзвездных транспортов. Пилот челнока при этом испытывает весь букет ощущений от стартовых перегрузок, которые неизбежно наступают в тот период, пока корабль выдирается из цепких объятий поля тяготения родной планеты, до сложных маневров в околопланетном пространстве, набитом разного рода конструкциями. Подобные полеты и связанные с ними навыки сродни ощущениям и опыту пилота космического истребителя…

Мысли Горкалова, равно как и плавное движение «Гранд-Элиота» по скоростной магистрали, были нарушены внезапной бледной вспышкой далекого света.

Он машинально притормозил, Шейла, напряженно молчавшая, тоже вскинула голову, обернувшись в том направлении, откуда пришел отсвет; оба недоумевали, но обменяться взглядом или какой-то репликой попросту не успели — в районе северной окраины города опять что-то сверкнуло, теперь уже отчетливее, резче, и сквозь звукоизоляцию салона внезапно прорвался далекий басовитый отголосок мощного взрыва, произошедшего где-то в районе центрального космопорта Элио.

* * *

События, отголосок которых заставил затормозить Горкалова, начались несколькими часами ранее, у высоких планетных орбит Элио.

Атака неизвестного крейсера, нацеленная на оборонительные орбитальные конструкции, была стремительной и беспощадной.

Первой ей подверглась станция Гиперсферной Частоты — сооружение неприкосновенное, защищенное негласным табу, которое признавалось даже самыми отпетыми отморозками из числа преступивших галактические законы людей.

Никто не ожидал атаки. Все выглядело спокойно, даже штатно — объект, появившийся на радарах станции, передал опознавательные коды, совсем недавно присвоенные грузовым транспортам соответственного тоннажа, а что касается звена «Фантомов», которое неслось перед ним, то горбоносые машины полностью оправдали свое жутковатое название: они появились на экранах станции, как призраки, — радары молчали до последнего рокового мига, когда звено оказалось в зоне действия обычной оптики.

Никто не успел толком понять, что происходит. Эфир нес жуткое, гробовое молчание — корабль, передавший коды транспорта, еще не

появился на экранах и хранил полную радиотишину, оставаясь лишь немой точкой на дисплеях. Автоматика станции ГЧ попыталась было воззвать к нему, в тщетной попытке выяснить происхождение и принадлежность возникших на экранах «Фантомов», но все было напрасно. События развивались слишком быстро, подчиняясь беспощадной логике заранее продуманного плана: головной истребитель звена уже вышел на прямую атаки, и его корпус вдруг исторг два ослепительных лазерных луча, которые впились в обшивку станции ГЧ, вскрывая ее, как нож…

Немногочисленный технический персонал станции, ожидавший от появившегося корабля чего угодно, но только не такой яростной, презирающей все законы атаки, был мгновенно парализован — пять «Фантомов» прожгли обшивку станции, и внутри исполинского сооружения тут же сработали системы защиты, рассекая гигантскую сферу на множество изолированных друг от друга аварийных сегментов.

Следующей акцией бесноватого звена космических истребителей была атака на приемопередающие устройства.

Лазерные лучи срезали целые гроздья антенн, и те лениво и словно бы нехотя отделялись от обшивки.

Связь на гиперсферных частотах была парализована полностью, менее чем за минуту.

Людям, замурованным в аварийных отсеках, было жутко смотреть, как уплывают в космос отсеченные от станции элементы конструкций, но еще страшнее стало в тот миг, когда видеодатчики показали медленно растущий, укрупняющийся в деталях «транспорт».

Им оказался боевой крейсер класса «Светоч».

На его борту, среди надстроек и вакуумных орудийных портов, еще читалось нанесенное световозвращающим составом название корабля: «Орфей».

Разрушив станцию Гиперсферной Частоты, звено «Фантомов» тут же перенацелилось на орбитальные станции, прикрывающие планету.

Через несколько минут крейсер проплыл мимо разлетающихся в пространстве обломков станции ГЧ, и его стартовая катапульта дважды сработала, выбросив в околопланетное пространство два штурмовых носителя класса «Нибелунг».

Эти тяжелые спускаемые модули специализировались на транспортировке шагающих боевых машин. Каждый из «Нибелунгов» нес в своих ангарах по пять исполинов класса «Фалангер».

* * *

Ни слова не говоря, Горкалов юзом развернул машину на ближайшей транспортной развязке. Лицо Ильи побледнело, резко обозначились скулы, словно в этот миг он потерял привычный самоконтроль и неумолимые годы исказили его облик складками внезапно обозначившихся морщин…

Шейла взвизгнула, машинально вцепившись в ремень безопасности, который больно впился в грудь на развороте.

Вдали опять полыхнула бледная зарница.

Она еще не успела осознать истинной причины происходящего: прошло всего секунд двадцать с того момента, как сверкнула первая вспышка и раздался басовитый отзвук далекого взрыва, а Илья Андреевич уже вывел элегантный скоростной «Гранд-Элиот» на новый уровень транспортных артерий, ведущих в направлении космопорта. Цифры на спидометре мелькали, как бешеные, словно Горкалов не вел машину, а разгонял истребитель на взлетно-посадочной полосе…

— Пристегнись, — коротко бросил он Шейле, не замечая, что она сделала это еще на площадке перед парком.

— Уже… — пересилив растущую дрожь, ответила она, заметив, как разительно изменилось, постарело лицо Горкалова.

Его бледные, обтянутые кожей скулы и лихорадочный блеск глаз сказали ей больше, чем можно выразить словами.

Шейла в полном смятении проследила за его взглядом.

В районе космопорта уже вовсю полыхали зарницы, чернеющие небеса внезапно прочертило несколько лазерных лучей, и внутри у Шейлы что-то похолодело, сжалось: она вдруг поняла, что означают эти яркие вспышки бесноватого огня и сопровождающий их отрывистый грохот, в отдельные моменты сливающийся в сплошной гул и тут же рассыпающийся на отдельные тяжкие удары, от которых под колесами машины ощутимо колебалось полотно автобана.

Это был бой. Настоящий бой, который вспыхнул внезапно и разгорался с остервенелым неистовством, и где — *на Элио!*

Сам факт какое-то время не хотел укладываться в голове, но звуки и вспышки неумолимо ломали иллюзии и стереотипы… Свидетельства боя были реальны, а сидящий рядом с ней человек, которого она заочно знала уже много-много лет, оказался умнее, проницательнее, чем это вообще можно было вообразить, но разве теперь становилось от этого легче? Покосившись на Горкалова, Шейла вдруг подумала, что всего лишь *воображала* себе, будто знает Илью Андреевича.

В ее душе жил романтический образ, а в машине рядом сидел кто-то другой, не такой спокойный и уверенный, как в рассказах отца и старых

видеофайлах домашнего архива…

«Господи… Почему я в такой момент думаю о нем?»

Шейла, опомнившись, посмотрела сквозь лобовое стекло мчащегося на бешеной скорости «Гранд-Элиота» и поняла, что события в районе порта развиваются очень стремительно и вспышки уже не мельтешат в одном и том же месте — они перемещаются в глубь города, пересекая его по диагонали, явно стремясь к северной окраине, где располагалась бывшая база Космического патруля.

От мгновенного воспоминания Шейле стало дурно, и она наконец поняла то, что Горкалов предвидел буквально с первых секунд: куда именно стремятся те, кто так внезапно атаковал центральный космический порт планеты.

Она была отлично осведомлена, что за мрачная, строго охраняемая база занимает собой огромную площадь в пяти километрах от города. Там располагались консервационные склады РТВ, куда по решению Совета Безопасности Миров свозились все запрещенные к эксплуатации образчики роботизированной боевой техники, в том числе и современные представители тех страшных шагающих исполинов, технические прототипы которых были рождены в аду Первой галактической войны на опаленных ядерным огнем равнинах Дабога.

Все сказанное Горкаловым оборачивалось страшной действительностью, но это происходило настолько стремительно и однозначно, что она с обреченностью подумала: «Мы уже опоздали, и никто не сможет ничего изменить…»

Под неосознанным страхом Шейлы была реальная почва. Цивилизация наивно полагала, что самым страшным изобретенным людьми оружием являлась аннигиляционная установка «СВЕТ», но тут, как обычно, общественное мнение, не вооруженное специальными знаниями, сильно ошибалось.

«СВЕТ» действительно нес в себе мощь полного атомного распада, и после аннигиляции, являющейся по сути взаимоуничтожением антагонистических частиц вещества, не оставалось ничего, кроме вспышки излучения, которая бледным фантомным отблеском катастрофы многие годы будет лететь сквозь пространство.

После удара античастиц, синтезированных установкой «СВЕТ», не оставалось страдания и боли. Это оружие было страшным по своей уничтожительной, испепеляющей мощи, но *милосердным* — мгновенная смерть фактически не воспринимается разумом, и в представлении Шейлы, уж лучше «СВЕТ», чем боевой шагающий робот…

Двадцать пять лет назад, когда Конфедерация Солнц уже трещала по швам, но еще не развалилась, Центральные Миры готовились к вероятной войне с Окраиной. Время, на которое выпали детство и ранняя юность Шейлы Норман, было смутным и неспокойным. Обитаемая Галактика в тот период стояла буквально на грани — в период эригонского кризиса всерьез поговаривали о близком начале Третьей галактической войны, и сейчас девушка вдруг ощутила, как к ней возвращаются позабытые детские страхи… Колючий, напряженный взгляд Горкалова оттолкнул Шейлу, и она вспомнила, как маленькой девочкой пыталась вскарабкаться на колени к отцу, а он мягким, но однозначным движением ссаживал ее, напряженно вглядываясь в сферу интервизора, где передавали очередную сводку новостей… Тогда угрюмая сосредоточенность отца была непонятна, она лишь рождала в душе девочки ощущение незаслуженной обиды, и лишь теперь она отчетливо поняла — он просто осознавал суть большинства событий и боялся… Именно поэтому отец так много успел передать ей, научил управлять огромными боевыми машинами, словно в нем постоянно жило роковое предчувствие сегодняшнего мига…

…Пока эти обрывочные суматошные мысли-воспоминания метались в голове Шейлы, Горкалов, который был полностью поглощен управлением, вывел «Гранд-Элиот» на окраину города. Он уже не гнал машину к космопорту, как это могло показаться сначала, а вышел на окружную трассу и взял направление на консервационные склады РТВ.

Ильей в этот миг руководили инстинкт и опыт, и он не ошибся. Впереди опять побежали частые вспышки, и в прикрытое боковое стекло машины дохнул горячий ветер, который нес отчетливый кисловатый запах гари.

Вспышки впереди замелькали вновь.

Звук от них был звонким, лопающимся, частым и ритмичным, будто невидимый исполин, обладающий исключительным чувством ритма, молотил металлической болванкой по гулкому, пустому резервуару. Пять равномерных ударов… секунда тишины… и опять частое стаккато, от которого начинало закладывать уши…

Шейла, взгляд которой метался от серого стеклобетонного покрытия, летевшего под колеса «Гранд-Элиота», к неумолимо приближающимся вспышкам, внезапно заметила то, что она подсознательно ждала и страшилась увидеть: несколько горевших чадными кострами машин, отброшенных на обочины скоростной магистрали, будто кто-то небрежно скинул их туда, просто проходя мимо.

Дрожь, начинаясь от поясницы ползла все выше. Она мельком увидела

обугленное человеческое тело, наполовину высунувшееся из выгоревшего дотла салона дымящегося автомобиля, когда машина Горкалова, совершив немыслимый на такой скорости вираж, вписалась в узкий зазор между чадящими кострами и, не снижая скорости, понеслась дальше, к серому, проломленному в нескольких местах пятиметровому бетонному забору, окружающему базу и находящиеся на ее территории склады РТВ.

Элио. Консервационные склады робототехнического вооружения…

Главные ворота базы, в которые упиралась дорога, были выбиты залпом из автоматической пушки большого калибра. Бронированные створы просто порвало в клочья.

Шейла смотрела на них в абсолютном ступоре. Она не слышала визга тормозов «Гранд-Элиота», даже ощущения резко сброшенной скорости и впившегося в грудь ремня безопасности не могли преодолеть шок, который она испытала, глядя на *клочья* десятисантиметровой брони, раскиданные вокруг, будто обрывки серой оберточной бумаги.

Уцелевшая после залпа автоматической пушки часть ворот, вместе с направляющими полозьями, по которым должны были скользить створы, была загнута внутрь, будто тут прогулялся титан, походя согнувший лист фольги, вставший поперек дороги…

«Гранд-Элиот» несколько раз подбросило, когда он переваливался через рытвины. Шейла глянула в боковое стекло и поняла — машина только что переехала вдавленный в разогретое стеклобетонное покрытие дороги четырехпалый след ступохода шагающей боевой машины.

Она не верила, что способна испытывать что-то подобное. Ее душа вдруг сжалась в маленький, трепещущий, пульсирующий комочек, — этот ужас наглядного сравнения масштабов, соприкосновение с реальностью жутко проиллюстрировал оброненную Горкаловым фразу:

«Симулятор боевой машины и реальность имеют между собой столько же общего, как детский трехколесный велосипед и гоночный флаер…»

Нужно было увидеть этот страшный, вдавленный в стеклобетон след, через который неуклюже переваливались колеса «Гранд-Элиота», разглядеть клочья десятисантиметровой брони и загнутые внутрь останки створов въездных ворот базы, чтобы понять, что именно имел в виду Горкалов, упрямо отказывая ей в тех требованиях, на которые Шейла, как ей казалось некоторое время назад, имела полное право…

Да, она всегда была храброй девочкой, а двадцать семь — это уже далеко не юность, особенно когда жизнь не балует и приходится постоянно идти против ее течения, но…

Шейлу не отпускала дрожь.

Она уже не была уверена ни в чем, в том числе и в своей способности немедленно сесть в рубку *настоящей* шагающей машины, весом от тридцати до шестидесяти тонн…

В этот миг «Гранд-Элиот», промчавшись по широкому, прямому, как стрела, участку дороги, внезапно свернул направо и выскочил на один из многочисленных, разбросанных по всей территории базы технических паркингов. Огромная, погруженная в сумрак площадь, которую окружали ангары, казалась совершенно пустой; бой продолжался, но он шел где-то вдалеке, в районе противоположной оконечности базы, а тут…

Шейла заметила, что ворота всех ангаров открыты, затем, из-за ближайшего здания, смутно прорисовавшись на фоне серого неба и одинокого фонаря, вдруг показался контур чего-то огромного, похожего на серую, камуфлированную жабу, ростом с семиэтажный дом, и это *нечто* вдруг с оглушительным, ноющим визгом торсовых сервоприводов резко повернуло свою верхнюю часть.

Выстрел автоматической пушки «Фалангера» осветил весь паркинг, от края до края. Высоко над головой сверкнули пять вспышек и ударил звонкий грохот, от которого заглох мотор машины и лопнуло лобовое стекло «Гранд-Элиота». Шаг. Земля приняла шестьдесят тонн с тяжкой судорогой.

Шейла сидела, вся осыпанная крошкой рассыпавшегося на гранулы лобового стекла; она ничего не слышала, оглохнув от выпущенной «Фалангером» очереди, — лишь ее расширенные глаза продолжали следить за ним. Она отчетливо увидела, как повернулся вокруг своей оси барабан автоматической пушки, подставляя казенной части новый, не раскаленный стрельбой ствол, в ватной тишине коротко дернулся боевой эскалатор, перезаряжая орудие, и вниз полетела пустая обойма, размером в половину человеческого роста.

Невольный вскрик замер в горле Шейлы, когда ударило левое орудие «Фалангера».

Звенящая глухота контузии избавила ее от оглушающего рыка, лишь кожей лица она ощутила горячий ветер, дохнувший сквозь провал выбитого лобового стекла. Она резко обернулась и увидела, по кому вел огонь шестидесятитонный исполин: прислонившись к выщербленной осколками, дымящейся бетонной стене ангара метрах в двадцати позади заглохшего

«Гранд-Элиота» стоял «Хоплит».

Его яйцеобразный корпус было трудно прострелить в лоб — снаряды неизбежно уходили в рикошет, не находя перпендикулярной плоскости ни в одной точке покатых бронеплит, но «Фалангер» вел огонь не по торсу противника, он целил в поворотную платформу, и теперь разведывательный робот стоял, нелепо запрокинувшись назад, а из его развороченных внутренностей сыпали искры, валил ядовито-зеленый пар и били несколько струй охлаждающей жидкости…

Все описанное произошло так быстро, что за это время можно было лишь пару раз затянуться сигаретой, — Шейле же казалось, что минула вечность, и только взглянув на Горкалова, который молча отряхивал с себя гранулы лопнувшего лобового стекла, она поняла, что это ее внутреннее, субъективное время замедлилось почти до полной остановки сознания.

Он внезапно полез за пазуху и вытащил надетую на шею тонкую серебристую цепочку, на которой был подвешен крохотный плоский медальон.

Шейла прекрасно знала, что это такое.

Универсальный ключ доступа в рубку боевой машины, одновременно являющийся кодоном активации бортовых кибернетических систем. Такие медальоны выдавались во времена Конфедерации Солнц пилотам, занимающим соответственные должности и обладающим этим правом — сесть за рычаги управления любого шагающего робота.

Она понимала, что собирается сделать Илья Андреевич, ее боковое зрение продолжало фиксировать сумеречную, почти неразличимую в ночи фигуру «Фалангера», разбитого, истекающего зловонным паром «Хоплита» и открытые створы консервацион-ных ангаров, в которых подле машин суетились какие-то тени…

Следующим движением Горкалов достал автоматический пистолет и активировал электромагнитный механизм затвора пятидесятизарядной «гюрзы»…

Она заметила, что его руки не дрожат, лишь в побледневшем лице не было ни кровинки.

Шейла всегда была храброй девочкой, но сейчас ей было так страшно, что пальцы не гнулись, казались чужими и непослушными…

Он повернулся, увидев, что она, едва осознавая собственный жест, полезла за пазуху, вытаскивая тонкую цепочку с точно таким же медальоном, принадлежавшим ее отцу, капитану Дейвиду Норману.

Тень изумления в его глазах мелькнула и исчезла.

Грань невозвращения уже была пройдена ими обоими, — судьба в

который раз распорядилась по-своему, и хотя Горкалов видел страх девушки, понимал ее дрожь, но теперь он был вынужден оставить за Шейлой право на осознанное, самостоятельное решение.

Она повернула голову, встретилась с ним взглядом.

Слова не имели смысла. Он смотрел в ее глаза лишь долю секунды, затем, резко открыв дверцу машины, вылез из изуродованного «Гранд-Элиота», зная, что «Фалангер» слишком велик для охоты на людей.

Дверь со стороны Шейлы заклинило, и она торопливо полезла через водительское сиденье.

Илья не произнес ни слова, лишь жестом указал на раздвинутые створы ближайших ангаров, в которых возвышались смутные контуры. В правом «Фалангер», в левом «Ворон» — достаточно редкая модель сорокапятитонной машины среднего класса.

Мелкие смутные фигурки продолжали суетиться подле них; отсюда было невозможно различить, кто там и что делает подле ферм обслуживания боевых машин, но Горкалов уже, видимо, решил для себя все дилеммы и молча указал Шейле — твой «Ворон», я на «Фалангере», идем с боем, коды свой-чужой по ходу активации.

Язык немых жестов, бытовавший в среде пилотов Конфедерации, был известен ей так же хорошо, как родной элианский.

Илья поднял «гюрзу» и, повернув пистолет ребром, чтобы мизерная отдача от стрельбы вела оружие не вверх, а вбок, молча шагнул в сумрак, одновременно открыв огонь.

В звенящей тишине это было похоже на бред. Он шел и стрелял, не останавливаясь, не прекращая огня, словно сам был машиной, а его нервы состояли из стальных струн, не озираясь, не дергаясь, не сворачивая, пока не вошел в тускло освещенный ангар с установленным на обслуживающей плите «Вороном».

Из рукоятки «гюрзы» вылетела пустая обойма, и Шейла, которая, инстинктивно пригибаясь, двигалась следом за Горкаловым, вдруг услышала, как звонко клацнул о рифленую металлическую плиту отстрелянный магазин.

К ней снова возвращался слух, а вместе с ним и ужас.

В сумраке ангара она споткнулась обо что-то шуршащее, мягкое и безвольное. Вспомнив про крошечный фонарик, пристегнутый к брелоку для ключей, она посветила им себе под ноги и невольно отшатнулась.

На обагренной розовой кровью металлической плите лежал инсект.

Эти существа были известны Шейле по многочисленным выпускам галактических новостей, но воочию она столкнулась с ними впервые.

Этот напоминал материализовавшийся кошмар перебравшего энтомолога. Хитиновый панцирь мертвого насекомого, заляпанный розовой сукровицей, влажно и неприятно поблескивал в дрожащем свете маломощного фонарика. Сегментированное брюхо казалось белесым, остальные покровы варьировались по окрасу от темно-коричневого хитина на спине до грязного, болотно-зеленого, покрывавшего хрупкие на вид конечности, которые смотрелись, словно уродливая пародия на строение человеческого тела. И руки, и ноги инсектов казались просто приклеенными по бокам заостренного книзу туловища.

Из-за шока, вызванного инстинктивным ужасом и отвращением, Шейла волей или неволей смогла внимательно разглядеть насекомоподобное существо. Она стояла и смотрела вниз, себе под ноги, на застреленного инсекта, не ощущая ничего вокруг, словно эта чуждая форма жизни сумела заполнить собой все ее сознание.

Его голова, лишенная шеи, казалась торчащей прямо из плеч, большие фасетчатые глаза, смещенные ближе к ушным отверстиям, выглядели тусклыми и ненатуральными, будто стеклянными, дыхательные щели, занимавшие центр «лица», располагались елочкой, создавая жуткую, вдавленную имитацию носа, из-под которого резко выступали роговые челюсти, способные обкусывать и мелко измельчать как растительную, так и животную пищу…

…Рука Горкалова легла на плечо Шейлы, заставив ее вздрогнуть и отскочить в сторону.

Он не отпустил ее, а молча встряхнул, повернув лицом к себе, так что она ощутила на щеке его теплое, прерывистое дыхание. Рука Ильи Андреевича оказалась неожиданно сильной, а пальцы показались ей просто железными.

— Нет времени на медленные танцы, — произнес он, ногой перевернув труп инсекта. — Видишь?

Она кивнула, с трудом сдерживая подкатившую к горлу рефлекторную тошноту.

— Это вторжение.

За открытыми створами консервационного ангара внезапно раздался ноющий звук сервомоторов — это «Фалангер», торс которого по-прежнему возвышался над боксами, повернулся в другую сторону.

Больше не нужно было слов, эмоции и так перехлестывали разум. Она понимала, что произошло.

Горкалов был прав. Цивилизацию продали.

Дрожащие пальцы Шейлы нашли медальон и сжали его.

— Я смогу заменить отца… — едва слышно прошептала она.

* * *

Первое, что ощутила Шейла, протиснувшись сквозь люк в рубку «Ворона», было полумистическое чувство внезапно материализовавшегося сна, но не желанного, а кошмарного…

Кодон активации бортовой кибернетической системы, казалось, жжет вспотевшую от напряжения ладонь.

Она вылезла из люка позади специального ложемента — сложной системы датчиков и приводов, центром которой являлось катапультируемое в случае критических повреждений кресло пилота, обошла этот комплекс, боком протиснувшись в узкий зазор между ложементом и обступающими его со всех сторон приборными панелями, села на самый краешек кресла, словно была маленькой девочкой, тайком от родителей пробравшейся в некую запретную зону, нашла глазами крохотное окошко сканера и, решившись наконец, протянула руку, коснувшись теплым медальоном сканирующей пластины.

Что-то тихо, но отчетливо щелкнуло, потом в недрах компьютерных консолей вкрадчиво зашелестели охлаждающие вентиляторы включившихся сопроцессоров, и мягкий, но явно мужской голос вдруг произнес:

— «Код активации принят, пилот. Полномочия доступа подтверждены». — Шейла вдруг осознала, что ее нервы готовы вот-вот лопнуть.

Она попыталась мысленно успокоить себя, порывистым движением уселась глубже в кресло, и внезапно весь чуткий, неимоверно сложный механизм пилот-ложемента задвигался, пытаясь прильнуть к ее телу, приноровиться к нему, обнять, почувствовать…

— «Внимание, обнаружена неудовлетворительная форма одежды», — доверчиво сообщил голос. — «Система не может обнаружить стандартный нейросенсорный костюм».

Шейла никак не могла отделаться от мысли, что спит и видит сон…

Она рывком поднялась, покосившись на себя: какой, к дьяволам Элио, нейросенсорный костюм? Она ведь была в своем белоснежном пальто, на котором теперь виднелись рыжие пятна и несколько черных полос, вероятно, от сажи или какой-то смазки…

Откуда здесь взяться нейросенсорному костюму?

Шейла видела лишь один выход: она расстегнула магнитные липучки и сбросила пальто. Машинально свернув его, подкладкой наружу, поискала

глазами место куда бы положить дорогую вещь, потом, словно очнувшись, торопливо сунула его в зазор за пилот-ложементом и снова опустилась в кресло.

Оно опять обняло ее, тонко взвизгнули приводы, что-то приподнялось, изменился угол наклона, спинка немного откинулась, подголовник мягко коснулся затылка и кольнул в шею активировавшимися иглами контактов.

— «Имплант, пожалуйста…»

Его звали «Алон».[8] Пилоты обращались к системе более ласково — каждый придумывал этому голосу и ассоциировавшейся с ним машине свое сокровенное имя…

Какая услужливая память. На симуляторе она все делала сама, вручную, не прибегая к услугам систем псевдоинтеллекта.

Вот где крылась роковая ловушка…

Сорок пять тонн металла, пластика, брони, электроники, оружия — все это не имело ни грамма общности с миром фантомов, — многотонные приводы и механизмы исполинской машины обняли ее, вошли в разум и плоть, соединившись с нервной системой пилота, как только черный шнур оптико-волоконного интерфейса с характерным влажным щелчком вошел в гнездо импланта, который вживлялся в область правого виска каждому человеку еще в роддоме…

…Если бы Шейла знала историю так глубоко, как некоторые, помешанные на технике прошлого исследователи, то она бы очень удивилась тому факту, что первые прототипы подобных дубль-систем, то есть связок человек — машина, возникли на Земле очень давно, в ту эпоху, когда само понятие «космос» еще только искало свое место в разумах миллиардов людей.

На изломе двух тысячелетий, в неимоверно далеком для Шейлы конце двадцатого и начале двадцать первого столетий, кто-то из русских конструкторов, разрабатывая боевые системы управления вертолетами и истребителями, убедительно доказал, что человеческая психика ориентирована на голос, и создал на этой базе удивительно эффективную для своего времени систему, которая в среде пилотов получила женское имя «Наташа».

Этот человек, или, скорее всего, группа людей, даже не подозревали, каким окажется будущее их трудного ребенка.

«ALONE» являлся далеким праправнуком той системы, что стояла на первых серийных моделях российских истребителей «СУ» и ввергала в дрожь пилотов противника одним упоминанием о себе.

Неимоверно более сложный, соединенный не просто с психикой пилота, а непосредственно с его центральной нервной системой, программный пакет «Одиночка» давал невероятные возможности для гибкого управления, для *обратной связи с машиной*, но только при одном условии — с ним нужно было сжиться, поверить в него, полюбить, а вот на это у Шейлы уже не было времени.

Пока в ее голове метались подобные мысли, а разум с упоением и страхом впитывал ошеломляющее чувство слияния с корпусом сорокапятитонного шагающего робота, ощущая уже не виртуальную, а *реальную* мощь пульсирующих вокруг систем, в недрах «Ворона» гулко взвыли, раскручиваясь до немыслимых оборотов, гироскопы систем стабилизации, заурчали, задвигались, проверяя собственную функциональность, сервомоторные механизмы, ровно осветился вариатор целей, из-за подголовника поднялся привод с полушлемом и, — Шейла вздрогнула, — сам опустился на ее голову, накрыл коротко стриженные волосы своей мягкой подложкой, отгородил верхнюю часть лица прозрачным органическим бронестеклом, на котором тут же запульсировала координатная сетка компьютерного планшета.

— «Сервомоторные системы активированы», — сообщил голос. — «Реактор выведен на десять процентов мощности. Идет тестовая проверка цепей управления. Боекомплект загружается».

Шейла уже знала это. Она чувствовала, как вибрирует механизм боевого эскалатора, подавая лотки с ракетами к пусковым установкам, спаренное крупнокалиберное орудие, которое пилоты по старой привычке именовали не иначе, как «ЗУшка»,[9] повернулось в одну сторону, затем в другую, проверяя свой механизм точной наводки на цель.

Система «ALONE», как и ее прапрабабушка, была ориентирована на пилота. Как и «Наташу», «Одиночку» до тошноты боялись враги и любили те, кто занимал кресло пилот-ложемента.

«Ворон» оживал.

Индикатор мощности реактора уже переполз за маркер пятидесяти процентов.

Шейла, ошеломленная происходящим, даже не задумалась над дилеммой: есть ли у нее время на раскачку, на единение с машиной, на привыкание, или же придется действовать фактически вслепую, более полагаясь на интуицию, нежели на какой-то мифический профессионализм, которого, как нашла она мужество признать, у нее попросту не оказалось…

Не знала она и того, что при сложившейся ситуации ей, по тактико-

техническим характеристикам (ТТХ)[10] отпущено ровно десять минут жизни, начиная с того момента, как ее «Ворон» вступит в бой.

У каждой машины — будь то шагающий робот или архаичное чудо века двадцатого — неизменным оставалось одна, объединяющая все и вся тактико-техническая характеристика, так называемый «лимит живучести» — то есть каждый механизм машины был заранее рассчитан на определенное количество минут боя.

В случае с «Вороном», которого когда-то спроектировали и выпускали «Галактические Киберсистемы», эта часть ТТХ описывалась скупой цифрой «десять».

Десять минут полноценного боя, затем отступление, полная перезарядка артиллерийских погребов, смена бронепластин и вышедших из строя агрегатов…

У Шейлы не было времени на адаптацию.

За ее спиной не стояли группы мобильной технической поддержки.

В ее распоряжении был лишь изначальный лимит живучести «Ворона», его консервационный боекомплект и собственная безрассудная решимость, заставившая дрожащие пальцы вытащить из-за ворота одежды медальон отца.

Десять минут боя, а затем трудный для любого пилота выбор между кнопкой катапульты и правом на смерть, — только Шейла еще не подозревала о том, что ей предстоит пережить.

* * *

Люк в днище «Фалангера» был тронут коррозией.

Мозг Горкалова отметил этот факт скорее по привычке, — разве могли иметь сейчас какое-либо значение такие мелочи, как рыжий след от ржавчины на пористом материале уплотнителя, расположенного по ободу люка?

Конечно, нет.

Голова Ильи была занята совершенно иными, более конкретными и страшными проблемами.

Шейла не смогла бы понять его состояние. В течение двадцати минут, прошедших между моментом первой вспышки в районе космопорта и их появлением тут, на территории атакованной базы, он, несмотря на кажущееся самообладание, действовал, как в полусне, подчиняясь скорее очнувшемуся инстинкту воина, чем голосу разума, и вот состояние аффекта наконец начало отпускать…

Заставив «Гранд-Элиот» резко развернуться на дорожной развязке,

Илья предчувствовал исход, но до последнего момента не хотел мириться с мыслью, что оказался прав в своих подозрениях, и, только воочию увидев трупы убитых инсектов, он постепенно начал осознавать всю истинную чудовищность происходящего и сам масштаб обрушившейся на планету катастрофы…

Быть пророком в собственном отечестве, — разве сладкая это участь?

Да и не испытывал он от этой проклятой правоты никакого удовлетворения, — все обернулось слишком быстрой и страшной явью… — стремительная атака на склады РТВ и инсекты, копошившиеся в ангарах, заставили его в какой-то момент попросту запсиховать, — он не ждал, что их планы идут так далеко, а вторжение окажется столь хорошо спланированным.

Увидев первое насекомое, возившееся под днищем самой страшной из известных ему боевых машин, Илья, приученный все схватывать на лету и не питать иллюзий, наивно уповая на лучшее, мгновенно понял: эта акция готовилась долго, скрупулезно и им известно все, вплоть до кодов аварийной активации законсервированных образчиков шагающей техники.

Мозг работал быстро, лихорадочно, сопоставляя факты, делая выводы…

«Что им нужно? Неужели в Сферу продано мало роботов? Нет… Боевых шагающих машин там оказалось в избытке — это Илья знал наверняка, значит, акция нацелена на захват чего-то иного, имеющего первостепенную важность».

Ответ на заданный самому себе вопрос был для Ильи очевиден.

Целью акции мог быть только программный пакет «Одиночка». Независимая система компьютерного управления, признанная в свое время «псевдоинтеллектом», — самое страшное и наиболее безумное изобретение военных кибернетиков, которое удалялось с носителей информации боевых машин именно тут — на базе РТВ планеты Элио.

Логика еще ни разу не подводила Горкалова так близко к грани пропасти. Приходилось признать, что следующим после захвата образцов «Одиночки», и нужно сказать — закономерным шагом со стороны врага, будет атака на центр города, с целью овладения зданием генерального штаба Конфедерации Солнц.

«Какая горечь…»

Людям не нужен был компьютер, который занимал собой целый этаж омертвевшего, покинутого здания.

Один нюанс. На носителях этой машины, судьба которой до сих пор являлась темой наиболее острых дебатов в агонизирующем Совете

Безопасности Миров, содержалась информация о так называемом «Втором эшелоне» — боевом резерве Конфедерации Солнц, созданном на тот случай, если все вдруг полетит к черту и звездное сообщество по какой-то причине внезапно останется беззащитным.

Что, собственно, и происходило в данный момент.

Мысли Горкалова были предельно ясны, логичны и последовательны. В них не присутствовало ни грамма домыслов, — он не забыл, что Конфедерация умерла, но твердо знал, что система законсервированных секретных баз осталась. Илья в свое время не успел взлететь так высоко по служебной лестнице, чтобы оказаться в узком кругу посвященных — полковник внешней разведки не имел доступа к сведениям подобного уровня, но двадцать лет сосущей пустоты, раздумий долгими, одинокими вечерами, перелопачивание рассекреченных архивов открыли ему много нового и сделали из отставного полковника грамотного аналитика, способного к мгновенным безошибочным выводам.

Боевые машины, вторгшиеся на Элио под управлением ксеноморфов, означали для него много больше, чем частное вторжение на родную планету. Илья уже предсказал в общих чертах, кто и в каких масштабах рулит надвигавшейся угрозой, и теперь оставалось ответить на мысленно заданный самому себе вопрос: сколько человеческих миров подверглось одновременной атаке, уцелела ли хоть одна станция ГЧ, и вообще, останется ли от Человечества хоть что-нибудь, кроме горсти праха, если люди типа Джона Шефорда *сдали* за известное количество галактической валюты не только какие-то там коды и пакеты программ независимого поведения, а прямо всю цивилизацию, оптом?

Такой вариант развития событий нельзя было сбрасывать со счетов.

Илья никогда не делил мир на черное и белое. И сам ни разу не пытался оседлать белоснежную лошадь. Он просто многое повидал на своем веку и потому не питал иллюзий относительно известной категории людей, для кого бог — это деньги.

После развала Конфедерации Элио утратила свое былое значение, став одним из сотен человеческих миров, причем наиболее защищенным и расположенным очень далеко от Сферы, так что атака на планету могла быть оправданна лишь в одном случае — тут находилось нечто, обладающее исключительной ценностью.

Опираясь на имевшиеся данные, Илья справедливо предположил, что, кроме базы РТВ и компьютера генштаба Конфедерации Солнц, на Элио не было иных ценностей, ради которых стоило пробивать орбитальную оборону.

Шейла наивно полагала, что он спокоен, но нет, — Горкалов смотрел в глаза собственному ужасу, гораздо более худшему, чем ее обычный человеческий страх перед неведомыми, внезапно обрушившимися обстоятельствами.

Нет. Он знал слишком много, и ему было в сто, в тысячу раз страшнее из-за этого знания. Илья вдруг отчетливо понял, что сейчас, именно в эту самую секунду, между полным крахом Человечества, как полнокровной, независимой цивилизации, и призрачной возможностью сохранить статус кво-стоят, вероятнее всего, только они — отставной полковник, над которым не далее как позавчера насмехался генерал Шефорд, и молодая, совершенно не знающая войны женщина, двадцати семи лет от роду, по воле случая оказавшиеся в нужное время в нужном месте…

И еще: забираясь в рубку «Фалангера», Илья Андреевич со всей отчетливостью понимал, что, коснувшись первого сенсора активации, он тем самым сделает окончательный выбор и будет вынужден пойти по избранной дороге до конца, принести в жертву все, вплоть до дочери лучшего друга, которая по роковой случайности очутилась в его машине, ибо ставкой, начиная с этого момента, уже станет не чья-то конкретно взятая судьба…

Эти мысли заняли очень мало времени.

Ровно столько, сколько потребовалось, чтобы протиснуться сквозь люк, сесть в кресло и положить руки на усеянные кнопками широкие подлокотники.

Пилот-ложемент ожил, задвигался.

Пальцы сами помнили, что нужно делать.

«Активация…»

«Активация…»

«Активация…»

Прошлое не возвращалось, наоборот, все умерло в этот роковой для Горкалова миг.

Коснувшись первого сенсора, Илья не восстановил себя в правах после вынужденного двадцатилетнего забвения, — он убил себя, прежде всего тем, что с этой секунды полностью утратил право на милосердие…

Понимание этого придет к нему чуть позже, а сейчас…

Пальцы рук сновали по переключателям, вокруг мягко подсвечивались шкалы приборов, исполинская машина оживала, начиная *дышать*…

— «Код активации принят, пилот», — произнес мягкий женский голос. — «Нейросенсорный контакт установлен. Идет процесс

тестирования сервосистем».

— Здравствуй, Кейти… — Илья подставил свою седую голову под опускающийся полушлем. — Следи за «Вороном». Его пилот еще не сжился с машиной.

— «Принято. Код активации не использовался двадцать лет. Как самочувствие, полковник?»

— Не насмехайся, Кейти. Мы идем на смерть.

— «Для меня нет смысла в данном термине. Я жива миллионом своих дублей».

— Я не уверен. — Горкалов повернул голову, и торс «Фалангера» послушно, плавно повернулся в ту же сторону, куда смотрели его глаза. — Прицел орудий на правый глаз! — приказал он. — Ракетные комплексы в режим полного самонаведения.

— «Принято. Прошу проверить режим оптического увеличения».

Илья закрыл левый глаз, и картинка на целевом мониторе тут же поплыла навстречу — это заработала программа снайперской стрельбы. Сохраняя хладнокровие, он мог всадить одиночный выстрел стопятидесятимиллиметрового орудия в пролетающую мимо птицу…

— Работает, — ответил он.

— «Слишком много адреналина в крови. Сделать инъекцию?» — спокойно осведомился голос.

— Нет. Сейчас все будет в норме. Моторные импульсы не запаздывают?

— «Все в порядке, полковник. Системы готовы. Эскалаторы закончили зарядку орудий».

— «Ворон», — напомнил Илья.

— «Идет процесс установки связи».

Секунду спустя, подтверждая доклад, раздался тонкий писк двух бортовых компьютеров. Это кибернетические системы «Ворона» и «Фалангера» вошли в контакт, передав случайно генерированный, неповторимый в данной ситуации код опознания, основанный на принципе «свой-чужой».

— Шейла, ты меня слышишь?

— Да, Илья Андреевич.

— Забудь, — сухо отрезал он. — Теперь просто Илья или командир. Ты мой ведомый. Наши компьютеры связаны постоянным каналом взаимной телеметрии данных. Ничего не бойся. Это не сложнее, чем симулятор.

— Ты же говорил обратное, — немного помедлив, ответила она.

— Забудь, — жестко, исключая возражения, повторил Горкалов. — Воспользуйся всеми преимуществами системы нейросенсорного контакта. Ты окажешься в привычной среде. — Его голос был сух, фразы отрывисты. — Доверься бортовому компьютеру. Поддержание равновесия машины, шаг, движение — это проблема процессора, гироскопов, сервоприводов, ты только командуешь ими, не вмешиваясь в процедуру, ясно?

— Да. Я знакома с «ALONE». Правда, у нас не было времени подружиться.

Горкалов не ответил на последнее замечание. Из женщин выходили неплохие пилоты, но они слишком часто драматизировали свой личный контакт с кибернетической системой, чрезмерно одухотворяя ее.

Он очень хорошо знал, что такое программный пакет «Одиночка». Человек, разработавший эту гибкую систему псевдоинтеллекта, попеременно казался ему то гением, то дьяволом. Система машины мгновенно приспосабливалась к психике пилота: для женщин «ALONE» всегда активировал аудиофайлы мужского голоса, для пилотов-мужчин — наоборот. Это вело к подсознательному сближению человека и системы, взаимному доверию, более чуткому управлению, но нужно было обладать недюжинным опытом, чтобы понять — «Одиночка» — это всего лишь набор программ, предназначенных не просто для интуитивного управления машиной и морального комфорта пилота, — основные функции системы вступали в силу в тех случаях, когда пилот погибал, а машина все еще могла продолжать бой.

Здесь крылась чудовищная ловушка, особенно для неопытных, начинающих бойцов. Люди действительно любят одухотворять машины, но настоящий пилот, испытывая привязанность к «своей» системе, никогда не забудет о ее подлинной сущности.

Однажды, в личной переписке, данная тема была затронута одним из известных Горкалову аналитиков. Он указал полковнику на определенный минус обратной связи, заметив, что мозг человека, соединенный с кибернетической машиной, не только имеет возможность управлять ею, но и сам подвержен определенному воздействию с ее стороны.

В комментарии он привел фразу Конфуция: «Его не поймешь. Это дракон, который охотится то в небе, то на земле».[11]

Илья, который всегда придерживался твердого убеждения, что любая машина мертва и несет лишь те эмоции, которые склонен вложить в нее конкретный человек, долго думал над этой фразой, и в конце концов

вынужден был признать, что его собеседник прав. Боевой опыт Горкалова действительно содержал факты, когда излишняя эмоциональная привязанность начинала вредить пилоту. Конечно, все это — вопрос меры и личной психической предрасположенности, но все-таки…

Эти мысли промелькнули в голове яркой вспышкой, — он ни на секунду не отвлекся от процедуры активации систем, но не преминул предупредить Шейлу:

— Не забывай об одном — машин в этом мире много, а жизнь пилоту дается лишь раз. Найди глазами кнопку катапультирования.

— Есть. Вижу.

— Сейчас она не горит. При определенном количестве повреждений она подсветится. При критических разрушениях станет моргать красным. Как только увидишь красное мерцание кнопки, сразу же катапультируйся. Запрещаю тебе тянуть до момента, когда она вспыхнет постоянным сигналом и включится ревун. Ты поняла?

— Да.

— А сейчас следуй за мной. Первые десять минут просто идешь, понятно? Не атакуешь никого, если только я не прикажу. Потом, когда почувствуешь машину, доложишь. — Он чуть помедлил и внезапно добавил: — Больше я не смогу заботиться о тебе.

Шейла поджала губы. Ее не испугала эта фраза.

Порой неведение — лучшее лекарство от страха. Трудно и тяжело не в первый, а во второй раз, когда уже наперед знаешь, что тебя ожидает.

— Да… — повторила она и, помедлив несколько секунд добавила: — Да… командир.

Горкалов слышал ее, но уже не мог позволить себе отвлекаться на паузы и интонации.

Активация систем, личные переживания, диалоги — все уложилось в промежуток времени, не превышавший нескольких минут.

— Два-два-один… — произнес он в коммуникатор стандартную формулировку вызова. Передатчик его «Фалангера» в данный момент работал на открытой частоте. — Здесь полковник Горкалов. Вызываю любого дружественного пилота в радиусе действия сенсоров.

Шейлу от этих слов проняла короткая дрожь. Она мгновенно поняла расчет Ильи. Инсекты не владели человеческой речью, их жвала не были приспособлены для воспроизведения адекватных фонем,[12] а вот разработанные людьми компьютерные коды оказались доступны насекомым в полном объеме…

«Машины-предатели… Они служат тому, кто владеет кодами управления в каждом конкретном случае…»

Шейла покосилась на усеянные контрольными сигналами консоли бортового компьютера «Ворона».

Вот он, момент истины, миг того жуткого откровения, когда раз и навсегда понимаешь, насколько необъятна, коварна и враждебна окружающая тебя Вселенная: наступает срок, и звук человеческой речи, безразлично представителю какой планеты или нации он будет принадлежать, вдруг становится паролем…

Несколько секунд в эфире царила тишина, затем на открытой частоте пришел ответ:

— Здесь лейтенант Сокура, сэр… — Пилот говорил тяжело, с хриплым придыхом, видно, его здорово трепало в данный момент. Как фон, иллюстрация к фразе, в коммуникаторе слышались отзвуки боя и накладывающиеся на них сообщения аудиосистемы бортового компьютера…

— Спокойно, — голос Горкалова казался ледяным. — Я принимаю командование операцией, лейтенант. Дайте код опознания.

В коммуникаторе прочирикал звук машинного кода, и на радаре «Ворона» среди множества алых точек внезапно вспыхнул зеленый маркер. Это был «Хоплит» лейтенанта Сокуры.

— Есть контакт. Вижу тебя. — Пальцы Ильи бегали по сенсорам, разыгрывая спокойную, привычную партитуру окончательной активации боевых систем «Фалангера». — Двигайся по этим точкам, встреча через две минуты.

Шейла, которая слышала командный диалог, одновременно пытаясь как-то ощутить ту сорокапятитонную массу, внутри которой оказалась заключена, вдруг испытала недоумение — «что значит, через две минуты?!» Над ангарами по-прежнему возвышался сумеречный торс того самого «Фалангера», который на ее глазах, походя, двумя залпами пригвоздил к бетонной стене «Хоплита», из состава патрульных сил базы РТВ…

Она едва успела оправиться после двух очередей его пушек, а ведь эта машина в тот момент просто делала свое дело, не обращая никакого внимания ни на «Гранд-Элиот», ни на двух притаившихся в нем, осыпанных стеклянными гранулами людишек!..

— Два-два-ноль! — ворвался в ее растерзанные мысли голос командира. — Начинаю движение. Маршрут по телеметрии данных.

Ей оставалось одно — подчиниться, хотя воображение не могло

предсказать и тысячной доли того, что придется пережить ей в ближайшие десять минут…

Страшно будет во второй раз.

Шейле предстояло понять это чуть позже.

* * *

Она часто слышала от отца, каким пилотом был полковник Горкалов, но слышать рассказ и увидеть воочию — две абсолютно разные вещи.

…Его возвращение в строй после вынужденного двадцатилетнего отсутствия спрессовалось в десять, ну от силы — пятнадцать секунд, и в субъективном восприятии Шейлы выглядело приблизительно так…

В сумраке консервационного ангара внезапно заработали механизмы застывшей без движения шестидесятитонной машины. Торс боевого робота резко повернулся, Шейла успела заметить даже тусклый отблеск на стержне гидравлического поршня, который, одновременно с поворотом, поднимал рубку «Фалангера» на определенный угол, словно машине вдруг вздумалось посмотреть на звезды…

Она знала, что именно так и должно быть, тысячи раз проходила подобное на симуляторах, грезила об этом, но…

«Шаг…»

Всего один шаг… Тень четырехпалого ступохода, удлиняющаяся в свете сиротливого фонаря, визг приводов, и вот она — страшная, сумеречная бронированная машина, высотой в пятнадцать метров, возникшая из темноты, словно призрак…

«Фалангер» Горкалова вышел из створов ангара, сделав для этого всего одно движение, и застыл, на долю секунды остановившись с развернутой в сторону противника рубкой; Шейла услышала ноющий звук заработавших сервомоторов точной наводки; их тут же перекрыл глубинный вой собственных гироскопов ее «Ворона», но она в ту секунду забыла обо всем — ее взгляд будто примерз к «Фалангеру» Горкалова… Зрачки Шейлы расширились, взор завороженно скользнул по неровной, шероховатой поверхности плотно состыкованных бронеплит, отмечая места, где облупилась краска защитного камуфляжа, — она даже успела заметить рыжий продолговатый потек воды, которая долгое время сочилась сквозь прохудившуюся крышу ангара на корпус законсервированной боевой машины, — и все это слилось в единое ощущение жуткой, ожившей на глазах мощи, ставшее особенно острым, пронзительным, когда земля вдруг ощутимо дрогнула — это второй ступоход исполинской сумеречной фигуры начал шаговый такт, и одновременно обе автоматические пушки

«Фалангера» разрядились, залпом выплюнув весь оперативный боекомплект поверх плоской крыши ангара, прямо в борт застывшей за ним своей сумеречной копии.

«Гррррах!..»

Шейла, пытаясь последовать за Горкаловым, увидела рваные, стробоскопические вспышки разрядившихся орудий, и эта страшная, но жутко красивая, ирреальная картина навек впечаталась в ее память, как тот след, вдавленный в нагретый стеклобетон при въезде на территорию базы. Она увидела, как захваченный инсектами «Фалангер», которого она подсознательно боялась до приступов неконтролируемой дрожи, вдруг покачнулся, осыпанный разрывами, и начал нелепо запрокидываться назад и вбок…

«Перегрузка привода», — мелькнула в голове Шейлы мгновенная мысль, вслед которой содрогнулась земля, а ее «Ворон» едва удержал равновесие.

«Фалангер» Ильи не дал бронированной жабе ни единого шанса встать. Перегруженный привод опрокинутого наземь противника дико выл за углом ангара, пытаясь поднять поверженные тонны металла, а он, не остановившись ни на миг, продолжал движение, пересекая паркинг по диагонали, лишь рубка его машины с визгом опустила нос и повернулась, доворачивая ракетные установки на нужный угол…

Дебют Шейлы был не столь красив и смертельно точен.

Остроносый «Ворон» вышел из ангара, покачиваясь, словно был в сильном подпитии, и едва не упал от локального землетрясения, вызванного падением вражеской машины.

Шейла пыталась успокоиться, обуздать сорок пять тонн окружавшего ее металла, но лишь паниковала еще сильнее, пока вдруг не вспомнила фразу Горкалова, показавшуюся ей несколькими минутами раньше такой пренебрежительно-холодной: «Забудь… Доверься бортовому компьютеру. Поддержание равновесия машины, шаг, движение — это проблема процессора, гироскопов, сервоприводов, ты только командуешь ими, не вмешиваясь в процедуру…»

Дело пошло чуть лучше.

«Ворон» перестал крениться на один бок, выровнялся, будто и вправду являлся древней птицей, спикировавшей на эту площадку лишь затем, чтобы почистить острым клювом свое металлическое оперение. Торс машины повернулся в одну сторону, в другую, и в этот миг Шейла опять уловила парадокс времени, увидев, как из прорезей бортовых эскалаторов «Фалангера» медленно выпали две тускло-желтые отстрелянные обоймы.

Они, словно в замедленной съемке, плавно полетели вниз, и Шейла, не удержавшись, проводила одну из них завороженным взглядом. Тусклый, ребристый лоток отстрелянного боекомплекта ударился о стеклобетон парковочной площадки, так же медленно с жалобным звоном подскочил вверх и…

…Залп ракетных установок «Фалангера» взорвал Вселенную воем и светом.

Восемь стремительных факелов реактивного выхлопа наискось перечеркнули мрак и ударили за ангар, где продолжал ворочаться опрокинутый враг.

Земля разверзлась, устремившись в небеса, будто в том месте не выдержала оболочка планеты и из нее ударил фонтан магмы…

— Два-два-ноль, Два-два-один, двигаемся по заданным точкам! — прорвав оцепенение Шейлы, раздался в коммуникаторе неестественно ровный, заледенелый голос Горкалова.

Это было безумием…

Расширенными глазами она смотрела, как мимо нее идет «Фалангер» Ильи Андреевича.

Он не волновался, не дергался, — просто прибил вражескую машину с каким-то нечеловеческим, с точки зрения перепуганной, едва владеющей собой Шейлы, хладнокровием и уже шел мимо, к назначенной для встречи с лейтенантом Сокурой точке, на ходу меняя боекомплект…

Диафрагменные люки, расположенные на покатой спине его боевой машины, сразу за выступами горячих от залпа пусковых установок, вдруг раскололись на множество остроугольных сегментов, и изнутри боевого робота поднялись два механизма автоматической перезарядки — мощные, блестящие и влажные от смазки поршни, на вершинах которых покоились лотки боекомплекта. Она увидела, как восемь оперенных стабилизаторами ракет скользнули из решетчатых ячеек в дымящиеся пустые жерла, и наконец очнулась, метнувшись взглядом к хронометру.

Тридцать секунд… Она думала, что прожит уже час… или жизнь?

Лучший из наглядных примеров.

Покатая камуфлированная спина «Фалангера» грозила вот-вот исчезнуть в сумраке, и Шейла неосознанно заставила «Ворона» следовать за ведущим.

— Два-два-ноль, доложить обстановку! — спустя несколько секунд ударил по ее натянутым нервам голос Ильи.

Шейла вздрогнула, ее взгляд наконец обрел ясность, скользнул по дисплеям, куда выводились данные, снятые сенсорами машины.

«Господи, что я тут делаю?»

Это были мысли, а губы уже шевелились, отдавая в крохотный микрофон слова:

— Два-два-один, тридцать градусов… правый борт, три цели, класс «Фалангер», дистанция 800… 750… 700 метров… — голос Шейлы все-таки дрогнул — три тяжелых машины, отмеченные алыми маркерами, двигались прямо на нее!..

— Прыжковые на разогрев! — пришел приказ Горкалова.

Ее взгляд метался по приборам рубки, пальцы сновали по сенсорным кнопкам, и в глуби «Ворона» что-то протяжно загудело — это сработала контрольная продувка реактивных сопел прыжковых ускорителей, расположенных между ступоходами машины, под механизмом поворотной платформы торсового привода.

«Прыгать?!..» — это была ее мысль.

— «Прыжковые готовы, предварительный импульс просчитан», — ровно доложил голос.

«Ворон» продолжал идти прямо на сигналы «Фалангеров», остановившихся на углу паркинга и скрытых от взгляда Шейлы выступом ангара.

— Сокура, опаздываем к точке, — отбросив коды, произнес Горкалов. — Секунд на сорок, надеюсь, — добавил он. — Шейла, прыгаешь строго по курсу, по баллистической траектории, через здание ангара, — тут же обратился он к ведомой. — Просто обозначаешь себя. Ничего большего я не требую, но, если увидишь реальную возможность, стреляй.

Три «Фалангера». Сможет ли она прыгнуть, отвлекая их на залп?

На приборной панели нервно заморгал зеленый индикатор окончательной готовности.

— «Пилот?..» — Это был «ALONE».

Палец Шейлы машинально сбросил скобку предохранителя. Она дрожала всем телом, всем своим существом. «Черт… Мамочка… Боже…» — палец судорожно вдавил гашетку прыжковых ускорителей, и земля тут же провалилась вниз, вокруг полыхнуло сначала оранжевым, потом белым, и… она увидела *это*…

Коробочки уносящихся вниз зданий, темные пятна паркингов между ними и три четкие тени от приплюснутых, затаившихся за ближайшим ангаром, но внезапно оживших, зашевелившихся контуров…

Она мгновенно поняла: три «Фалангера» ждали ее появления из-за угла ангара, затаившись во мраке, чтобы пригвоздить «Ворона» одним

сокрушительным залпом, но вместо этого Горкалов приказал: прыгай! — и она прыгнула, взлетев над ними, осветив окрестности раскаленными добела реактивными струями, бьющими из сопел прыжковых ускорителей, и тем самым спасла себе жизнь, одновременно смешав планы противника.

Они никак не успевали дать по ней залп и лишь неуклюже разворачивались в ту сторону, куда уносился «Ворон», — точка апогея баллистической траектории прыжка уже была пройдена, и машина Шейлы резко пошла вниз, опускаясь по другую сторону рокового строения.

Она машинально повернула остроносую рубку и в последний миг перед посадкой увидела, как машина Горкалова, без единого огня, будто жуткий призрак выросла за спинами трех «Фалангеров» и словно взорвалась — это разом ударили обе автоматические пушки и синхронно с ними — ракетные комплексы, — метров с пятидесяти, фактически в упор, не оставляя шансов никому, — центральный «Фалангер» пробило до самого реактора, и на краю паркинга, внезапно полыхнула такая вспышка, от которой в рубке «Ворона», захлебнувшись, взвыли все сенсоры и с шелестом опустились аварийные фильтры на экранах.

Ее посадка больше походила на падение раненой птицы: сорок пять тонн приземлились со стонущим визгом. «Ворона» качнуло, ударило бортом о бетонную стену, четырехпалые ступоходы едва не подломились, когда инерция заставила их высекать искры из стеклобетона, оставляя на нем глубокие борозды. Шейла все же инстинктивно перехватила управление, больше мешая бортовому компьютеру, чем облегчая его работу, но эта неуклюжая посадка спасла ее жизнь во второй раз: мгновением позже ворота ангара, напротив которых она должна была, по идее, приземлиться, вдруг выпучило наружу и вырвало вон, — ночь превратилась в день, створы ворот исчезли, испарились — их поглотил оранжевый шар: это по ту сторону здания секундой раньше рванул атомный реактор вражеской машины.

* * *

В жизни бывают моменты, когда ты нем, глух, слеп и все же сознание продолжает жить, подсказывая, шепча: «ты только что родилась заново, девочка…»

Звон в ушах, оранжевые круги перед глазами, крик, застрявший в пересохшем горле, — эти чувства медленно таяли, отпускали, и вот уже сетчатка глаз вновь начала воспринимать окружающий мир: сквозь цветные искры медленно проступили контуры рубки управления, бескрайняя оранжевая муть сузилась до границ реального пространства, обзорные

экраны наполнились мятущимися отсветами беснующегося в ангарах пожара, а губы вытолкнули наконец:

— Илья?!

Это хриплое слово несло и вопрос, и восклицание, и бездонную усталость от только что прожитых секунд, и страх ожидания…

Тишина…

Оглушительная, вязкая тишина, но есть же зеленая точка на дисплее вариатора целей, и вот рядом с ней еще одна, почему же ты молчишь, неужели так занят, неужели нет дела до меня, полуживой, задохнувшейся, оглохшей?!

«Фалангер» Горкалова появился внезапно — она просто увидела его, неуклюже ползущего, болезненно припадающего на искалеченный ступоход, будто машина действительно испытывала боль и оттого хромала, приволакивая исковерканную ногу.

На его броне не осталось и следа от маскирующей раскраски и маркировок — она была *черной*.

«Фалангер» остановился, и почти одновременно с противоположного края в свет пожарища выступил «Хоплит» — такой же опаленный, лишившийся части своей брони, весь какой-то пегий от подпалин и выщерблин; из его нутра сочились ядовитые зеленоватые клубы пара — где-то была порвана первичная система охлаждения реактора, а Шейла, онемев от новых, внезапно навалившихся чувств, вдруг поняла, что ее губы дрожат, а перед глазами плавает непонятная, предательская муть — будто все самое главное в ее жизни случилось здесь и сейчас, а лейтенант Сокура так же, как и Илья, — самые дорогие в этом расколотом, перемешанном, взорванном и горящем мире.

Она не понимала, что все только начинается и четыре уничтоженных в коротком бою «Фалангера» — это едва ли десятая часть сил, атаковавших ее родную планету.

Глава 6

Три миллиона лет назад эволюционный предок человека разумного взял в руку берцовую кость животного или, быть может, корявый, обломанный бурей сук с тем, чтобы, не утруждая себя лазаньем, сбить с дерева желанный плод.

Потом, какое-то время спустя, однажды ночью, кто-то из наших пращуров задрал голову вверх и пристально посмотрел на разбросанные по чернильному полотнищу мрака мерцающие звезды.

Первый шаг дал нам разум.

Второй — понятие независимости мышления, а вслед за ним и независимость действий — стремление сначала постичь, а затем стать выше законов мироздания.

Все остальное — и миллионы лет развития на планете Земля, и две тысячи лет Экспансии в глубины Галактики — это лишь прогресс двух базовых приобретений, их развитие во времени и пространстве.

Разум и свобода выбора — вот то, что сделало нас людьми.

С этим можно спорить, но это нельзя отрицать.

База РТВ. Северная окраина столицы Элио.

Горкалов остановил свой «Фалангер» метрах в тридцати от пылающего ангара.

«Хоплит» Сокуры, по-прежнему истекавший зловонным, ядовитым паром, отошел в сторону и внезапно испустил долгий, протяжный, затихающий на низких нотах звук — это система дезактивировала все сервомоторы и приступила к аварийному «гашению» реактора.

— Шейла, ты в порядке? — раздался в коммуникаторе голос Ильи, прозвучавший так, будто ничего и не случилось. В днище его «Фалангера» открылся люк, и оттуда упала лестница.

— Да, я в порядке, командир. — Шейла все еще дрожала, но уже нашла в себе силы обидеться на него за холодность и разозлиться на себя за глупый порыв чувств.

— Я говорю с тобой через мобильник. — Одновременно с этими словами из люка показались ноги Горкалова. — Что на твоих сенсорах?

— Пять сигналов, похожи на «Фалангеров», но точно определить не могу — они более чем в километре и удаляются по направлению к городу.

— Хорошо. — Илья уже спустился с верхних ступеней раскачивающейся лестницы и спрыгнул на землю. — Следи за обстановкой, пока я поговорю с Сокурой. Потом сменим машины, сперва мы, потом ты. Кто-то должен постоянно страховать.

Шейла не успела ни возразить, ни ответить, — Горкалов сложил коммуникатор, — она видела его движение на экранах «Ворона».

* * *

Лейтенант Сокура оказался высоким светловолосым парнем с пронзительно-голубыми глазами.

Горкалов еще издали начал присматриваться к нему, не без праздного любопытства, — времени на обстоятельный разговор попросту не было — две-три минуты, вот все, что мог позволить себе Илья, а лейтенант, который вылез из дымящегося «Хоплита» и шел ему навстречу, был, в отличие от Горкалова, связан присягой, уставом и еще тысячью нюансов регламентированного поведения, которые не выкинешь из своего сознания, как ненужный хлам, просто потому, что тебе сказали: «пойдем, лейтенант, мы должны…»

Они молча обменялись крепким рукопожатием, продолжая внимательно, оценивающе смотреть друг на друга, потом Горкалов отпустил ладонь пилота и кивком указал в сторону, — отойдем.

В отличие от Ильи, который, садясь в кресло пилот-ложемента, скинул только цивильный пиджак и галстук, лейтенант был в полной экипировке — нейросенсорный костюм, личный полушлем, перчатки с отсоединенными в данный момент и торчащими в разные стороны разъемами.

— Что происходит, сэр? — спросил он, отойдя вслед за Горкаловым под прикрытие полуразрушенной взрывом стены ангара.

— Планета атакована.

— Это я понял. — Сокура устало прислонился к стене. — Я видел инсектов. — Его лицо, жесты — все выдавало нечеловеческую усталость и крайнее потрясение. Он не стал спрашивать, каким ветром занесло Горкалова на базу РТВ, а сразу перешел к сути: — Инсекты — деградировавшие ксеноморфы. Откуда у них наши шагающие машины?

Горкалов внимательно посмотрел на него и ответил:

— Лейтенант, рассказывать все по порядку долго и в данной ситуации ни к чему. Достаточно того, что Элио под атакой и цель вторжения — не только база РТВ…

Сокура и так был бледен, но после слов Горкалова его лицо приобрело

сероватый оттенок — он без лишних комментариев понял, насколько плоха ситуация в целом и как далеко идут планы вторгшихся на Элио ксеноморфов.

Илья по достоинству оценил сообразительность лейтенанта. Немаловажным, на взгляд Горкалова, было и то, что «Хоплит» Сокуры, весь изрешеченный, со срезанными как ножом бронепластинами, сумел-таки отбиться от превосходящих по тоннажу и вооружению сил противника, а после выйти из боя к намеченной точке.

Горкалову не нужно было обладать каким-то особым даром, чтобы понять — перед ним не просто юнец, по случаю оказавшийся в составе механизированного патруля, охранявшего периметр базы, а пилот со стажем, к тому же не трус и не паникер.

— Вот что… — Он нахмурился. — Как тебя зовут?

— Николай.

— Хм… Странное сочетание… Николай Сокура…

Лейтенант пожал плечами, как бы говоря этим: предков не выбирают, и я доволен своими.

— Вот что, Николай. — Горкалов говорил медленно, тщательно подбирая слова. — Нас трое: я — отставной полковник, со мной молодая женщина, дочь моего старого друга, — она не спасовала и не испугалась, вела себя отлично, хотя в рубку настоящего робота попала впервые. О тебе я рассуждать не буду. Ты действующий офицер, но сейчас это потеряло какое-либо значение. Атака на Элио ничем не спровоцирована — это вторжение в чистом виде.

— Цель?

— На первом этапе — овладение хранящимися тут образцами «Одиночки» и той информацией, которую содержит компьютер генштаба Конфедерации Солнц, — предельно кратко и ясно изложил свои выводы Горкалов. — По моему разумению, против Человечества развязана война. Если наш противник намерен в дальнейшем захватить подконтрольное людям жизненное пространство освоенных планет, то, встав на его место, как бы ты планировал такую атаку?

— У них есть боевые корабли? Их много? — задал встречный вопрос лейтенант.

— Не могу сказать. Орбитальную оборону Элио прорвал вроде бы один крейсер. Судя по перехваченному мной сообщению, они уничтожили станцию ГЧ.

— Понятно… — Сокура хмурился все больше. Достав сигарету, он нервно помял ее в пальцах и вдруг произнес: — На их месте я бы атаковал

не планеты, а станции Гиперсферной Частоты и маяки точек гиперсферного всплытия. Такой удар не требует большого флота — достаточно нескольких истребителей на систему, но потеря ГЧ-связи и прыжковых маяков мгновенно расчленит Человечество на несколько сот изолированных друг от друга миров. Зная их координаты, несколько хорошо оснащенных боевых кораблей могут захватывать миры один за другим, встречая минимальное, нескоординированное сопротивление.

— Логично. Думаю, именно так все и происходит. Добавь сюда, что на изолированные друг от друга, вследствие потери станций ГЧ, планеты будут высаживаться механизированные группы шагающих машин, снабженных программным пакетом «ALONE», и схема станет абсолютно ясна. Теперь еще один вопрос: что может принципиально сорвать такой план?

— Активация резерва Конфедерации Солнц. Скрытые станции ГЧ и законсервированные военные базы «второго эшелона», — ответил Сокура.

— Верно. Второй Эшелон — это их цель. Они пойдут на все, чтобы захватить или уничтожить компьютерные носители генштаба. Вселенная взорвалась, Николай. Нас атаковала чуждая форма жизни, для которой человек как разумное существо не представляет никакой этической ценности. Они знают о нас очень много, справедливо боятся нас, как экспансивную, решительную расу, и постараются осуществить геноцид, действуя посредством наших же машин, технологий и прочего, не исключая пособников из числа людей.

Сокура бросил на землю окурок, загасил его ногой и вдруг спросил, подняв хмурый взгляд на Гор-калова:

— Откуда вам все это известно, полковник?

Илья горько усмехнулся.

— У меня было долгих двадцать лет, чтобы слышать, видеть и анализировать. Когда я начал сопоставлять факты и понял, что надвигается катастрофа, то вышел со всей собранной информацией на одного из руководителей Министерства обороны нашей планеты. Это было позавчера.

— И что он? — Николай ждал ответа, напряженно глядя в глаза Ильи.

— Он послал меня к черту, обозвав старым маразматиком.

Щеки лейтенанта внезапно вспыхнули пятнами румянца, словно ему только что влепили пощечину.

— Что я могу сделать? — внезапно спросил он, вновь подняв взгляд на Горкалова.

— Забыть обо всем, что было до этой минуты. Поверить мне. Забыть

то правительство, которому присягал, перешагнуть запреты, меморандумы, эмбарго, личные привязанности, неприязнь — все, что долго и тщательно вело вот к этому, — он недвусмысленно указал на беснующиеся отсветы пожара. — В моих словах нет ни капли бреда или лжи. Мне самому режет слух эта фраза, но с этой секунды больше нельзя думать об Элио, Кьюиге, Земле… *Атаковано Человечество*. Либо мы сейчас встанем у них поперек глотки, либо…

— Не надо, полковник. Я понял. — Сокура отер рукавом нейросенсорного костюма капельки выступившего на лбу пота. — Командуйте. Я пойду за вами и буду драться. Пока мы еще не покинули Элио, и мне как офицеру достаточно этого, — он кинул хмурый взгляд в сторону полыхающих ангаров. — План действий?

— У тебя есть консервационный код?

— Да.

— Тогда меняем машины и идем к зданию генштаба. Не отвлекаемся ни на одну цель, пока не достигнем площади. Там — встаем намертво. Либо мы, либо они. Третьего нам уже не дано.

— Ясно.

Сокура повернулся и указал на ряд возвышающихся неподалеку строений.

— Это технические боксы, — пояснил он. — Там накануне заряжали машины для сегодняшней смены патруля.

— Отлично. — Горкалов повернулся, но Николай задержал его.

— Один вопрос.

— Да?

— Как вы получили доступ в рубку «Фалангера»? — От Горкалова не укрылось, что лейтенант, задавая вопрос, держит руку на кобуре табельного оружия.

Илья спокойно достал медальон и протянул его Николаю.

Тот взглянул на личный кодон активации; в его глазах мелькнула и погасла тень изумления, затем рука соскользнула с рифленой рукояти автоматического пистолета.

— Почту за честь, сэр. — Его голова чуть склонилась. — Вы можете рассчитывать на полное подчинение.

Илья на миг растерялся.

Он уже забыл, как звучит это слово, а произнесенное вслух, среди дыма, огня пожарищ и темных, покореженных остовов боевых машин, оно вдруг пробило его до самого сердца, заставив вздрогнуть.

«Честь…»

Он повернул голову и ответил:

— Спасибо, лейтенант. Чтобы не оставалось сомнений, — Шейла Норман, которая сидит сейчас в кресле пилот-ложемента «Ворона», — дочь Дейвида Нормана, если вам что-то говорит это имя. Она использовала личный медальон отца.

Сокура кивнул.

— Я знаком с капитаном Норманом и вами, — внезапно произнес он.

— Откуда? — этот вопрос вырвался у Ильи Андреевича помимо воли.

— Из боевых симуляторов. Курс обучения пилотов включает в себя демонстрацию виртуальной записи нескольких ваших боев на Прокусе. Мне неловко, что я был вынужден проверить ваши полномочия, сэр.

— Все в порядке, лейтенант. Не будем терять времени.,

* * *

Город горел.

Зарево пожаров отмечало путь, которым двигались машины противника. Направление уже не вызывало никаких сомнений — враг рвался к центру города, к зданию генерального штаба Конфедерации Солнц, а вот чем вызваны очаги возгорания — сопротивлением ли очнувшихся от шока сил самообороны, или просто огромными размерами шагающих машин, которые никак не вписывались в архитектуру транспортных артерий многоуровневого города и причиняли серьезные разрушения зданиям, оставалось непонятно.

По данным сенсоров, с территории базы РТВ ушло пять «Фалангеров», к которым в районе космопорта присоединились еще три тяжелых машины.

Горкалов вызвал Шейлу.

— Да, командир? — мгновенно ответила она.

— Как ты, освоилась?

— Мы подружимся… — уклонилась она от прямого ответа.

— Прыжок был грамотным, — скупо похвалил ее Горкалов и тут же перешел к делу: — Дай мне канал телеметрии с твоих сенсоров.

Шейла выполнила приказ, но не отключилась.

— Что мы ищем?

— Я пытаюсь вычислить силы, атаковавшие планету. Твой «Ворон» оснащен дополнительными сиетемами обнаружения, — пояснил ей Илья. — Следи за противником, а я поработаю с локаторами. Через пару минут картина начала проясняться.

— Видишь маркеры на территории космопорта? — после паузы снова

заговорил Горкалов.

— Да.

— Это два «Нибелунга». Штурмовые носители. Пять парковочных мест на каждом. Они пусты, рядом один патрульный сигнал, класс «Фалангер». Четверых мы приговорили на базе, пятеро ушли. Думаю, что мы не выпустили ни одного с «Одиночкой» на борту.

— Теперь нам нужно догнать их?

— Да. С носителями будем разбираться позже. Главное — отсечь их от штаба.

— Дистанция сокращается, — посмотрев на данные целевого монитора, заметила Шейла. — Думаю, мы нагоним их.

— Будем надеяться. — Горкалов не любил загадывать наперед. Их машины уже преодолели пригород и вплотную приблизились к освещенному пожарами основанию мегаполиса. Он понимал, что теперь продвижение станет значительно труднее.

Илья Андреевич вызвал Сокуру.

В коммуникаторе раздался сигнал кода связи, а затем Горкалов внезапно услышал непонятные посторонние звуки, которые показались ему настолько чужеродными, что на миг вызвали легкое замешательство.

— Что это, Николай? — обеспокоенно спросил он, пытаясь разобраться в природе странного шума.

— Не понял, командир? — переспросил Сокура. Звуки, так поразившие воображение Горкалова, стали чуть тише.

— Фон, лейтенант. Если не ошибаюсь, то я слышу музыку, как фон несущей волны?

— Да, — спокойно ответил Сокура. — Это орган. Католическая месса. Позднее христианство, обработка Генриха Щербакова.

— Вы верите в бога, лейтенант?

— Каждый человек во что-то верит, командир. Без веры жизнь теряет свой смысл.

— Интересно. — Горкалов говорил, стараясь сохранять самообладание, — радиопереговоры не мешали ему вести «Фалангер», наоборот, слова, срывающиеся в коммуникатор, помогали сохранить душевное равновесие, которое, по мере пологого подъема на уровень городского цоколя, становилось все более шатким. Горящие вокруг кварталы были похожи на сумеречный ад. Крохотные фигурки людей метались в отблесках пожарищ, а он не имел права остановиться, чтобы помочь хоть кому-то из них.

— Позже дашь послушать мне этот кристалло-диск? — спросил

Горкалов, пытаясь этой фразой унять распоясавшиеся нервы.

— Я смогу переписать его вам, полковник.

«Если останемся живы…», — внезапно подумалось Илье.

— Шейла?

— Да, командир.

— Шейла, тебе приходилось убивать?

Ответ пришел не сразу, и пауза на том конце связи оказалась дольше, чем он ожидал.

— Нет.

В этот миг остававшийся на связи Сокура по какому-то внутреннему наитию добавил громкость, и голос органа, смешавшись с сигналами телеметрии, вдруг разлился по нервной системе Горкалова, заставляя мурашки разбегаться по коже, вставать дыбом каждый волосок на теле полковника. Он никогда не думал, что на него может подобным образом подействовать музыка, но древние как мир звуки уже ворвались в сознание, начавшись тихим, переливчатым и одновременно глухим перезвоном далеких колоколов, затем вступил орган, вслед за ним хор, и эта волна росла, ширилась, словно мелодия, пережившая не один десяток веков, вдруг подняла на свой гребень души тех, кто пронес ее сквозь тысячелетия эволюции и световые годы пространства, — она вздымалась, будто волна прилива, грозя затопить собой Вселенную. Илья повернул голову, ища глазами машину Шейлы, и вдруг увидел черную фигуру ее «Ворона», идущего на фоне полыхавшего в полнебосвода зарева пожарищ, а рядом — смутный контур «Хоплита», плывущий в тени почерневших коробок зданий, и дальше — фигурки людей, в панике мечущихся по улицам города, — его личное безумие росло, душа, казалось, сорвалась в пропасть и падает, не видя дна, но нет, — звук органа, вплетаясь в ноющий тон работающих сервосистем «Фалангера», подсказывал, словно шептал, обжигая сознание, — это не безумие, полковник, — скорее просветление, очищение огнем, будто узкая черная улица, так похожая на извилистое ущелье твоей одинокой судьбы, выходила в этот миг на свет, страшный свет пожарищ, выводя разум из узилища личного сознания на вселенский простор бытия, то самое пресловутое Жизненное Пространство, которое не было подвластно, ни человеку, ни богу, ни дьяволу, ни ксеноморфам, — в нем царили свои законы бытия, а он…

Он шел, сам выбирая дорогу, выводя свою душу из теснины смущавших его обстоятельств. Звук органа, как порыв ветра, срывающий одежды с заблудившегося во мраке, не успевшего укрыться от непогоды путника, вдруг оголил душу, сорвав с нее все, что копилось долгими

одинокими вечерами, оставив лишь стержень, нерв, указав своей темной стороной на безграничную жестокость и враждебность окружающей Вселенной, на неизбежность защиты своих прав под светом льдистых звезд. А по другую, светлую, сторону звучали не глухие приливы чуждой эволюции, а звоном далеких колоколов проявлялось из мрака ненависти неотъемлемое свойство дарованного человеку разума — безграничная свобода выбора своего пути, полная свобода совести, право на осознанную жестокость и осознанное милосердие, право быть самим собой, не повинуясь обстоятельствам, а владея ими, в той мере, в какой душа и сердце были готовы воспользоваться дарованной вместе с разумом свободой.

Миг запредельного откровения.

Жизнь — это лишь медленное рождение разума.

— Шейла ты меня слышишь?

— Да, командир.

— Мы никогда не будем убивать ради мести или ненависти, — внезапно для самого себя произнес он. — Запомни это. Мы будем бороться за выживание Человечества. Вселенная преподает нам урок.

— Я не понимаю, Илья.

— Позже. Сейчас нет времени объяснять. Представь себе, что по твоей шее ползет паук.

Секунда тишины.

— Омерзительно.

— Убей его. Ты обязана сделать это!..

«Ворон» сбился с шага, но через секунду выровнялся, продолжая идти вдоль объятой огнем улицы.

— Тебе будет не так страшно, Шейла. Убивать людей труднее, чем пауков. Мне приходилось это делать.

Она не ответила.

Центр города неумолимо приближался.

Словно желая подтвердить это, на активном радаре «Фалангера», среди термальных всплесков пожарищ, вдруг появились восемь алых точек.

Это были боевые машины противника, прокладывавшие себе дорогу сквозь улицы человеческого города к его центру.

К сердцу бывшей Конфедерации Солнц.

Шейла, пытавшаяся разобраться в этот миг с собственными чувствами, внезапно услышала изменившийся голос Ильи:

— Два-два-ноль, восемь термальных всплесков. Машины, класс «Фалангер». — И тут же, следом, четкий, недвусмысленный, твердый

приказ, в котором не было ни тени грызущих душу сомнений, ни страха, ни ненависти, лишь ледяное спокойствие перед лицом неизбежной схватки:

— Расходимся. Движение по параллельным улицам, Шейла — правый фланг, Сокура — левый.

— Принято.

— Да, командир.

* * *

Шейла, исполняя приказ, приостановила шаг «Ворона», повернув машину в перпендикулярный основному проспекту проход между высотными зданиями.

Многоуровневый город, по первому ярусу которого вот уже более часа, сокрушая все, что мешало и не мешало им, двигались машины захватчиков, похоже, стал претерпевать критические деформации. Не успел «Ворон» ступить на стеклобетон улицы, как сверху с тяжким стоном и скрежетом начал обваливаться участок скоростной автомагистрали третьего уровня.

Куски армированных железобетонных конструкций сыпались вокруг, словно град, от их ударов местами проламывалось покрытие мостовой, вверх вздымались облака едкой, белесой пыли, земля ощутимо содрогалась под ступоходами «Ворона», но кибернетическая система машины воспринимала низвергающийся поток бетонных обломков как нечто само собой разумеющееся, — мелкие куски бетонного щебня весом до полуцентнера попросту отскакивали от брони «Ворона», и лишь дважды Шейла ощутила, как «ALONE» пытается подправить ее действия, уклоняясь от более крупных кусков обрушившейся с двухсотметровой высоты конструкции.

Ночь, которую только что освещал пожар, вдруг превратилась в багряные сумерки — это бетонная пыль расползалась неровным, рваным облаком, сократив видимость до нескольких десятков метров.

— Внимание, — раздался в коммуникаторе голос Ильи. — Шейла, два «Фалангера» повторили твой маневр!

Да, она отчетливо видела их на сенсорах. Две крупные алые точки действительно отделились от группы, состоявшей из восьми шагающих машин, и попытались продублировать ее действия, стремясь выйти на параллельную улицу уровня раньше, чем на перекрестке появится ее «Ворон».

Сзади продолжал рушиться участок автобана. Глухие толчки распространялись по всему городу, — в здании, мимо которого она шла, от

запредельных колебаний почвы вдруг одновременно лопнули, взорвавшись сверкающими, низвергающимися фонтанами, все уцелевшие до этого момента стекла…

Окружавшая ее реальность казалась каким-то чудовищным, непостижимым разуму кошмаром, который затянулся уже сверх всякой меры, но не было возможности вздрогнуть и очнуться, пусть в ледяном поту, но с облегченной, спасительной мыслью — это был всего лишь сон…

Нет. То была явь.

«Ну, не подведи…» — мысленно обратилась она к своему «Ворону».

Шейла не заметила, что обратилась к машине, как к живому существу, — в этот миг запредельного напряжения ее нервы наконец слились с сервомоторами «Ворона» в единое целое, будто оптико-волоконные кабели машины и живая плоть пилота действительно переплелись в тугой, пульсирующий узел, сердцем и мозгом которого была она.

Любой человек, однажды севший в кресло пилот-ложемента, рано или поздно испытывает подобное ошеломляющее чувство полного, стопроцентного слияния с машиной.

«Нейросенсорный контакт…»

Вот когда открылась истина, потаенная суть знакомого с детства термина.

Кто-то выходит за грань этого мига безумцем, кто-то рабом своего страха, ошеломления, а кто-то *пилотом*.

Шейла, сама того не подозревая, относилась к последней категории новичков.

Внезапный порыв ветра на миг порвал плотную завесу дыма и пыли, показав сумеречное ущелье улицы, освещенное мятущимися отсветами пожаров.

Контур включившегося электронно-оптического прицела обозначился зеленой рамкой, вспыхнув на прозрачном забрале компьютерного планшета напротив ее правого глаза.

«Увеличение…»

Тени и мятущиеся отсветы рванулись навстречу, укрупняясь в деталях и тут же исчезая, пока в рамку не влип внезапно проявившийся контур вражеской машины.

«Фалангер» только что вышел на перекресток в двух кварталах от Шейлы. Он стоял, согнув свои ступоходы, и беспокойно ворочал торсом, явно пытаясь разобраться в сумятице активных сигналов, — рядом с ним неистово полыхала витрина супермаркета, и бесноватый огонь, от

температуры которого корежились несущие балки перекрытий, не только освещал его исполинскую фигуру, но и вносил сильные искажения в показания приборов теплового видения цели.

Шейла поняла: это ее миг.

Она не думала и не колебалась, пальцы сами знали, что делать.

Рамка оптико-электронного прицела подсветилась желтым — это боевой сопроцессор «Ворона» сообщал, что цель находится вне зоны эффективного огня.

«Ничего подобного».

Скобка предохранителя отскочила вверх, с характерным щелчком освободив гашетку правого ракетного комплекса.

«Одиночный огонь».

Ослепительный факел рванулся от торса «Ворона», освещая сумеречное пространство улицы от края до края.

Ракета стремительной молнией прочертила дымный сумрак и расцвела ослепительным оранжевым бутоном огня, ударив не в «Фалангера», а чуть наискось, рядом с ним, в основание стены полыхающего небоскреба.

Сорок этажей, объятых огнем, вздрогнули от этого удара и начали тяжко оседать в провал улицы, словно не падали, а *стекали* в него раскаленной магматической массой.

Шейла, упоенная первой трезво просчитанной победой, увидела, как за секунду до этого второй «Фалангер», двигавшийся вдоль правой стороны улицы, врубил прыжковые ускорители.

В огненном оползне рванул трескучий, раскатистый взрыв — это в чреве погребенной под обломками здания машины взорвался боекомплект.

Шейла даже не заметила этого свидетельства ее первой победы — она вела «Ворона», наискось пересекая ярко подсвеченное пожарищем пространство, не отрывая глаз от багряного контура второй машины, которая, согнув ступоходы, плавно опускалась по ту сторону огненного завала, опираясь на ослепительные струи реактивного выхлопа.

В пусковой-установке правого борта еще оставались четыре ракеты, и она выпустила их залпом, почти наугад, хотя боевой сопроцессор и пытался передать электронной начинке боеголовок данные более точной наводки, но Шейла уже полностью перешагнула неодолимый для некоторых пилотов барьер — она ощутила машину, слилась с «Вороном», но не подчинилась ему, и шагающий робот, словно дикий мустанг, почуявший железную хватку наездника, вдруг присмирел, — из таких диких, мгновенных психологических поединков в свое время рождались

самые преданные скакуны и самые любящие, заботливые всадники…

Ракетная установка левого борта оставалась полностью заряженной, и Шейла, продолжая двигаться вдоль уцелевшей, правой стороны улицы, резко повернула торс «Ворона», давая возможность независимым приводам сориентировать подвеску пусковых стволов в сторону цели.

«Фалангер» оказался нестандартно сконфигурированным, — из-за огненного оползня, похоронившего под собой первую машину, внезапно ударил счетверенный лазерный залп — четыре шнура когерентного света полоснули по стене здания, оставляя на своем пути уродливые, прогоревшие на полметра в глубь полосы и вспыхивающие глазницы оконных проемов.

Шейла мгновенно поняла — эти «Фалангеры» не с атакованной инсектами базы РТВ, а из числа тех, что, по словам Горкалова, были проданы в Сферу Дайсона для так называемых «горнопроходческих» работ…

«О черт!..»

Страх и растерянность вернулись лишь на мгновение, но этот миг едва не стоил ей жизни.

Лазеры «Фалангера» перезаряжались удивительно быстро, — опять вспыхнули четыре световых шнура, но на этот раз они полоснули не по стене, а по ее машине.

Правая ракетная установка «Ворона» взорвалась, но это был не залп.

Шейла почувствовала, как резко повело в сторону сорок пять тонн взбесившегося вдруг металла, но она не успела ничего сделать, лишь ощутила, как в разгерметизированную рубку ворвался едкий, удушливый запах дыма, и ей вдруг стало нестерпимо жарко — это снаружи плавилась изуродованная лазерными лучами броня, она стекала вниз тягучими каплями раскаленного керамлита, а бесноватые лучи, вспыхнув вновь, продолжали жечь рваную рану, образовавшуюся на месте уничтоженной пусковой установки.

Шейла, отчаянно пытаясь вырваться из-под удара, не справилась с управлением, и «Ворона» ударило о стену здания, которая покорно проломилась, словно состояла из картона. И остроносая рубка ее машины, с оглушительным скрежетом пропоров перекрытия второго и третьего этажей, вдруг остановилась, застряв в руинах здания.

Голова Шейлы от удара мотнулась в сторону, шейные позвонки хрустнули, в глазах помутилось, мир заволокло красноватым туманом боли.

Когда, спустя несколько секунд, сознание вернулось к ней, то на приборных консолях уже цвел погребальный букет багряных огней, а в

коммуникаторе, пробиваясь сквозь грохот, скрежет и боль, бился, пульсировал, повторяясь вновь и вновь, надорванный крик Ильи Андреевича:

— Шейла, катапультируйся! Катапультируйся! Ради всего святого, ты слышишь меня, — приказываю…

Мутным от боли взглядом, едва осознавая, что делает, она нашла кнопку аварийного отстрела пилот-ложемента.

Кнопка горела, как рубин, поймавший солнечный луч своей гранью.

— Катапультируйся! — продолжал биться в коммуникаторе надтреснутый, внезапно постаревший голос Ильи.

Или это ее раненое, растерзанное сознание родило голос полный тоски, тревоги, *страха за ее жизнь!*

Какая разница.

Он дал ей силы поднять руку.

Рубка боевой машины, застрявшая в проломленном перекрытии, внезапно раскрылась, будто металлический цветок, и дымный выхлоп катапульты выметнул в оранжево-черные небеса крохотную капсулу за миг до того, как в руинах здания ослепительно полыхнул взорвавшийся реактор «Ворона»…

* * *

«Фалангер» Горкалова двигался в этот момент по параллельной улице, навстречу шести активным сигналам, отмечающим местоположение машин противника.

За действиями Шейлы он мог наблюдать лишь краем глаза, — в отсутствие координатора даже его тренированный, закаленный и отточенный разум не мог одновременно контролировать в полном объеме как управление собственной шестидесятитонной машиной, так и всю окружающую обстановку в целом.

За Сокуру он не волновался — лейтенант уже вполне проявил себя, впрочем, Шейла тоже, но все-таки, несмотря ни на что, Илья продолжал время от времени обращать внимание на автоматический мониторинг ее действий.

Предупредив о разделении сигналов противника, он увеличил скорость своего «Фалангера», заставив машину стремительно продвигаться вдоль скупо подсвеченного пожарами широкого проспекта. Сзади с тяжкой судорогой обвалился кусок автодорожной развязки третьего уровня, вслед за этим предупреждающе взвизгнули сенсоры, отмечая произведенный неподалеку ракетный запуск, и Горкалов, кинув беглый взгляд на экраны,

увидел, как одна из вражеских машин тонет в лавине раскаленных пожаром обломков здания, которое обрушила на него Шейла.

«Молодец девочка!..»

Следующие несколько секунд он был занят, — шесть сигналов, перемещающихся вдоль проспекта, уже приблизились на критическое расстояние — до них оставалось менее километра, а зеленый маркер, обозначавший вырвавшегося вперед по параллельной улице «Хоплита» Сокуры, вдруг мигнул и пропал, вероятно, его заслонили сильные помехи термальных всплесков и железобетонные конструкции возвышающихся вокруг зданий, которые сильно мешали работе активных радаров.

Обежав глазами приборы, Горкалов вновь вернулся взглядом к монитору, отображавшему действия «Ворона», и внутри него вдруг что-то болезненно оборвалось: вместо развертки данных телеметрии он увидел лишь рябь помех и угрожающе моргавшую надпись:

«Критические повреждения».

Илья резко крикнул:

— Катапультируйся!

Он не знал, слышит ли его Шейла и вообще жива ли она, — из-за поисков исчезнувшего сигнала лейтенанта Сокуры он пропустил миг, когда был поражен «Ворон», и секунд десять в его сердце стыл лютый холод неизбежности, пока из руин соседней улицы в багряно-черные небеса вдруг не ударил характерный выхлоп аварийно-спасательной катапульты.

Все.

Она ушла из рубки мертвая или живая, он не знал, но не мог позволить себе и дальше следить за полетом капсулы, заботясь о судьбе девушки…

* * *

Шесть «Фалангеров» оставили тщетную попытку оторваться от преследования и развернулись в его сторону, решив, что вернее будет разделаться с противником, чем пытаться уйти от него.

«Куда же ты подевался, лейтенант?»

Седьмая машина инсектов, та самая, что пригвоздила «Ворона», теперь двигалась во фланг Горкалову.

Триста шестьдесят тонн совокупной мощи устремились ему навстречу. Шесть «Фалангеров» держали строй, растянувшись по всей ширине проспекта, крайние из них цеплялись за здания по обеим сторонам

улицы, высекая искры плечевыми выступами оружейных пилонов.

По этому небрежному отношению к боковым креплениям стандартных орудийных комплексов Илья мгновенно понял, что они пусты.

На «Фалангерах» не было подвесных орудий.

Ну естественно… это же те машины, что были проданы в Сферу, — двухсотмегаваттные лазерные комплексы устанавливались на них в гнезда ракетных комплексов, расположенных на покатой спине, сразу над бронированным козырьком, защищающим рубку пилота.

Дистанция между ним и противником уже сократилась до шестисот метров, и Горкалову на миг показалось, что сквозь рваные пласты ползущего вдоль проспекта дыма он видит на экранах обзора смутные, приплюснутые контуры шагающих исполинов.

«Почему они не стреляют?»

И вдруг Илья понял: дым! Черный жирный дым, что стелился по проспекту, блокировал работу их лазеров. Лазерный луч — это многократно усиленная, синхронизированная, говоря научно — когерентная световая волна, и плотный густой дым на большой дистанции становится для луча практически непроходимой преградой.

Ни секунды не медля, он развернулся.

Седьмая машина нашла прореху в руинах и уже заходила в борт «Фалангеру» Горкалова.

Противник вел себя достаточно бесхитростно — обнаружив брешь в руинах, он остановился, и тотчас же его лазерные установки превратились в слепящие точки.

Горкалов вовремя развернул свою машину — залп полоснул по скату лобовой брони, расплавив часть мощного бронированного козырька над рубкой, но прожечь его за четыре секунды не был способен ни один лазер…

Илья понял, что «Фалангером» управляет отнюдь не опытный пилот. Он даже не предпринял попытки отступить, прикрываясь руинами здания, пока перезаряжались устройства накачки — вражеская машина продолжала стоять, чуть согнув ступоходы, — кто бы ни сидел в рубке — это существо полагало, что восемь секунд, требующиеся на перезарядку горнопроходческих лазеров, — это не срок.

Для Горкалова это была вечность.

Он прицелился спокойно, как в тире, и спустил гашетки обоих орудийных комплексов за миг до повторного залпа.

Дистанция между двумя машинами чуть превышала сотню метров, и на таком расстоянии попасть в рубку, даже без участия электронных

систем, не составляло для Ильи особого труда.

«За Шейлу…»

Вражеская машина пошатнулась, когда снаряды срезали пластины лобовой брони, и тут же повторный залп лег точно в то же место, превратив покатый выступ рубки управления в уродливую дымящуюся дыру.

Лишившийся опоры «Фалангер» тяжело подался назад, проламывая растрескавшуюся стену, и упал, вызвав тяжкую конвульсию близлежащих зданий.

Его пилот был мертв, плоть инсекта уже вряд ли можно было отделить от дымящихся ошметков брони, вбитых в пилот-ложемент вторым залпом.

Горкалов опять резко развернул свою машину, — и вовремя, потому что шесть противников уже сократили дистанцию до четырехсот метров и вот-вот должны были появиться в поле зрения видеокамер.

— Сокура?! — рявкнул в коммуникатор Илья.

Тишина. Лишь треск статических помех на несущей частоте.

«Неужели не выдержал, струсил?»

Мысль показалась ему какой-то несправедливой — не мог лейтенант так запросто бросить командира, но раздумывать далее Горкалову было некогда — передовой «Фалангер» уже появился в полыхающей теснине улицы и бежал на него, на ходу ведя поочередный огонь из четырех лазерных установок.

Илья машинально включил реверс серводвигателей, и его машина попятилась, одновременно уклоняясь от световых вспышек, которые частой очередью осыпали бетонную стену здания, оставляя на ней обугленные, дымящиеся полосы.

В такие секунды работает не разум, а рефлексы. Наитие пилота сосредоточено не в голове, а на кончиках пальцев, под которыми располагаются сенсоры управления.

Шаг назад… Поворот торса…

Правое орудие звонко выплюнуло боекомплект, корпус «Фалангера» повело отдачей, взвизгнули приводы стабилизации, левый ступоход внезапно потерял опору, провалившись в систему городских коммуникаций, а из дымного сумрака на смену первой машине, которая, получив порцию снарядов, теперь пыталась уйти с линии огня, внезапно выступили пять приплюснутых серо-черных силуэтов.

Горкалов встретил их веерным залпом обоих ракетных комплексов, поставив между собой и противником неодолимую преграду из огня, дыма и бетонного щебня, одновременно пытаясь высвободить застрявший

ступоход своей машины, но его действия уже не могли увенчаться полным успехом, — ступоход наконец вырвался, со скрежетом подняв сплетение расплющенных труб, но за эти мгновения порыв горячего ветра рассеял дым, и пять противников, каждый из которых получил лишь небольшие повреждения от неприцельного ракетного залпа, оказались буквально в ста метрах от «Фалангера» Ильи.

Он понимал, что пригвоздит одного, в лучшем случае двух, но далее его неизбежно сожгут пятикратно усиленным лазерным залпом, — промахнуться, стреляя практически в упор, они уже не могли.

Илья успел сделать еще один шаг назад, наводя независимые подвески боковыхорудий на две цели, когда стена близлежащего здания на уровне шестого и седьмого этажей внезапно вспухла, будто изнутри на нее давила неистовая всесокрушающая сила, и он увидел, как в разлетающихся осколках стекла и бетона появился «Хоплит» Сокуры.

Горкалов мгновенно понял его маневр: лейтенант, не встретив сопротивления на параллельной улице, опередил медленную поступь шестидесятитонного «Фалангера» командира. Перед выдержкой и хладнокровным расчетом Николая стоило лишь молча снять шляпу. Оценив данные на тактическом мониторе, он воспользовался реактивными ускорителями своего «Хоплита», заставив шагающую машину запрыгнуть на шестой этаж обвалившегося с одной стороны здания, и затаился там, никак не проявляя себя, пока шесть «Фалангеров» противника не проследовали мимо, подставив под удар свои покатые спины, броня которых не шла ни в какое сравнение с лобовыми скатами…

… «Хоплит», проломив стену, резко повернул свой торс, одновременно накренив его вниз, и будто взорвался, окутавшись оранжевыми вспышками и неизбежным дымным выхлопом ракетного залпа.

Центральный «Фалангер» упал; в его броне зияло несколько пробоин — ракеты «Хоплита», снабженные кумулятивными боеголовками, пробили его заднюю броню, парализовав все серводвигательные функции, остальных заставила остановиться вставшая на дыбы земля, которая вдруг пришла в волнообразное движение — это перекрытие цокольного этажа гигантского города-мегаполиса не выдержало разворачивающейся на его поверхности битвы механических титанов, и участок проспекта вдруг начал тяжко оседать, проваливаясь в невидимую полость.

Запоздалый лазерный залп, предназначенный Горкалову, полоснул по обваливающимся стенам и ушел в небеса, лишь один или два луча вскользь коснулись брони «Фалангера».

«Хоплит» Сокуры с визгом выпрямил торс, и изпод его согнутых ступоходов вырвалось оранжевое пламя реактивных струй.

Он опускался в ущелье улицы, словно падающий с небес огненный призрак.

Горкалов на миг оторвал руку от сенсоров управления, смахнув со лба ледяной пот.

Он только что родился во второй раз, но переживать по этому поводу не было ни времени, ни сил, — воронка, образовавшаяся на месте рухнувшего перекрытия, оказалась не так уж глубока, и в ней отчетливо просматривались тепловые контуры нескольких машин, пилоты которых пытались обуздать взбесившиеся приводы…

— Ник… — хрипло произнес Горкалов. — Добиваем их!

* * *

«Фалангер» Ильи двигался боком, развернув дымящийся, покрытый шрамами и подпалинами торс в сторону троих противников, выбравшихся из воронки; его орудийные комплексы били фактически непрерывно — едва смолкало правое орудие, как тут же начинало злобной скороговоркой частить левое, только летели вниз пустые лотки отстрелянных обойм, да сигнал критического перегрева стволов разгорался все ярче и ярче…

«Есть!!!»

Передовая машина врага остановилась, не выдержав бесноватого огня, — из дыр в ее корпусе сочился жирный дым, гидравлика правого ступохода была пробита, и «Фалангер» противника медленно оседал на обессилевший привод, нелепо кренясь на правый бок, но два других, более не стесненные дымовой завесой, дали одновременный залп по машине Горкалова.

Восемь жирных, ослепительных шнуров, исторгнутых инфракрасными лазерными установками, работали ровно четыре секунды, — дальше последовал неизбежный в таких условиях перегрев полуметровых стержней из искусственно выращенных кристаллов рубина, которые составляли основу лазерного излучателя, но и этих мгновений хватило с лихвой: правое орудие «Фалангера», отрезанное от торса, полетело вниз, будто отсеченная рука, триплекс кабины, защищенный керамлитовым козырьком брони, не прожгло насквозь, но перечеркнуло наискось уродливым плавленым шрамом, — часть видеодатчиков мгновенно отказала, оставив Илье лишь один функциональный экран. Сервоприводы его «Фалангера» гулко взвыли, пытаясь удержать в равновесии пошатнувшегося исполина, левая орудийная установка,

перезарядившись, по инерции огрызнулась огнем, но и она внезапно захлебнулась на половине такта стрельбы, — третий снаряд перекосило, и он не пошел в перегретый ствол…

Индикатор повреждений, сопряженный с кнопкой аварийного катапультирования пилота, уже несколько секунд горел злобным вызывающе-красным огнем, ревун внутри кабины орал, не умолкая, и в его вое тонули десятки других тревожных сигналов, сообщающих о критическом состоянии тех или иных устройств…

Выбор между неминуемой смертью внутри искалеченной, лишившейся всего вооружения боевой машины и кнопкой катапультирования казался очевидным, но Горкалов все еще пытался бороться. Его рука легла на рычаг с гашеткой прыжковых ускорителей, но он не успел активировать их — вновь вспыхнули лазеры противника, и Илья почувствовал, как его обдало жаром — лобовая броня наконец не выдержала, по внутреннему бронестеклу пробежали трещины, на консолях взорвались и задымили два экрана.

Он машинально ударил по кнопке катапультирования, даже не задумавшись, сработают ли приводы, раскрывающие сегменты рубки, — он переживал в этот момент за свою беспомощность и за Сокуру, который остался один на один с двумя «Фалангерами», но в следующий миг, когда жесткий удар катапультирования швырнул его кресло в багряные небеса, Горкалов успел заметить, как в теснине проваливающейся вниз улицы «Хоплит», окутанный частыми вспышками ракетных запусков, неумолимо наступает на последнего противника, который неуклюже пятился к краю чудовищной воронки, откуда ему удалось выбраться минуту назад.

Короткий по времени, но чудовищный по своему напряжению бой был окончен.

Они удержали штаб Конфедерации Солнц, не пустив вторгшиеся машины на центральную площадь Раворграда, но не было никакой уверенности, что атака не повторится…

Когда капсула пилот-ложемента достигла апогея траектории подъема, Илья еще раз взглянул вниз и понял, что снижаться по иронии судьбы он будет на площадь перед горящим, словно факел, рестораном «Созвездие».

Элио. Центральный космический порт планеты…

Капсула пилот-ложемента, вырвавшись из рубки «Ворона», ушла в небеса, поднимаясь по пологой дуге баллистической траектории. В момент выстрела аварийно-спасательной катапульты ее механизм оказался

направлен не вертикально вверх, а под острым углом к горизонту, и потому полет вышел нештатным: кресло пилота, едва не задев угол близлежащего здания, поднялось над тесниной улицы и, не набрав положенной высоты, начало падать.

Шейла едва ли сознавала, что с ней происходит, — несколько секунд оглушающей перегрузки погасили ее разум, реальность порвалась, провалившись вместе с полыхающими небоскребами куда-то в черную, необъятную бездну…

На высоте пятисот метров сработала аварийная система торможения — встроенный в пилот-ложемент аларм-процессор включил реактивный двигатель, и одновременно с яркой вспышкой торможения, замыкая кресло в решетчатый каркас, выдвинулись телескопические дуги беспарашютной посадки.

Удар оказался жестким.

Пилот-ложемент врезался в огромное панорамное окно возвышавшегося на окраине города здания, влетев внутрь в сверкающем ореоле искрящегося крошева.

Если бы Шейла оставалась в сознании, то, возможно, все окончилось бы более плачевно, а так ее расслабленное тело восприняло динамический удар без напряжения, что, как минимум, спасло ее от перелома костей.

…Очнувшись, она слабо застонала.

Ей казалось, что прошло всего несколько секунд с того момента, как ладонь ударила по кнопке катапультирования в рубке «Ворона», но на самом деле выхлоп аварийно-спасательной катапульты швырнул ее в багряные небеса Элио более получаса назад…

Перед глазами плавал розоватый, наполненный цветными искрами туман, сквозь который проступали очертания блестящих, деформированных дуг.

«Где я?..»

Приподняв голову, она ощутила резкую боль и одновременно увидела огромное выбитое панорамное окно. По ободу пустого овала торчали острые иззубренные осколки лопнувшего стекла. Шейла скосила глаза. Блестящее крошево окружало ее, усеивая пол сплошным хрустким ковром.

Ее рука, превозмогая распространившуюся по всему телу тупую боль, потянулась к замку систем безопасности.

Раздался сухой щелчок, тонкий визг сервомоторов, зубовный скрежет заклинившего металла, и она почувствовала, как ослабело давление на ее грудь… ноги и руки освободились, с шелестом упали страховочные ремни, и лишь смыкавшиеся вокруг кресла дуги продолжали тонко визжать

встроенными приводами, не в силах сложиться в исходное положение из-за деформаций.

Она не встала с покореженного пилот-ложемента, а выползла из него, мгновенно задохнувшись от боли. Сознание опять на какое-то время стало рыхлым, обрывочным. Она совершенно не понимала, что происходит, где она, куда следует идти и что делать, — ее рот был полон железистой, солоноватой влаги, в которой она не сразу признала кровь…

Бессильно прислонившись к стене, Шейла обвела взглядом непонятную комнату. В глаза бросилось множество компьютерных терминалов, на некоторых из них горели тревожные огни, диспетчерские пульты, пустые, опрокинутые кресла, лужа крови, засыпанная крошкой органического стекла и, наконец, надпись: «Охрана» на приоткрытой металлопластаковой двери, ведущей в соседнее помещение. Пошатываясь, она обошла деформированный пилот-ложемент и остановилась, машинально вцепившись в металлическую раму выбитого окна.

Великий боже…

Под ней простирался центральный космопорт Элио!..

В первый момент Шейла подумала, что еще не очнулась и картина, представшая ее взгляду, — это горячечный бред травмированного сознания… но нет, чем дольше она смотрела вниз, на освещенное несколькими уцелевшими прожекторами пространство, тем отчетливее понимала: все реально, и под ней действительно раскинулись знакомые контуры стартопосадочных площадок, похожих на гигантские чаши из стеклобетона, в которых притаились легко узнаваемые контуры челночных кораблей.

Два ближайших шатла загружались: пространство перед ними, освещенное конусами света от нескольких прожекторов, с вершины диспетчерской башни разительно напоминало муравейник. Сотни существ сновали внизу, среди них возвышалось несколько неподвижно застывших боевых машин класса «Фалангер», — ни одного человека, лишь этот оживший, материализовавшийся вдруг кошмар из сотен насекомоподобных ксеноморфов, которые, как заправские муравьи, сноровисто и деловито перемещались в горизонтальном положении, двигаясь на четырех конечностях.

Шейла стояла, вцепившись побелевшими пальцами в раму выбитого окна, пока ее распоясавшееся воображение дорисовывало детали, которые оставались неразличимы глазу из-за высоты и скудости освещения.

…Из оцепенения ее вывел звук, раздававшийся со стороны коридора. Вздрогнув всем телом, она резко обернулась, ее взгляд метнулся к дверям,

потом скользнул по надписи «Охрана», и она неосознанно метнулась не к выходу из зала, а в эту маленькую комнатку.

Заскочив внутрь, она плотно закрыла дверь и только тогда оглянулась.

Ей пришлось вскинуть руки и зажать ладонями рот, чтобы задавить рвущийся из груди вскрик.

На полу в луже крови лежал молодой парень. Это был, вне всякого сомнения, дежурный оператор. На испачканной бурыми, влажными пятнами униформе неестественно ярко и чисто выделялась пластиковая нагрудная нашивка с надписью:

«Шмелев Сергей. Старший смены».

Его грудь была пробита в нескольких местах. Черная кровь запеклась вокруг аккуратных дырочек.

Шейла, по-прежнему зажимая рот ладонями, затравленно огляделась. Сердце бешено колотилось в груди, горячие слезы бежали по щекам, она была в шоке — впервые ей пришлось столкнуться с насильственной смертью так близко… что называется — лицом к лицу, и чувства, раздиравшие ее душу и разум в этот миг, совершенно не походили на те ощущения, которые она испытывала в рубке «Ворона».

Смерть, видимая на расстоянии, воспринимается совершенно иначе.

Ощущая, что дрожит всем телом, она прислушалась, не в состоянии пошевелиться.

Тихо прошелестела открывшаяся дверь. Что-то вкрадчиво прошуршало по полу операторского зала.

В груди застрял ледяной комок, который невозможно ни проглотить, ни вытолкнуть. Задушенный вскрик замер в мгновенно пересохшем горле, в ушах заломило от бешеного тока крови.

Она медленно повернулась и увидела открытую настежь оружейную пирамиду. Смертельно раненный оператор успел раскодировать ее, но дотянуться до одной из трех установленных в специальные гнезда импульсных винтовок так и не смог — не хватило сил.

Шейла медленно, стараясь не издать ни звука, протянула руку, взяла средний «ИМ» и, ощутив вес винтовки, вдруг шумно выдохнула, почувствовав, что грудь болезненно ломит от неосознанной задержки дыхания.

Шелест повторился.

Кто-то ходил в засыпанном осколками стекла операторском зале.

Палец нашел углубление в волокончатом прикладе, где пряталась кнопка активации. Нажав ее, она услышала, как тихо взвизгнул интегральный затвор.

Пребывая на грани нервного срыва, Шейла вдруг перестала ощущать боль — все чувства потонули в адреналине, не было ни страха, ни осознанности действий, лишь этот шум в ушах да еще что-то темное, неизбывное, восстававшее, как казалось, из непознанных глубин души.

Рывком распахнув дверь, она одновременно сжала сенсор гашетки и импульсная винтовка в ее руках задрожала, выплевывая длинную, неэкономную, веерную очередь.

С грохотом лопнули несколько простреленных навылет экранов, в воздух взметнулось дымчатое крошево пластика, по натянутым как струна нервам ударил ноющий, визгливый звук рикошета, и она вдруг поняла, что стреляет в пустоту, в свой страх, — в операторском зале никого не было, только ветер, врываясь в окно, шелестел какими-то бумагами, да автоматически ерзала, открываясь на половину своего хода, дверь в зал.

Импульсная винтовка резко взвизгнула, перезаряжаясь.

Шейла бессильно сползла по косяку, присев на корточки.

«Господи, что же случилось со мной… со всеми нами… с Элио… С Галактикой… со Вселенной?..»

По щекам бежали слезы, а она едва сдерживала себя, глядя на дымящиеся, простреленные навылет пульты, чтобы не расхохотаться, зло, истерично, давая выход тому ужасу, что продолжал стоять в груди удушливым, стылым комком…

Это было то самое чувство, от которого ее пытался оградить Илья.

Шейла смотрела на длинный пустой коридор, открывающийся за дверями операторского зала, и понимала, что должна встать, пройти по нему, спуститься по аварийным лестницам и двигаться к штабу Конфедерации через горящий, разрушающийся город, через инсектов, мимо сумеречных фигур «Фалангеров», которые охраняли периметр космопорта…

Даже думать об этом было жутко, но она нашла в себе силы встать и сделать первый шаг по направлению к двери.

Оказывается, обуздать сорокапятитонную машину намного легче, чем собственный разум — это Шейла поняла со всей отчетливостью.

* * *

Война…

Этот термин хорошо знаком людям, но до определенного момента мало кто задумывается над истинным смыслом знакомого, приевшегося слова.

Мы привыкли — где-то всегда идет война, не проходит дня, чтобы по

каналам галактических новостей не передавали сообщения о локальных конфликтах. Кто-то делит территорию, кто-то ресурсы, кто-то сферы влияния, ну подумаешь: там-то погибло столько-то, разрушено… подавлено…

Все это скользит по периферии сознания, материализуясь, в лучшем случае, раз в году, в день независимости колоний, когда ветераны Конфедерации Солнц собираются на центральной площади Элио небольшими группами да по стеклобетону проходят маршем силы самообороны планеты

История тускнеет, забывается, и ты, мимолетом задумываясь над сводкой галактических новостей, не испытываешь положенного ужаса от переданных за сотню световых лет картин разрушений и смерти, оправдываешь себя тем, что невозможно объять необъятное, сопереживать всем и вся, как нельзя одному совестливому человеку накормить всех нищих…

А потом это приходит к тебе, в твой дом…

Приходит внезапно, не постучавшись, с воем совершающих несанкционированную посадку шатлов, остервенелым ревом космических истребителей, барражирующих над материком и пылающим городом…

В такие моменты большинство людей теряет разум. Тысячи человек мечутся в поисках спасения, не понимая, что за беда вдруг обрушилась на их головы, почему вокруг все горит и разрушается, где эти хваленые силы самообороны, которые должны преградить путь любой опасности еще на дальних подступах к планете?..

* * *

Шейла не забыла, чему ее учили в военной академии астронавтики, но знания, не подкрепленные реальным боевым опытом и закалкой воли, оказались не более, чем грузом, который подспудно давил на психику, подсказывая — делай так-то и так-то, а на самом деле…

На самом деле ей было страшно.

Спускаясь по гулким ступеням аварийной лестницы, которая спиралью вилась по периметру диспетчерской башни космопорта, она ощущала страх и растерянность.

За ее спиной пылал город.

Перед ней расстилалось сумеречное пространство космопорта, на котором безраздельно властвовали орды насекомоподобных существ. Что они делали с шатлами, какой груз носили в их отсеки, кем все это было организовано, она не знала.

Самым страшным, критическим оказался тот миг, когда она спустилась к подножию диспетчерской башни и очутилась у выхода. Перед нею был выбор — бежать отсюда без оглядки или же попытаться прокрасться в район стартопосадочных полей, где инсекты продолжали грузить челночные корабли.

Открыв металлическую дверь, которая протяжно скрипнула на петлях, она остановилась как вкопанная.

Сиротливый прожектор, чудом уцелевший на середине здания, освещал небольшой участок площади перед входом.

Трупы… Они были повсюду. Взгляд Шейлы будто оцепенел, она не в силах была отвести его от страшной разрушающей разум картины: люди и инсекты лежали вперемешку, их кровь стеклась в черные, отблескивающие влажным багрянцем лужи, в нескольких местах тела были разбросаны по окружности, а на стеклобетоне виднелись выщерблины и черные округлые подпалины от взрывов гранат…

«Боже мой… Зачем все это?!.. Почему?! Ради чего?!..»

Ей хотелось упасть на колени, взвыть от собственного ужаса, непонимания…

Душа Шейлы летела куда-то в пропасть, откуда уже нет, не может быть никакого возврата.

Обрывочные мысли возникали и тут же гасли, словно язычки пламени свечей под порывом ледяного ветра, оставляя после себя лишь мрак.

Мрак безысходности, осознание непоправимости случившегося, омут рождающейся в душе неизбывной ненависти, которая всасывала в себя остатки здравого смысла.

Вся прошлая жизнь в этот миг превратилась в ничто, она исчезла, потонув в окружавшем девушку багряном сумраке.

Бесконтрольная нервная дрожь по-прежнему колотила ее, но Шейла едва ли воспринимала свое состояние, словно все уснуло внутри, окаменело, замерзло.

Первым ее порывом, родившимся из страшного замешательства, было импульсивное желание бежать… куда угодно, без оглядки, лишь бы оказаться подальше от страшного, освещенного сиротливым прожектором места.

Она действительно рванулась прочь и вдруг опять остановилась как вкопанная — выступив из-за закругляющейся стены диспетчерской башни, перед ней возник родной город, больше похожий на уступчатую глыбу обсидиана, по которой кто-то расставил плошки с горящим жиром. Языки разноцветного, оранжевого, голубоватого, даже призрачно-зеленого

пламени расцвечивали улицы, клубы жирного, удушливого дыма от горящих пластических масс вздымались в небо, образуя низко висящие облака, из которых шел черный снег — это, медленно кружа, опадали хлопья сажи.

«Ты погибнешь, если будешь стоять на месте!..»

Крик звучал внутри, но не находил никакого отклика и понимания в оцепеневшем разуме.

Сжимая побелевшими пальцами приклад импульсной винтовки, Шейла сделала первый шаг навстречу этим огням.

«Штаб Конфедерации Солнц. Последний оплот и надежда…» — эти слова Горкалова, внезапно всплывшие в памяти, толкнули ее вперед, указав наконец цель.

Глава 7

По историческому определению, война ломает слабых, превращая их в ничтожества, а сильных — делает еще сильнее.

Это не так.

Слабыми или сильными не рождаются, — ими становятся. Внезапно обрушившаяся беда в равной степени выжигает душу любого, кто попадает под ее горячее дыхание… Страх, ужас и растерянность поначалу испытывают все, а уже потом наступает то расслоение, которое видно невооруженным глазом.

Штаб Конфедерации Солнц. Два часа после начала вторжения…

«Хоплит» Сокуры стоял перед зданием, поджав ступоходы.

Горкалов, шатаясь, добрел до него и сел на широкие ступени. В голове гудело, мысли путались, пот градинами стекал по лицу, смывая гарь.

Катапультировавшись из развороченного «Фалангера», он приземлился неподалеку отсюда, у ступеней горящего ресторана «Созвездие». В отличие от Шейлы, его пилот-ложемент ушел в небо строго вертикально, поэтому полковнику не пришлось долго бродить меж развалин.

Разум Ильи еще не осознал, что они все-таки остановили машины противника. В это хотелось верить, но…

Он поднял голову, посмотрев на выщербленную, покрытую подпалинами броню «Хоплита». Если вдруг накатит вторая волна атакующих, то ему уже не устоять. Восемь вражеских «Фалангеров» сгорели, не считая тех, кого удалось уничтожить на базе РТВ, но не было гарантии, что это все силы механизированной группы вторжения.

В днище шагающей машины тем временем открылся люк, и вниз упала веревочная лестница.

— Как дела, командир? — спросил Николай, спрыгнув на землю.

Горкалов молча показал большой палец.

— Что с Шейлой?

Илья покачал головой.

— Не знаю. Она катапультировалась.

Николай присел рядом с ним на ступень парадного входа и спросил, протягивая полковнику мятую пачку безникотиновых сигарет:

— Что будем делать дальше, командир?

Горкалов взял сигарету, похлопал себя по карманам в поисках зажигалки.

— Стоять… — ответил он, прикуривая и выпуская дым через нос. — Стоять насмерть, Ник, что бы ни случилось. Думаю, что скоро сюда подтянутся…

Он не договорил, потому что в этот момент на освещенную пожаром площадь, со стороны уже выгоревшего дотла ресторана «Созвездие», внезапно на приличной скорости вылетела «БМК».

Горкалов привстал, но его опасения оказались напрасны: боевая машина космодесанта, взвизгнув тормозами, остановилась, а секунду спустя из открывшегося бокового люка появились две фигуры.

Первым, волоча за собой кого-то грузного, мешковатого, появился Скляр.

Увидев Горкалова, он кивнул кому-то, остававшемуся внутри «БМК», и внезапно резким рывком выволок своего невольного спутника из овального проема, в который тот бессознательно пытался вцепиться руками.

— Привет, Илья… — хмуро бросил Скляр, оглядевшись по сторонам. Заметив несколько продолжавших дымить остовов «Фалангеров», он кивнул:

— Вижу, вы тут времени не теряли… Я вот тоже… прихватил с собой одного нашего знакомца, — он вытолкнул вперед упирающегося спутника, и Горкалов с удивлением признал в нем Джона Шефорда, — обмякшего, бледного, испачканного сажей с огромным лиловым синяком под глазом.

Сокура, узнав генерала, вскочил было со ступеньки, но появившийся из недр «БМК» Лерватов, остановил его попытку уставного обращения:

— Расслабься, лейтенант. Перед тобой не «господин генерал», а грязная проститутка… Продал он нас всех, вместе с потрохами. — Произнеся это, Лерватов протянул Горкалову несколько пластиковых карточек.

— Что это? — сухо осведомился Илья.

— Это доступ к компьютерной системе генштаба. Думаю, Джон, ты спешил сюда не затем, чтобы спасти Человечество, а? — Дмитрий обернулся, а Николай, который еще не хотел верить в происходящее, вдруг заметил, как генерал Шефорд тщательно отводит в сторону глаза.

* * *

Спустя десять-пятнадцать минут на площадь перед зданием

генерального штаба Конфедерации Солнц поодиночке и небольшими группами начали подтягиваться военные из числа тех офицеров, кто не потерял голову во внезапно обрушившемся на город кошмаре.

«Хоплит» лейтенанта Сокуры выдвинулся на самый край городского уровня и застыл между зданиями, словно темный призрак. Его сенсоры были нацелены в сторону космического порта, и лейтенант каждые пять минут связывался с Горкаловым, докладывая обстановку.

Горкалов, выслушав первый доклад, убрал мобильный коммуникатор и повернулся к Скляру:

— Иван, займись прибывающими. Выясни, кто из них ранее имел отношение к штабу Конфедерации. Если таковые найдутся, отсылай ко мне. Остальных, кто вооружен, — на периметр площади.

Скляр кивнул, и через минуту его зычный голос уже раздавался перед темным, выгоревшим «Созвездием».

— Дима, — обратился Горкалов к Лерватову, — давай сюда Шефорда.

Он сел на гранитные ступени, чувствуя, что бой и последующее катапультирование не прошли даром — организм полковника уже успел потерять форму, отвык от запредельных перегрузок, и сейчас пальцы, в которых была зажата сигарета, мелко подрагивали, спину ломило, а в ушах по-прежнему стоял звон…

Лерватов подвел к нему генерала.

— Ну, что, Джон? — Илья снизу вверх посмотрел на бывшего подчиненного. — Не чаял увидеть меня живым, да?

Побелевшие губы Шефорда были сжаты в тонкую линию.

— Я не отдавал приказ о твоем устранении, — наконец выдавил он.

— Я знаю, — ответил ему Горкалов. — Слушал вашу частоту… — Продолжая пристально смотреть на Шефорда, он тихо добавил:

— Давай, Джон, хватит бычиться, выкладывай все, что знаешь. Кто, куда, когда поставлял боевые машины, насколько на самом деле проверена информация по Воргейзу, что ты знаешь о вторгшихся ксеноморфах, а главное — кто стоит у них за спиной?

Шефорд не стал упрямиться, и через минуту стало абсолютно ясно — почему.

Он сам имел лишь смутное представление о событиях, в которых принимал участие на протяжении нескольких последних лет.

— Значит, ты марионетка, да? — Лерватов, выслушав сбивчивые пояснения генерала, едва сдерживал клокочущую злость: — Ни хрена не знал, только исправно получал деньги?! А сюда ты зачем летел на своем «Гесселе» с карточками доступа в кармане?

Шефорд угрюмо покосился на него, затем перевел взгляд на Илью, который, прижав к уху трубку коммуникатора, выслушивал очередной доклад Сокуры.

— Понял, Ник. Держи позицию… — Горкалов сложил панель номеронабирателя и посмотрел на Шефорда. — Ну, Джон, не тяни волынку, тебе задан конкретный вопрос. Зачем ты сюда ехал? Ты знал о готовящемся вторжении?

— Да нет же! — В уголках рта Шефорда выступила пена. — Не знал я ничего! Меня заставляли списывать эти машины!

— Не ори, — оборвал его Илья. — Зачем ехал?

— Штаб Конфедерации… — голос Джона вдруг задрожал. — Резерв… Я ведь… Я ведь все понял, Илья, я же не… — Он махнул рукой и отвернулся.

— Что ты понял? — Лерватов ухватил генерала за воротник и рывком развернул к себе. — Что ты понял, сука?

— Остынь, Дима. — Горкалов поднялся со ступеней, покосившись в сторону двух офицеров, которые подошли минуту назад, но не решались обратиться, услышав разговор на повышенных тонах. — Ты понял с моих слов, что опасность реальна, и испугался? — обратился он к Шефорду. — Отвечай, да или нет?

— Да…

— И ты ничего не знаешь, не имеешь представления, куда поставлялись шагающие машины?

— В Сферу Дайсона… Наши корабли садились на неконтролируемой территории, в районе разрушенного города инсектов и, разгрузившись, улетали.

— А деньги?

— Их привозили на Элио курьеры.

— Это были люди?

— Да.

— Что ты собирался делать с карточками и откуда они у тебя?

— Я председатель комиссии по ликвидации военного имущества Конфедерации Солнц, — ответил Шефорд. — Карточки были сданы мне на хранение и лежали дома, в сейфе. Я… Я хотел активировать резерв Конфедерации…

— Очнулся наконец?.. — с горьким упреком спросил Илья и, не дождавшись ответа, махнул рукой. — Ладно… Может, еще сумеешь сдохнуть, как человек. — Он обернулся к топтавшимся поодаль офицерам. — Подойдите, господа.

Они приблизились.

— Капитан Звягинцев.

— Майор Роберте, сэр! Отдельный планетарный батальон сил самообороны…

— Где твой батальон, майор? — оборвал его Горкалов. — Хорошо, не будем… — Он посмотрел на них и спросил: — Вы, как я понимаю, имели в прошлом отношение к компьютерным системам штаба Конфедерации?

— Да.

— Отлично. Коды помните?

Оба офицера кивнули.

— Значит, пойдете со мной. — Горкалов обернулся и нашел глазами Скляра, который, организовав линию обороны по краю площади, уже сам спешил к нему. — Что у тебя, Иван?

— Я назначил старшим офицера и связал его с Сокурой. Хочу идти с тобой, Илья. — Он указал на группу вооруженных офицеров, состоявшую из десяти человек, которые молча выстроились поодаль. — Группа прикрытия. Пойдут с нами.

— Добро. — Хмурый взгляд Горкалова остановился на Шефорде. — Вот что, Джон… Сводить с тобой счеты мне не с руки. У меня есть для тебя задание. — Илья повернулся и указал на чернеющую в полукилометре воронку, которую скупо освещали языки пламени, продолжавшие плясать над руинами зданий. — Видишь провал?

Шефорд кивнул, проследив за его жестом.

— Туда провалились три «Фалангера». Никто из пилотов принципиально не мог катапультироваться. Я хочу, чтобы ты полез туда и посмотрел, кому вы на самом деле продавали боевые машины.

Лицо Шефорда приняло землистый оттенок.

— Но инсекты… — выдавил он.

— Забудь ты свои байки про инсектов! — гневно оборвал его Илья. — Не строй из себя окончательного кретина! Насекомые *не могут* управлять нашими машинами! У них другое строение тела, иной способ мышления, они неспособны войти в нейросенсорный контакт с пилот-ложементом, как бы ни пыжились! Там либо люди, либо очень похожие на нас существа…

Джон несколько секунд стоял, переминаясь с ноги на ногу, а потом, внезапно развернувшись, побрел в сторону указанного Горкаловым провала.

— Иван, выдели ему двух человек с оружием, пусть подстрахуют наверху.

Фигура Джона продолжала удаляться в сторону дымящегося провала.

— Уползет… — сплюнул ему вслед Лерватов.

— Посмотрим, — сдержанно ответил Илья. — Не вытащит пилота — полезем сами. — Он повернулся к ожидавшим его команд офицерам и коротко приказал: — За мной.

* * *

— Николай, ты меня слышишь?

— Да, командир, — раздался в коммуникаторе голос лейтенанта Сокуры.

— Мы вошли в штаб Конфедерации, — сообщил ему Илья, шагая по длинному темному коридору. — Как обстановка?

— Пока все спокойно. В районе космопорта по-прежнему один патрульный сигнал. Сюда никто даже не пытается продвигаться. Мне это непонятно.

— Мне тоже, — откровенно признал Горкалов. Коридор внезапно закончился, обрываясь массивными створами бронированных дверей.

Здание генштаба, возвышающееся над площадью, было всего лишь надстройкой, в которой располагались кабинеты второстепенных служб и залы официальных приемов. Видимая часть айсберга, так сказать. Настоящие коммуникации штаба располагались ниже и уходили в подземные бункера, расположенные под цокольным этажом Раворграда. Они были построены еще в период Первой галактической войны, когда планета дважды подвергалась орбитальным бомбардировкам со стороны сил Земного Альянса.

Карточки доступа, которые были изъяты у Шефорда, ранее принадлежали пяти разным людям, занимавшим ключевые посты в армейской иерархии Конфедерации Солнц.

Впрочем, для первых бронированных дверей, которые открывали вход в нижние штабные уровни, было достаточно любой из них. Все пять потребуются гораздо позже.

— Два человека — в охранение! — приказал Скляр сопровождавшим их бойцам.

Горкалов посмотрел на прорезь сканирующего устройства, подле которого тлел кроваво-красный индикатор аварийного питания.

Еще вчера казалось, что прошлое умерло навсегда, а здание штаба, мимо которого он проходил, торопясь на встречу с Шефордом, так и останется темной обесточенной глыбой, но то была лишь иллюзия.

В недрах гигантского комплекса все эти годы дремали системы боевого резерва, которые никак не зависели от городской энергетической

сети, и вот они включились, самостоятельно и осознанно, как только расположенные в бункерах датчики уловили сильные колебания почвы, вызванные схваткой многотонных машин.

Горкалов знал про эти системы и потому не удивился, увидев индикацию питания в сетях бункеров. Он вставил в щель первую попавшуюся под руку карточку доступа, и красный сигнал, судорожно моргнув, сменился на зеленый, раздался вибрирующий звук заработавших электромоторов, две половинки бронированных дверей дрогнули и поползли в стороны, открывая широкий тоннель, залитый тревожным аварийным светом.

В кармане Горкалова заработал коммуникатор. Он вытащил трубку мобильного устройства связи и ответил:

— Да?

— Это Сокура. Командир, Шейла нашлась! Она жива!

Илья Андреевич ответил не сразу. Несколько секунд он стоял, слушая гулкий ток крови в своих рано поседевших висках.

Облегчение от переданной новости оказалось таким сильным, что Горкалов не сразу справился с собой. Только сейчас он по-настоящему понял, как сильно переживал за нее, мысленно изменяя собственным правилам и привычкам…

— Она не ранена?

— Нет. Но страху натерпелась сильно, хотя и не признается. — Сокура испытывал ту же радость и облегчение, что и Илья, — эти чувства ясно читались в его голосе. — Она была в космопорту, докладывает, что инсекты, помимо «Нибелунгов», пытаются загрузить еще два шатла.

— Хорошо, Ник… — Горкалов понимал, что у него по-прежнему нет ни секунды времени на личные переживания, а Шейла до поры должна оставаться для него не более чем удачно вышедшим из боя пилотом.

— Отправь ее вниз ко мне, — оценив информацию, распорядился он. — А сам оставайся на позиции.

— Понял, командир.

Горкалов убрал коммуникатор, повернулся к двум офицерам, занявшим посты подле открывшихся створов:

— Сюда подойдет девушка. Шейла Норман. Пропустить ее внутрь.

Скляр и Лерватов, услышав его слова, обернулись.

— Жива, — ответил Илья на немой вопрос, читавшийся во взглядах. — Удачно катапультировалась…

* * *

Через некоторое время, миновав систему автоматической охраны, поредевшая группа офицеров (Скляр выставлял боевое охранение у каждых пройденных модульных ворот) оказалась на пороге наиболее известного и в то же время наиболее таинственного помещения генштаба.

Горкалов невольно остановился на пороге.

Этот зал, бывший несколько десятилетий назад средоточием неслыханной мощи Конфедерации Солнц, сейчас исподволь угнетал его сознание, действуя на нервы своим полумраком и вездесущей пылью, толстым слоем лежавшей на консолях сверхмощных и, как казалось, — не нужных теперь никому компьютеров, будто все давно превратилось в прах, поросло плесенью времен, но нет — горели же под махровым слоем пыли тусклые искры индикационных сигналов, что-то шуршало, попискивало, наполняя пространство под куполообразным сводом призраками жизни.

Взгляд Ильи Андреевича отыскал установленный в центре помещения овальный тактический монитор, исполненный в форме стола.

«Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом…» — вспомнились ему слова древнего постулата. Какая ирония, сесть за этот стол — означало достичь вершины военной карьеры, покорить Олимп и еще много-много всего, что в данный момент казалось лишь глупым ореолом, мишурным блеском той *ответственности*, которую неизбежно должен был взвалить на себя Горкалов.

Главный компьютер Конфедерации Солнц, вмонтированный в целый этаж и выходящий в тактический зал в виде этого самого стола-монитора, показался сейчас вовсе не таким внушительным и тайнственным, как рисовала его зрительная память полковника.

Скорее, наоборот, он выглядел маленьким по сравнению с самим залом, а несколько кресел, установленных по периметру пятиметрового овала, и вовсе смотрелись как игрушечные.

* * *

Пять кресел. Пять рабочих мест, напротив которых в торце столешницы располагались прорези сканирующих устройств для личных карточек доступа. Пять высших руководителей Конфедерации имели право занять эти места и принимать решения, манипулируя отсюда неизмеримой мощью содружества планет.

История оживала.

Горкалов первым сел в кресло, за ним заняли места Скляр и Лерватов, лишь двое офицеров — Звягинцев и Роберте не решались повторить этот шаг, пока их не подстегнул голос Илья Андреевича:

— Нет времени, господа.

Он раздал карточки.

— Вставляем одновременно, — предупредил Горкалов.

Огромный монитор осветился.

Пыль, лежавшая на нем, вдруг сдвинулась со своего места и поползла, будто живая, следуя электромагнитным линиям возникшего на поверхности статического напряжения, а через секунду по всей поверхности осветившейся плоскости пробежала голубая волна статики — это сработала система самоочистки, смахивая прах времен в щель заработавшего вытяжного вентилятора.

В объеме пятиметрового экрана возник мрак космоса, в котором висели горошины-звезды.

Перед каждым из пяти кресел появилась псевдосенсорная раскладка световой клавиатуры — это включилась сервисная оболочка тактической системы генштаба. Зал вокруг наполнился шорохами и вздохами, под куполообразным сводом вспыхнули лампы, тускло осветились десятки мониторов перед пустыми креслами постов боевого дежурства.

— Вводим общий код доступа, — произнес Горкалов, прочитав список, переданный ему Звягинцевым.

В глубине столешницы один за другим начали вспыхивать зеленые искры.

— Код расконсервации штаба…

Искры продолжали множиться.

— Включилась система повторного подтверждения полномочий, — подняв голову, произнес Робертс.

— Я вижу, — ответил ему Горкалов. — Теперь недостаточно одних только карточек. Мы не являемся их исконными владельцами. Я ввожу код, означающий гибель высшего командного состава, — предупредил он и коснулся световых пятнышек, расположенных в центре столешницы.

Совершив эту манипуляцию, Илья Андреевич откинулся в кресле, напряженно ожидая результата.

Он понимал, что компьютерная система могла отреагировать двояко.

Если сейчас по каким-то причинам будет активирована программа защиты от несанкционированного доступа, то дело может принять скверный оборот.

В толще плоского монитора что-то щелкнуло, и вдруг перед креслами с ноющим звуком выдвинулись небольшие планшетные гнезда с маленьким углублением посередине.

На включившихся световых табло, появившихся перед каждым из

пяти кресел, побежали цифры обратного отсчета.

— Что это, полковник?! — в замешательстве спросил Роберте.

— Система вторичного подтверждения требует предъявить личные медальоны офицеров, — ответил Горкалов, доставая из-за пазухи кодон активации, которым он открывал рубку «Фалангера». — Компьютер хочет проверить наши личности, убедиться, действительно ли мы являемся офицерами Конфедерации Солнц.

Скляр и Лерватов повторили его жест, а вот Звягинцев и Робертс — нет. Они были молоды и не успели прослужить в Военно-космических силах Конфедерации достаточно долго, чтобы заработать личный кодон.

Илье на миг показалось, что сейчас все пойдет прахом из-за отсутствия двух кусочков намагниченного сплава, но, к его облегчению, в этот момент в зал вошли еще два человека.

Ими были Шейла Норман и майор Шерман.

— Быстро! Освободите кресла! — Горкалов обернулся и, не распыляясь на объяснения, приказал:

— Шейла, Хьюго, садитесь, доставайте кодоны активации!

Они повиновались, попросту не успев задать какие-то встречные вопросы.

Пять медальонов легли в предназначенные им гнезда, и лотки планшетов втянулись внутрь столешницы, когда цифры, отсчитывающие лимит времени, уже приближались к нулю.

Через несколько секунд перед креслами вспыхнули пять повторяющихся надписей:

«Код активации принят. Приложите ладонь руки для сканирования отпечатка и отбора образцов ДНК».

Они повиновались.

Прошло еще несколько секунд, и появилось новое сообщение системы.

«Полномочия доступа подтверждены. Смена командного состава принята. Начало активации боевого резерва. Ждите».

* * *

Все происходило слишком стремительно, чтобы кто-то мог до конца прочувствовать всю остроту исторического момента.

Взгляд Горкалова неосознанно остановился на Шейле. Она сидела

напротив, неестественно выпрямившись в глубоком кресле, на ее щеке запеклась кровь от длинного пореза, на лбу виднелась глубокая ссадина, руки, которые лежали на полупрозрачной столешнице, были испачканы сажей. Она вымученно улыбнулась Илье, а в ее глазах читалась безмерная усталость и вопрос: что мы делаем тут, под землей?

Илья Андреевич лучше других понимал смысл происходящего. Он сцепил пальцы рук и произнес:

— Сейчас идет поиск всех консервационных складов и военно-космических баз, оставшихся со времен Конфедерации Солнц. Боюсь, что к сегодняшнему дню их уцелело совсем немного. — Он говорил сухо и напряженно. — Пока система работает в автоматическом режиме, у нас есть время, чтобы обсудить сложившееся положение вещей и выработать некоторые решения.

— Как мы можем принимать решения? — в наступившей тишине спросила Шейла. — По какому праву? — уточнила она свой вопрос.

— Мы реанимировали Военно-космические силы Конфедерации. Этот компьютерный комплекс гораздо проще включить, чем выключить, — констатировал Илья Андреевич. — На его консервацию ушли годы, на реанимацию — как видите, минуты. Это свойство всех боевых систем — они быстро пробуждаются, но тяжело засыпают. Для тебя, Шейла, поясню отдельно, — перед тобой лежит карточка, видишь?

Она кивнула, найдя взглядом невзрачный пластиковый прямоугольник, торчавший из прорези сканера.

— Теперь это *твоя* карточка доступа. Пользуясь ею и подтверждая свою личность сравнительным анализом ДНК, который производится автоматически при каждом касании сканера, ты можешь отдавать приказы автоматическим системам этого здания, а также компьютерам всех боевых единиц, которые будут пробуждены в процессе расконсервации резерва. Кибернетическая система генштаба передаст наши данные всем боевым единицам флота при их реактивации.

— То есть расконсервированные машины не станут слушать никого, кроме нас пятерых? — Шейла, глядя на Горкалова, не могла скрыть волнения.

— Абсолютно верно, — ответил он. — Пользуясь своими полномочиями, любой из нас может назначить старших офицеров, командиров кораблей и войсковых соединений, и тогда определенный процент техники отойдет в их подчинение. Таким образом в оперативном порядке может быть построена вертикальная структура управления любого уровня сложности.

— Но это… — Шейла продолжала растерянно смотреть на Илью, потом перевела взгляд на Лерватова, Скляра, Шермана, и каждый, не сговариваясь, утвердительно кивнул ей, как бы подтверждая: «да, ты случайно оказалась среди нас, но теперь ты заняла свое кресло уже не по стечению обстоятельств, а по праву».

— Я согласен, это чудовищная ответственность, — произнес Горкалов. — Но мы вынуждены принять ее…

Слова Ильи были прерваны сообщением системы:

«Не обнаружен стандартный передатчик гиперсферных частот. Прошу разрешить аварийный запуск разовых источников связи».

— Станция ГЧ Элио уничтожена противником, — произнес Горкалов, прочитав сообщение. — Нам нужно действовать быстрее. Прошло, — он взглянул на световое табло хронометра, — прошло уже сорок минут с момента, как мы отбили атаку. — Он обернулся к двум офицерам, которые, освободив кресла, все это время стояли за его спиной. — В каких подразделениях Конфедерации вы служили?

— Техническая поддержка, — ответил Робертс.

— Отлично. Сколько человек нужно, чтобы эффективно работать с системой планетарной обороны Элио?

— Вы имеете в виду старую систему Конфедерации? — спросил Звягинцев.

— Да. Все ее спутники были переданы в ведение структур планетарной самообороны, но программные коды управления ведь не менялись, верно?

— Да, их невозможно изменить. При передаче спутников была задействована резервная, не использовавшаяся в период Конфедерации система кодов, — подтвердил майор Робертс. — Я участвовал в этом процессе. Думаю, что двух десятков операторов будет достаточно.

Горкалов кивнул.

— Иван, — обратился он к Скляру. — Поднимись наверх и препроводи сюда нужное количество офицеров. Если кого-то знаешь лично, то отдавай им предпочтение. Мне непонятно замешательство противника… — признал он. — Нужно быстрее разобраться в ситуации и, перехватив инициативу, предупредить следующий удар…

* * *

Вопрос, который мучил Горкалова, имел очень простой ответ, но полковнику еще предстояло пережить немало страшных минут запредельного напряжения, прежде чем он поймет — почему атака на Элио

прекратилась так же внезапно, как началась.

Виной тому была физическая смерть двух гуманоидных существ, тела которых только что извлекли из воронки, высвободив их из покореженных обломков «Фалангеров»

Джон Шефорд, который, вопреки мрачному предчувствию Лерватова, не попытался ускользнуть, а принимал самое непосредственное участие в извлечении тел, сидел сейчас на краю темного провала и, тяжело дыша, смотрел, как пристегивают к полевым носилкам окровавленное тело существа, отдаленно напоминающего человека. «Все точно так, как в том сообщении с Воргейза…» — подумал он, глядя в искаженные черты мертвого лица, кожа которого имела ярко выраженный голубоватый оттенок.

Ни он, ни Горкалов, ни кто-либо другой не знали, что на самом деле разум этого гуманоида спустя несколько часов очнется в дрожащем от холода молодом и здоровом теле, за сотни световых лет отсюда, в Сердце Харма.

Голубокожий смеялся над собственной смертью, но никто не слышал его смеха…

* * *

Ситуация начала проясняться, когда заработали десять основных боевых постов Генштаба.

Тактический зал оживал, наполнялся жизнью вырванных из долгого сна электронных систем и напряженным звуком человеческих голосов.

Шейла, которой была совершенно чужда и непонятна эта пробуждающаяся на ее глазах жизнь, чувствовала себя пятым колесом в телеге. Получив неожиданный тайм-аут, она сидела и курила, глядя, как кибернетическая система генерального штаба выдает развертку тактических данных, транслируя их в окна четырех псевдомониторов, расположенных перед ней в толстом материале овальной столешницы.

Взгляд Горкалова несколько раз останавливался на девушке, но полковник воздержался от комментариев, понимая, что она, только что выйдя из своего первого боя, не в состоянии сейчас адекватно включиться в работу.

…Над их головами продолжала полыхать и рушиться столица Элио. Человеческий город-мегаполис обладал одним неоспоримым недостатком — за всеми своими плюсами и удобствами он не выдерживал никакой критики в плане обороноспособности, и сейчас, после разрушительных столкновений шагающих боевых машин, которые

сошлись в смертельной схватке на улицах его цоколя, Раворград продолжал содрогаться от цепной реакции локальных катастроф, вызванных разрушениями коммуникаций, обрывом энергомагистралей, ослаблением точно сбалансированных несущих конструкций.

В зал вошел вызванный Горкаловым лейтенант Сокура.

Он был бледен, но держался на удивление ровно, сохраняя самообладание.

— Николай, подойди сюда, — предупреждая его попытку отрапортовать, приказал Илья.

— Что наверху? — спросил он, устало массируя покрасневшие веки.

— Плохо. Пожары усиливаются. На улицах масса народа. Началась паника, все стремятся покинуть город.

— Разумно, — скупо ответил Горкалов. — Мне нужна информация по базе РТВ. Сколько машин находилось в боксах на момент вторжения?

Сокура нахмурился.

— Сэр, я только что говорил о людях, которые в панике пытаются покинуть город, — напомнил он.

— Николай, мы ничем не можем сейчас помочь им, — неестественно ровным тоном ответил Горкалов. — Отсюда, — он обвел жестом огромный зал, — можно контролировать ситуацию в отдаленных участках космоса, в лучшем случае, — в околопланетном пространстве Элио, но никак не в Раворграде.

— Тогда почему мы…

— Не выйдем на улицу? — Горкалов поймал взгляд лейтенанта и удержал его. — Потому что мы не имеем права на это, — продолжая смотреть в глаза Николаю, ответил он. — На нас напали извне, из космоса. Атака еще не отбита, и неизвестно, какой противник противостоит нам.

Скулы Николая обтянуло кожей.

— Да, сэр… Я понимаю…

— Под атакой не только Элио, Ник, а все Человечество. Да, мы можем выйти на улицу и попытаться спасти одного-двух человек, возможно, нам даже удастся вывести сотню людей в безопасное место, но что тогда будет вот с этим? — Илья постучал костяшками пальцев по глубинной поверхности пятиметрового стола-монитора, в объеме которого проецировался участок спирального рукава Галактики с яркими маркерами человеческих миров. — Станция ГЧ Элио уничтожена, мы потеряли связь с остальными мирами, но хуже всего то, что Элианский узел невозможно продублировать — он являлся основой основ, базовым узлом сети Интерстар, и вряд ли в ближайшие годы возникнет реальная возможность

собрать воедино разрушенный сегодня механизм виртуального единения планет…

Его монолог был прерван докладом с боевого поста:

— Система спутникового контроля переориентирована, сэр!

Это были хорошие новости. Прошло всего десять минут с того момента, как заработали компьютеры тактического зала, но Илья уже устал от ощущения собственной слепоты. Наконец они могли взглянуть на околопланетное пространство и непосредственно на поверхность Элио, пользуясь системами многочисленных орбитальных спутников.

— Внимание сюда… — приказал он, коснувшись нескольких сенсоров. Проекция спирального рукава Галактики исчезла, на ее место пришло схематическое изображение орбитальных конструкций, окружавших родную планету.

…Огромный клиновидный крейсер плыл в районе высоких орбит. Его корпус, лишенный габаритных и навигационных огней, казался темным и зловещим.

«Процесс: Сканирование», — высветил монитор.

Доклад боевой системы прошел во всеобщей напряженной тишине. Сейчас кибернетическая система генштаба Конфедерации, перехватившая при содействии операторов контроль над большинством спутников Элио, использовала все доступные средства, чтобы опознать корабль и по возможности выяснить его внутреннюю начинку.

Отчет по идентификации пришел быстрее, чем его ожидали окружившие центральный монитор офицеры.

«Крейсер „Орфей“, класс „Светоч“. Бортовое вооружение: пятнадцать истребителей класса „Фантом“, два штурмовых транспорта „Нибелунг“, ракетно-лазерные комплексы „Прайд“, главный калибр — аннигиляционная установка „Свет“.

Пропал двадцать лет назад при невыясненных обстоятельствах….»

Спину Горкалова прошиб холодный пот.

— Информация по Воргейзу полностью подтверждается… — в гробовой тишине произнес он, делая очевидный вывод из результатов сканирования.

В этих словах Горкалова было все — и невысказанные до конца при беседе с Шефордом опасения, сделанные на основе анализа исторической информации, и горечь по поводу справедливости собственного провидения, и боль, и злость на себя и тех чиновников, кто не только не смог

предупредить удар, но содействовал ему, провоцировал своими действиями…

Пока в его голове мелькали эти полуосознанные мысли, бесстрастная система продолжила доклад:

«…работает в полном автоматическом режиме. Наличие экипажа не обнаружено. Установка главного калибра продолжает накопление критической массы. Резерв времени на противодействие — семь минут».

Семь минут до удара по Элио аннигиляционной установки «Свет»!

* * *

В напряженной тишине зала звук тонового сигнала, который издавал мобильный коммуникатор Горкалова, когда он набирал цифры, показался всем оглушающе громким.

Все обернулись, глядя на полковника, который уже набрал номер и напряженно ждал ответа.

— Да? — раздался наконец голос, и Горкалов тут же узнал его. Именно этот человек разговаривал накануне с Шефордом, и именно он отдал приказ на физическое устранение Ильи Андреевича. Мысль, которая заставила Горкалова набрать этот номер, зафиксированный следящим устройством его ноутбука во время перехвата, была абсолютно справедливой.

— Это полковник Горкалов, — сухо представился он. — Я говорю из тактического зала генштаба Конфедерации.

На том конце связи несколько секунд висела тишина, затем голос резко ответил:

— Что за фокусы со спутниками, полковник? Вы перехватили систему управления…

— На орбите крейсер класса «Светоч», — оборвал его Горкалов. — На его борту заряжается аннигиляционная установка. У нас осталось шесть минут на противодействие.

— Ну так сбейте его! — в голосе, помимо издевки, прозвучал плохо скрытый страх.

— В моем распоряжении нет оперативных резервов! Система генштаба при консервации отрезана от функциональных боевых точек.

— Тогда, какого Фрайга, вы мне звоните, полковник? Хотите доказать, что еще живы?

— Мне нужны коды связи с пусковыми комплексами наземного и

орбитального базирования, — пропустив мимо ушей его слова, ответил Горкалов. Все движение в тактическом зале замерло. Двадцать пять офицеров, слушавших разговор по громкой связи, застыли в немом ожидании развязки.

— Страшно, полковник? Не хотите на тот свет?

— Господин министр, вы потеряли совесть, но не нужно терять остатки здравого смысла. Думаю, что братская могила вас не устраивает, так же, как меня. Передайте коды управления!

— Мне нужны гарантии личной безопасности.

— Вы их получите.

— Какие?

— К Фрайгу, генерал! — не выдержав, все же взорвался Горкалов. — Мне нет дела до твоей продажной шкуры, и перестань торговаться, как базарный дройд! Осталось пять минут. Или ты даешь мне коды, или…

— Принимай… И будь ты проклят!

Страх перед неизбежной смертью пересилил гордыню и амбиции. Генерал просто хотел жить, а туманное, неопределенное будущее показалось министру обороны Элио в этот миг предпочтительнее, чем неизбежная смерть через строго лимитированный отрезок времени.

Горкалов быстро записал продиктованные цифры и тут же обернулся.

— Вводите! Запуск по пеленгу немедленный!

* * *

— Убей бог, я не понимаю смысла этой акции… — Майор Шерман стоял на ступенях штаба Конфедерации Солнц, мрачно наблюдая, как в утренних небесах дождем падучих звезд сгорают обломки сбитого массированным ракетным ударом крейсера «Орфей». — Мы же нигде не переходили дорогу ни инсектам, ни этой гипотетической цивилизации!

— Она уже не гипотетическая, — в тон ему ответил Илья, указывая на два пристегнутых к носилкам трупа голубокожих гуманоидов. — Скляр, собери офицеров, — обернувшись, приказал он.

…Утро серело стылой полоской облачной зари. Свет пожаров пошел на убыль, осенний рассвет весьма кстати расплакался нудным дождем. Под влажной моросью на площади перед зданием генштаба Конфедерации Солнц выстроились четыре десятка человек.

«Хоплит» лейтенанта Сокуры, подвывая приводами, пересек площадь и остановился позади строя, возвышаясь над ним зловещим опаленным контуром. Влажная пелена дождя омывала свежие язвы на его броне, заставляя копоть сбегать по бронеплитам черными мутными ручейками.

Короткий седой ежик волос на голове Горкалова тоже был мокрым.

Он остановился перед строем, обвел долгим взглядом лица, словно пытался в этот момент заглянуть в души по большей части молодых и незнакомых ему людей, заметил Джона Шефорда, стоявшего во второй шеренге, нахмурился было, но потом мысленно махнул рукой, переключившись на более значимые, по его внутренним понятиям, вещи.

— Господа… — негромко заговорил он. — Система Элио атакована представителями чуждой, ранее неизвестной нам цивилизации гуманоидных существ. Я уже говорил некоторым офицерам, а теперь повторю всем — атаке подверглась не конкретно система нашей родной планеты, под ударом оказалось все Человечество. Именно поэтому я взял на себя ответственность и реанимировал остатки неразграбленного, избежавшего утилизации резерва Конфедерации Солнц. — Горкалов заложил руки за спину и медленно прошелся перед молчаливым строем. — Полчаса назад, после уничтожения крейсера «Орфей», который под командой вот таких голубокожих существ, — он указал на мокнущие под дождем трупы, пристегнутые к полевым носилкам, — вторгся в суверенное космическое пространство системы Элио, я произвел окончательную активацию резерва, позволив компьютеру генштаба использовать разовые устройства связи на гиперсферных частотах. Это приведет к тому, что остатки законсервированных боевых единиц Военно-космических сил Конфедерации Солнц покинут места консервационной парковки и в автоматическом режиме выйдут в указанную мной точку сбора. Это произойдет не ранее чем через пять стандартных элианских суток.

Горкалов остановил свой неторопливый шаг и вновь посмотрел на сосредоточенные лица слушавших его офицеров.

— Произведя глубинный анализ доступных тактических и разведывательных данных, аналитические программы генштаба, пользуясь предоставленной мною информацией, сделали следующие выводы:

— Первое. — Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел на молчаливый строй. — Акция противника на Элио была успешной. Уничтожена станция ГЧ, которая являлась объединяющим узлом для всей межзвездной связи.

Второе, — Горкалов говорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово, — наш противник не обладает техногенной мощью, сравнимой с накопленным потенциалом Человечества. Только такой расклад оправдывает сегодняшнюю акцию. У них был всего один корабль, и эти существа, используя фактор внезапности, а также преступную халатность некоторых высших чинов генералитета, произвели атаку, целью которой

было расчленить Человечество и захватить образцы снабженной программным обеспечением боевой техники, хранящейся на базах РТВ. Первое им удалось, попытка захвата машин была пресечена. Направление атаки на центр города показывает, что им известно о существовавшей двадцать лет назад Конфедерации Солнц и ее боевом резерве. Эта часть их акции также не увенчалась успехом.

И, наконец, третье, — не касаясь мотивов враждебных действий, а принимая к рассмотрению лишь ставшие уже известными факты, я могу предположить, что уничтожение «Орфея» поставило противника в затруднительное положение — у него нет кораблей, посредством которых он может нанести удары по остальным, не ключевым системам Человечества, но, по данным анализа, становится ясно, что эти существа получили доступ в наше пространство через древние, давно забытые стационарные системы гиперпространственной транспортировки, приемники которых расположены на неосвоенных территориях Сферы Дайсона. Исходя из этих посылок, нетрудно просчитать следующий шаг противника — им будет массированная атака на человеческие поселения Сферы, с целью захвата космических кораблей, оснащенных гипердрайвом. Если данная акция увенчается успехом, то Человечество будет поставлено на грань физического уничтожения, — в сложившихся условиях потери межзвездной связи мы не сможем предугадать, по какому из двухсот семнадцати миров будет нанесен очередной удар, а противник, более не ограниченный в пространственном перемещении, станет неуловим.

Горкалов на минуту прервал свою речь. Ему было тяжело говорить. Он слишком хорошо понимал, как много сейчас зависит именно от них — людей, которых, как он надеялся, собрала на этой площади не паника, а осознанное желание противодействия обрушившейся на Человечество беде.

— Я прошу каждого из вас подумать и сделать свой выбор, — глухим, чуть надтреснутым голосом произнес он. — Я принял на себя командование вновь формирующимися подразделениями Конфедерации и собираюсь востребовать назад все боевые машины с баз РТВ Элио, с тем, чтобы, пользуясь доступным межзвездным транспортом, совершить прыжок на координаты Сферы Дайсона. Со мной пойдут только те, кто сделает это добровольно. В Сферу, по моим данным, продано солидное количество машин класса «Фалангер», и эта акция сопряжена со смертельным риском. Полагаю, что расклад сил будет в пользу тройного перевеса механизированных соединений противника, но в стремительности наших действий кроется единственный шанс остановить врага и дать

возможность специалистам по ксенобиологическим формам жизни выяснить причину противоречия между нашими цивилизациями и предпринять попытку мирного выхода из сложившейся ситуации.

Горкалов на секунду умолк, а затем добавил:

— Те, кто решит влиться в состав формируемого механизированного батальона, пойдут на смерть, господа. Решение за вами. На размышление даю минуту.

Произнеся это, он отвернулся, глядя на далекие и бледные отсветы затухающих пожаров.

Первым из строя выступил Лерватов, за ним этот шаг повторили Шейла Норман и Скляр. Потом вперед, вместе с майором Шерманом, выступило еще несколько человек, среди которых, к удивлению Горкалова, оказался и Джон Шефорд, а уже за ним вперед шагнул весь строй, до единого человека.

Последним сделал шаг вперед тридцатитонный «Хоплит», которым управлял лейтенант Сокура.

* * *

Генри Валерайт добрался до космического порта, когда там уже закончилась зачистка. Он понятия не имел, кто и зачем обрушился на Элио, — в данный момент его интересовал лишь космический корабль — его личный транспорт «Игла», класса «Элизабет-Сигма», который накануне готовился к старту в одном из терминалов порта.

К неописуемому облегчению Генри, его корабль не только уцелел, но даже не был поврежден, хотя, как он справедливо предположил, о предстоящем рейсе надлежало забыть, — в том бардаке, который воцарился на территории пылающего мегаполиса, нечего было и думать, что его клиенты придут к назначенному времени старта. Более верным ему казался шанс, что удастся неплохо подзаработать на потоке эмигрантов, который наверняка теперь хлынет с Элио на иные миры.

Успокоившись на этой мысли, Генри стоял на ступенях трапа своего корабля, когда стеклобетон стартовой плиты заметно вздрогнул от тяжелой поступи чего-то огромного, обладающего неизмеримой мощью и чудовищным весом.

Обалдевший от своих переживаний хозяин «Иглы», открыв рот, смотрел, как из-за приземистого здания ближайшего терминала на погрузочную площадку перед его кораблем выходят четыре шагающие боевые машины — эти самые жуткие монстры, которые накануне ночью превратили в горящие руины несколько кварталов города-мегаполиса.

Боевые машины остановились метрах в десяти от опущенной погрузочной рампы и в днище одной из них открылся люк.

Оттуда упала веревочная лестница, и по ней спустился тот самый пожилой джентльмен, с которым Генри накануне договаривался о рейсе в Сферу Дайсона.

Он был облачен в боевой нейросенсорный костюм, на котором поблескивали знаки отличия полковника Военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Подойдя к подножию трапа, на верхней сгупеньке которого с отвисшей челюстью стоял хозяин корабля, он задрал голову и спросил:

— Мы не опоздали к погрузке?

Вопрос был идиотским, но ошеломление Генри оказалось столь велико, что он совершенно серьезно мотнул головой, — нет, не опоздали, а лишь потом, окончательно убедившись в реальности стоявших пред ним сервоприводных монстров, вдруг понял — они собираются лететь в Сферу на его корабле!

— Эй, я же говорил — не больше одного килограмма вещей! — все еще пребывая в замешательстве, воскликнул он, но полковник, посмотрев на него, ответил:

— Забудь, парень. Это наш багаж. Мы должны полететь туда, хочешь ты того или нет.

Часть 3. Clementia[13]

Глава 8

Окружающий мир на поверку всегда оказывается намного сложнее, чем он выглядит через узкую щель ненависти, горя и предубеждений…

Конвой состоял из пяти транспортов.

Первым в пространстве материализовалась «Игла», за ней проступили контуры двух захваченных в космопорту Элио «Нибелунгов», следом в бледной вспышке гиперперехода появились еще две «Элизабет-Сигмы» без названий, просто с серийными номерами на бортах.

Горкалов сидел в рубке управления «Иглы» рядом с Генри Валерайтом.

— Далеко от этой точки до освоенных территорий Сферы? — спросил он, глядя на фантастическую панораму, открывшуюся на экранах внешнего обзора.

— Километров семьсот по болотам, — ответил ему пилот, указывая на черное пятно, растекшееся внизу, будто асимметричная клякса. — Древний город инсектов, — прокомментировал он. — Их тут полно.

Горкалов кивнул. Добавить к этому скупому пояснению было попросту нечего, мир, распростершийся под ними, при первом свидании вызывал лишь одно чувство — потрясение.

Через минуту, когда угасло сияние гиперперехода, он понял, что сильно ошибся в первых ощущениях — на самом деле необъятное пространство Сферы не только лежало под ними, но и простиралось вокруг, нависая над кораблями туманным куполом, где над разводами облаков царили серые контуры опрокинутого кверху дном рельефа. Этот мир шокировал взгляд своей вопиющей чуждостью, необычностью ландшафтов, конструктивных решений и способов их исполнения.

Взгляд Горкалова остановился на веренице уходящих вдаль орбитальных плит, которые, паря над облаками, двигались уже вне границ размазанной по внутренней поверхности Сферы воздушной прослойки, отбрасывая на поверхность исполинские тени и обеспечивая тем самым резкую смену дня и ночи.

Сила тяготения на внутренней поверхности Сферы Дайсона создавалась за счет вращения конструкции вокруг своей оси. Именно поэтому расхожий термин «Сфера» не совсем соответствовал реальной

форме конструкции. На самом деле, основу циклопического мира составлял похожий на мяч для регби эллипсоид вращения, торцы которого оканчивались полусферическими заглушками. Следуя известным физическим законам, нетрудно было понять, что нормальное тяготение обеспечивалось по всей внутренней площади эллипсоидной части и уменьшалось, постепенно сходя на нет, в районе полусферических, лишенных воздуха полюсов. Орбитальные плиты, знаменующие смену дня и ночи, также двигались лишь над поверхностью средней части конструкции. Когда-то их плоскости, обращенные к тускло-красной звезде, были полностью покрыты элементами солнечных батарей, но за миллионы лет батареи выгорели, пришли в полную негодность, и теперь лишь в некоторых местах можно было заметить глянцевитый блеск чудом сохранившихся сегментов.

Пока Горкалов потрясенно созерцал открывшуюся ему панораму, Валерайт, которому этот фантастический вид уже успел приесться во время прошлых посещений, начал маневр снижения, привычно и уверенно направляя «Иглу» в огромный зазор между двумя орбитальными плитами.

— Приготовьтесь, полковник, — предупредил он. — Сейчас нырнем в тень, а там уже начнутся ваши проблемы.

— Не понял? — переспросил Горкалов, с трудом отрываясь от созерцания окрестностей.

— Думаете, те люди, что живут внизу, будут рады, когда им на голову опустятся пять кораблей, напичканных боевыми машинами? — пояснил свою тревогу Генри. — Нужно сказать, что поселенцы, обосновавшиеся на диких территориях Сферы, не обладают мягкостью характера, а их выборные руководители и того хлеще. Сливки общества, так сказать… — неприязненно предупредил он.

— Снижайся, — выслушав Валерайта, ответил Горкалов. — Главное — доставь нас на место, а остальное — не твоя забота.

* * *

Несанкционированные человеческие поселения Сферы, возникшие много лет назад, занимали крохотную, по сравнению с просторами болот, площадь неподалеку от древнего города инсектов — того самого, на который указывал с высоты Генри Валерайт.

Когда транспортный корабль коснулся своими опорами посадочной плиты примитивного космопорта, возведенного посреди скверно мелиорированных топей, Горкалов, взглянув на одно-, двухэтажные здания поселка, понял, почему люди избрали именно это место в близком

соседстве с древним городом-муравейником.

Они разбирали циклопическое сооружение инсектов, используя его черный материал для строительства домов, мощения дорог и возведения дамб.

Посадка пяти тяжелых транспортов, два из которых являлись узкоспециализированными штурмовыми носителями, предназначенными для доставки на планеты тяжелой робототехники, не могла пройти незамеченной, и Илья, появившись на верхней ступени трапа, спущенного вниз от главного шлюза «Иглы», увидел, что пространство посадочных плит окружено редкой цепью вооруженных поселенцев, державшихся на почтительном расстоянии от раскаленных корпусов космических кораблей.

Вокруг плавилось знойное марево перегретого воздуха, тихо потрескивала остывающая обшивка «Нибелунгов», тишина казалась глухой, ватной и недоброжелательной.

— Всем оставаться на местах, — произнес Горкалов в укрепленный у рта крошечный коммуникатор. — Группам прикрытия не начинать активных действий без указания. Мы не воюем с людьми.

Спустившись по трапу, Горкалов пошел к краю посадочной плиты, спиной ощущая струящийся от обшивки корабля жар. Увидев, что он идет один, от группы вооруженных людей отделилась высокая фигура в черном, развевающемся при ходьбе длиннополом плаще. Этот человек, вышедший навстречу Горкалову, поражал воображение еще издали — он был высок, сутул, кожа на его лице и руках отливала бронзовой чернотой, а шапочка курчавых, явно осветленных волос смотрелась на этом фоне, как дерзкая вольность, словно действительно бросала от имени хозяина вызов всему свету…

Он шел навстречу Горкалову абсолютно спокойно, в его руках не было оружия, и только полы плаща, распахиваясь при ходьбе, показывали наличие варварски изготовленного обреза — ствол и приклад общеармейского образца «ИМ-12» были урезаны ровно наполовину, что позволило хозяину этого экзотического оружия пристегнуть его к бедру.

— Что за дела, полковник? — без обиняков и приветствий произнес он, остановившись в двух метрах от Горкалова. Судя по обращению, он хорошо разбирался в званиях — скорее всего, служил когда-то в ВКС Конфедерации. — Мы ждали «Иглу», а остальные корабли никто не заказывал. Какого дьявола на моей территории садятся «Нибелунги»?

Илья Андреевич остановился напротив, спокойно поймал взгляд серых, льдисто-колючих, окаймленных нездоровой краснотой глаз собеседника, и как хороший психолог тут же прочел в них крайнюю

усталость и напряжение. «Этот человек в последнее время мало спал и пережил много неприятностей…» — подумалось ему.

— Дункан Фрост, если не ошибаюсь? — он протянул руку и представился: — Горкалов, можно просто Илья или полковник. Военно-космические силы Конфедерации Солнц.

Дункан с явным сомнением пожал его ладонь и спросил:

— Откуда вам известно мое имя?

— Мне его сообщил Генри Валерайт, пилот и хозяин «Иглы».

— Понятно… — Фрост вскинул взгляд на Горкалова и добавил: — Повторяю вопрос, полковник, — какого черта?

Илья Андреевич любил такую породу людей. Пусть Дункан производил впечатление человека неприятного, резкого, но за всем этим явно крылась натура логичная и цельная. Резкость в этом случае не являлась следствием дурного воспитания и низких моральных ценностей, а скорее объяснялась величиной и тяжестью проблем, с которыми постоянно сталкивался этот человек.

— Дункан, я не могу объяснить все в двух словах, — ответил Горкалов. — Вы видите на мне форму Конфедерации Солнц и думаете, что я — обломок прошлого, шатающийся по мирам в окружении банды неудачников?

Дункан криво усмехнулся, подтверждая, что слова Горкалова попали в точку. Он думал именно так.

— В Галактике произошли большие и неприятные перемены, Фрост. Я прилетел сюда не искать прибежища, не грабить, а защищать. Если вы в течение последней недели столкнулись с несвойственными колонии проблемами, то значит, мы прибыли вовремя…

По лицу Дункана скользнула тень удивления, даже можно сказать больше — его исказила гримаса мгновенного замешательства, граничащего с обыкновенным человеческим страхом. Замечание Горкалова опять попало в точку.

— Инсекты? — не дав ему опомниться, спросил Илья Андреевич, недвусмысленно кивнув в сторону наполовину стертого временем черного города-муравейника. — Они внезапно появились оттуда?

— Да… — ответил Дункан.

— Тогда нам есть о чем поговорить, Фрост.

* * *

Реанимированные порталы и территорию Сферы, заново освоенную людьми, разделяла болотистая равнина с редкими зарослями низкорослого

кривого кустарника, растущего на выступающих из заболоченной почвы буграх.

Дальше царила невысокая горная цепь. Создавая рельеф внутренней поверхности Сферы Дайсона, предки современных инсектов разделили ее пространство искусственно сформированными возвышенностями. Когда-то горные хребты, протянувшиеся параллельными полосами, служили не только желанию как-то разнообразить рельеф, они были созданы с более конкретной целью — для облегчения управления климатом. Искусственно возведенные горы являлись неодолимой преградой для воздушных масс, продвижение которых контролировалось при помощи огромных тоннелей, проложенных сквозь хребты на определенной высоте. Блокируя или же, наоборот — открывая их, управляющий Сферой фотонный мозг в прошлом мог осуществлять полный контроль над движением воздушных потоков.

Но это было три миллиона лет назад, а реальность дня сегодняшнего предлагала совершенно иную картину: то, что являлось когда-то плодородными сельскохозяйственными угодьями, теперь было затоплено водой из мелководных океанов, которые еще в древности прорвали разрушающиеся дамбы и разлились на сотни тысяч квадратных километров.

Топкие, болотистые равнины вплотную подходили к подножию горных хребтов, материал которых, несмотря на свою кажущуюся прочность, все же поддался неторопливому напору времени, — однообразные возвышенности теперь полностью оправдывали привычное для человека понятие «горы». Они приобрели неповторимый рельеф, — ветер, вода и годовые перепады температур, вкупе с неумолимым временем, сделали свою работу, разрушив старые очертания и породив новые. Тоннели, в прошлом регулировавшие перемещения воздушных масс, существовали и поныне, но большая часть из них обрушилась, образовав труднопроходимые, заваленные обломками ущелья, а те, что держались до сих пор, превратились в совершенно гиблые места: ветер дул сквозь эти трубы, проносясь по ним с неистовой скоростью, порой достигавшей нескольких сот километров в час.

— Вот это место… — Дункан легко сбежал по откинувшемуся пандусу десантной рампы «БМК», указывая на изрезанные эрозией горные вершины, разрушенный, фактически стертый безжалостным временем город инсектов у подножия горного склона, осыпавшуюся набережную не существующего ныне озера и две дороги, которые вели от болотистой равнины через хребет, по ту сторону спускаясь к человеческим поселениям Сферы Дайсона.

Горкалов осмотрелся.

— Это точно единственный путь? — все же переспросил он, окинув взглядом причудливо выветренные склоны, тут и там прорезанные извилистыми отпечатками русел, по которым в определенное время года вниз сбегали потоки талых вод.

— Наземная техника сможет пройти только тут, — подтвердил Дункан. Ветер, дувший со стороны болот, лениво шевелил распахнутые полы его черного плаща. — Эти две дороги единственные, что сохранились на протяжении пяти тысяч километров. Остальные либо обвалились, превратившись в ущелья, либо завалены оползнями.

Илья поднял электронный бинокль и долго пристально разглядывал горы.

— А по ущельям можно пройти? — наконец спросил он, опуская электронный прибор.

— Нет, — уверенно ответил Дункан. — Основу этих гор составляет пластик. Он плохо поддается еетественной эрозии, но зато не выдерживает перепадов температур, которые возникли после утраты контроля над климатом. Ущелья, в основном, образовались на месте тоннелей, и они завалены огромными обломками — пластик иногда трескается на глубину в несколько километров, таким образом появляются расселины, а более мелкие трещины откалывают целые глыбы. Они лежат, нагроможденные друг на друга, чаще всего — в шатком равновесии. Попробуй тронь — беды не оберешься… — криво усмехнулся он. — Проверено, причем неоднократно.

Горкалов, внимательно выслушав пояснения, присел на скат лобовой брони «БМК».

— Значит, встречать их следует тут?

Дункан откровенно пожал плечами.

— По моим представлениям, да, — твердо ответил он. — Сколько у них машин, полковник?

— Неизвестно. — Горкалов поморщился. — Никто не смог найти документы по экспорту.

— А у нас?

— У нас двадцать семь, не считая твои «БМК».

— А с той стороны? — Дункан кивнул на горы, подразумевая человеческие поселения за ними.

— Мы не успеем ничего подтянуть оттуда, — устало ответил ему Горкалов. — Пошлем, конечно, человека, но… — он хлопнул ладонью по колену, будто этим жестом хотел поставить для себя точку в сомнениях, —

нечего ждать чуда, нужно надеяться на самих себя. После Элио они обязательно ударят по колонии Сферы, это очевидно.

Дункан покачал головой, глядя на Горкалова.

— Мне лично совсем не очевидно… — буркнул он. — Сфера огромна, порталов по ее поверхности может быть разбросано сколько угодно, в любых местах.

— Да, — согласился Илья.

— Тогда почему здесь? Почему именно с этой стороны?

— Это подсказывает здравый смысл, — ответил Горкалов, присев на древний парапет набережной, выступающий едва ли на полметра из-под наносов почвы. — Я изучал Сферу, — пояснил он. — Ты знаком с историей возникновения первой человеческой колонии, основанной за этим хребтом около тысячи лет назад?

— Нет, — признался Дункан.

— Я расскажу тебе в общих чертах, — сказал Горкалов, доставая сигарету. — Она появилась сразу после Первой галактической войны. Не все люди из числа колонистов хотели воевать против прародины, защищая суверенитет своих миров. — Горкалов прикурил и протянул сигареты Фросту. — Они переоборудовали одну из огромных орбитальных станций системы Элио и запустили это сооружение в полет, не пользуясь гипердрайвом, а двигаясь в трехмерном континууме. Они хотели бежать от войны, но им не удалось это сделать — в какой-то момент станцию обнаружил Третий ударный флот адмирала Надырова, и она была атакована. Ее экипаж защищался, но в результате схватки практически все погибли, системы «Звездной Крепости» вышли из строя, а сама станция канула в пучинах космоса, следуя курсом неуправляемого дрейфа.

— И что дальше? — спросил Дункан, которого заинтриговали изложенные Горкаловым факты. — Ее нашли потом?

— Да, — ответил Илья Андреевич. — Два человека, мальчик и девочка, выросшие на кладбище кораблей, оставшемся после войны, нашли «Звездную Крепость». С ними был еще дройд, которого звали Андор. Они отыскали станцию и, проникнув внутрь, обнаружили, что один из криогенных залов все еще работает, а в камерах низкотемпературного сна лежат дети… — Горкалов глубоко затянулся и добавил:

— Станция к тому времени уже достигла окраины Рукава Пустоты. Она была неуправляема, и они, пытаясь спасти спящих детей, начали искать выход — куда их можно эвакуировать. Эти поиски и помогли им обнаружить Сферу.

— А как попали они внутрь, если станция не была снабжена

гиперприводом? — спросил Фрост.

— В ответе на этот вопрос как раз и кроется моя сегодняшняя логика, — ответил ему Илья. — Дело в том, что равнина, лежащая за этим хребтом, ранее была полностью непригодна для жизни, по той причине, что за параллельным горным массивом, ограничивающим равнину с противоположной стороны, в обшивке Сферы зияла дыра. Через нее первые люди и попали на внутреннюю поверхность этого сооружения. Освоенная на сегодняшний день территория в ту пору была покрыта панцирем кислородного льда и фактически лишена воздуха. На этом участке Сферы шли очень сложные процессы — воздух то замерзал, то испарялся вновь под влиянием тепла самой конструкции, часть атмосферы при этом неизбежно истекала в дыру. Но самое неприятное для первых поселенцев заключалось в том, что вот на этой территории, — он указал на простирающиеся вокруг болота, — в ту пору обитали деградировавшие кочевые племена инсектов.

Горкалов немного помолчал, созерцая окрестности, а затем продолжил:

— Основателей колонии Сферы звали Семен и Яна. Семен был внуком знаменитого адмирала Воронцова. По злой иронии судьбы дети выросли на кладбище погибших кораблей. Они не хотели ни с кем воевать, — достаточно хлебнув горя в детстве, они мечтали основать мир без войн и насилия.

— И каким образом они вышли из положения? — спросил Фрост, которому исторический экскурс хоть и был интересен, но казался несколько неуместным в сегодняшней напряженной ситуации.

— Им удалось понять, как функционируют горные тоннели и перекрыть их со стороны противоположного хребта, то есть изолировать место, где была нарушена обшивка Сферы. Воздух перестал уходить с равнины, а космический холод — проникать на ее территорию. Произошло таяние кислородных ледников, и в результате — люди получили в свое распоряжение не занятое никем, а главное — незаболоченное пространство, которое известно сегодня, как основная территория расселения людей.

— То есть, с той стороны, за противоположным хребтом, колонию защищает мертвое пространство и вакуум?

— Почти что так. Дыру уже начали заделывать, при содействии столь ненавистного тебе Интеллекта, но подобраться к человеческой территории оттуда до сих пор является сверхзадачей. Поэтому я и предположил, что они пойдут здесь. Им нужны космические корабли, а после неудачной

атаки на Элио захватить их они смогут только здесь, в Сфере.

Дункан согласно кивнул и тут же хмуро переспросил:

— Что ты собираешься делать в связи с этим?

— Не я, а мы… — жестко ответил Илья. — Встанем тут и будем драться. Насмерть.

Глаза Дункана сузились.

— Ты предлагаешь мне роль пробки в горлышке этой бутылки? Они продались этому Интеллекту, а я со своими людьми теперь должен…

— Там тоже люди, — махнув рукой в сторону хребта, оборвал его Илья. — Нет времени на обиды, Фрост.

— То есть как, нет времени? — вызывающе спросил Дункан.

— Война. — Горкалов не сказал — отрезал это слово, как ломоть. — Война на уничтожение. Никто ни хрена не понимает, все в шоке, а они идут… Ты закрой глаза, сосчитай до десяти, успокойся и пойми — те, кто живет за горами, не сдали Сферу Интеллекту, как ты думаешь, — они пытались сотрудничать с ним на принципах гуманизма и исторической справедливости, понимаешь?

— Нет, не понимаю.

Горкалов сокрушенно покачал головой.

— Ну и не надо, — внезапно проронил он. — Тут нечего понимать. Нет времени на это. У наших противников — шагающие машины и неистовое, какое-то иррациональное стремление стереть нас в порошок. А у меня единственный выход: заткнуть вот это, как ты выразился, горлышко, и не пустить врага в колонию Сферы, по возможности отбив в бою максимум проданной им техники. — Илья глубоко затянулся, ощущая уже не вкус дыма, а лишь горечь во рту, и добавил:

— Потом дойдет черед и до Интеллекта, не волнуйся. И до тех, кто стоит за всем этим, и с нашей, и с их стороны. Но там, — он кивнул на горы, — там люди. Плохие ли, хорошие, судить не буду. Мне достаточно того, что они есть. А на болотах — машины, которые, дай им волю добраться до межзвездных кораблей с гипердрайвом, сотрут не только эту колонию, а еще десятки других, если не все Человечество. Поэтому выбора, по сути, у нас нет.

— Откуда ты, полковник, взялся такой правильный? — Фрост не удержался, в сердцах сплюнув в болотную жижу, плескавшуюся у его ног. — Одни кормят врагов запрещенными технологиями, а ты пришел исправлять ошибки своей и моей кровью?!

— Выходит, так.

— А почему?! — не унимался Дункан. — Во имя какой, извини, идеи?

— Нет тут никаких идей. Время такое пришло — разбрасывать камни. Ты человек, я человек, за горами люди. А вокруг — чужой мир. И этот мир хочет сожрать нас. Мне этого вполне достаточно. Если не согласен со мной, — уходи, неволить не стану. Показал тонкое место, — и на том спасибо. А мы здесь встанем.

Дункан прищурился, глядя на него, а потом покачал головой:

— Шальной ты, полковник, — вздохнул он. — Жизни своей, что ли, не жалко?

Илья Андреевич не ответил. Долго смотрел на горы, потом перевел взгляд к болотам, над которыми вилось туманное марево испарений.

— Жить я хочу не меньше, чем другие, — наконец произнес он, делая последнюю глубокую затяжку и отбрасывая в сторону окурок. — Это внутри… — тихо, но внятно добавил он. — Просто понимаешь, что никто, кроме тебя, не встанет здесь, и оттого идешь. Этого не объяснить… Эй, ты куда?

Дункан не обернулся. Просунув голову в кабину «БМК», он вытащил мобильный коммуникатор.

— Я не решаю таких вопросов в одиночку, — повернувшись к Горкалову, пояснил он. — Сейчас свяжусь со своими, укажу место сбора. Кто захочет, тот останется. Кто нет, — уйдет за хребет или куда-нибудь еще. Сфера большая, а у нас демократия, — не то усмехнулся, не то оскалился он.

— А ты? — взглянув на него исподлобья, спросил Горкалов.

— А я не люблю инсектов. Мне все одно, где с ними драться.

* * *

Время разбрасывать камни…

Накануне боя, когда уже ничего нельзя кардинально изменить, а остается самое мучительное — ждать, Горкалов позволил себе задуматься над смыслом оброненной им же фразы.

До этого момента он был вынужден подчиняться стремительным событиям, но сейчас, в минуту затишья перед бурей, от мыслей уже не уйти…

Командиру всегда тяжелее, чем остальным. Жуткое это право — посылать людей на смерть, приказывать им: «Умри, но сделай». Илья всегда считал себя реалистом и не стал сегодня изменять внутренним привычкам. Он понимал, бой предстоит жестокий.

…Поднявшись по пологому откосу, поросшему цепкой травой, которая пробивалась из трещин, подставляя легкому предзакатному ветерку

свои тонкие бледно-желтые стебельки, он сел на глыбу окаменевшего пластика, которая из-за поросли вездесущего мха казалась настоящим валуном, и окинул долгим придирчивым взглядом позиции своего механизированного батальона.

Несмотря на утверждения Дункана, материал, из которого инсекты возвели горы, оказался намного менее податливым, чем можно было предположить, глядя на следы миллионолетней эрозии. Счетверенные лазерные установки не смогли прорезать его толщу на желаемую глубину, и капониры для шагающих машин пришлось выдалбливать выстрелами из автоматических пушек «Фалангеров».

«Какой гениальный был мир…» — подумал Илья, глядя на закругляющийся кверху горизонт. Жутковато было смотреть, как болотистая равнина, прежде чем исчезнуть в туманной дымке, полого вздымается вверх, к багряным небесам.

«Жаль, что я пришел сюда как солдат, а не как исследователь…»

— Командир… — раздался совсем рядом голос Шейлы, и он услышал звук ее шагов, сопровождаемый шелестом осыпающегося пластикового гравия.

— Я же приказал, всем отдыхать, кроме дежурной смены!

Притворный гнев Горкалова не смутил Шейлу. Она протянула руку, и Илье волей-неволей пришлось помочь ей вскарабкаться на откос.

— Ну? Почему не выполняешь приказ?

Она виновато улыбнулась и села рядом.

— Не спится. Мне кажется в такой час спать — это кощунство.

— Почему? — нахмурился Илья.

— А вдруг убьют? — тихо сказала она и тут же рассмеялась, не давая ему ответить. — Я не боюсь… Просто подумала, вдруг со мной или с тобой что-то случится, а я просплю перед боем, так и не сказав ничего?.. Главного.

— Это ты о чем?

— Да так… — девушка подняла руку, машинально коснувшись розовой отметины, оставшейся на лбу после глубокого пореза. Ей вдруг вспомнился космопорт Элио и инсект, которого она застрелила, выходя из зоны пакгаузов. — Я тогда здорово испугалась… — призналась Шейла. — Первый раз пришлось убить… Он упал… Стал дергать лапами, а я стою, и мне его жалко, представляешь? Глупо ведь как!.. Я должна их ненавидеть, а мне было жалко… Скажи, а ты их ненавидишь?

— Нет, — ответил Илья. — Они не виноваты.

— То есть как?! — вскинула голову девушка.

— Очень просто. Посмотри вокруг, — он взял Шейлу за плечи и осторожно развернул так, чтобы ей стал виден и опрокинутый, закругляющийся кверху горизонт, и горячечный шар кроваво-красной звезды, и тени исполинских орбитальных плит, медленно надвигающиеся на позиции батальона. — Красиво, правда?

— Тебе нравится? — удивилась Шейла.

— Да, — ответил Горкалов. — Этот мир не могли построить существа, сообщество которых сплошь состоит из убийц. Здесь, даже три миллиона лет спустя, чувствуется гармония, эстетика, хотя истинного облика Сферы, какой она была спроектирована, мы, наверное, никогда не увидим.

Шейла задумалась над его словами. Горкалов ждал, что она что-нибудь ответит, возразит, но девушка молчала.

— В мире много жестокости, — сухо произнес Илья, не дождавшись никаких комментариев. — Вселенная таит бесчисленное количество опасностей, враждебных жизненных форм, неудобных или даже смертельных физических явлений, но это не значит, что мы должны возненавидеть окружающее нас мироздание.

— Илья, ты любуешься Сферой, говоришь такие вещи, а ведь Элио в руинах, там погибли люди…

— Я помню об этом. И потому я здесь. — Горкалов посмотрел себе под ноги и потянулся за сигаретами. — Мир гораздо сложнее, чем он кажется порой, через узкую щель ненависти и горя… — В словах Горкалова внезапно прозвучала тоска, и Шейла хоть и вздрогнула от резкой смены интонаций, но не сумела разгадать потаенных чувств застывшего рядом с ней Ильи.

На самом деле, глядя на далекий туманный горизонт Сферы, Илья Андреевич думал сейчас о девушке. Он понимал, что в груди Шейлы затаилось невысказанное чувство, и как человеку, мужчине, ему льстило это внимание. Горкалова, несмотря на годы, притягивал блеск ее глаз, но каждый раз полковник мысленно одергивал себя у роковой черты, и дело тут было не в солидной разнице возраста и даже не в том, что Шейла носила фамилию Норман…

Нет… Она нравилась ему — упрямая, решительная, красивая, но Илья слишком хорошо знал, как быстро вспыхивают на войне эти глубокие порывистые чувства, когда смерть тяжким призраком бродит рядом, обостряя их, заставляя выплескиваться в безудержных, сумасшедших порывах страсти…

Он не хотел, чтобы Шейла, очнувшись одним ясным послевоенным

утром, внезапно поняла, что совершила ошибку, приняла бремя, которое теперь придется нести…

Нет. Горкалов осознавал сиюминутную жестокость собственных мыслей, но опять повторил — нет. За шаг до смерти — не стану, как бы ни тянуло, ни влекло друг к другу… Закончится все, найдем время остановиться, взглянуть друг другу в глаза — тогда так тому и быть…

— Помнишь, что я говорил о Логрисе? — вырвавшись из омута собственных мыслей и чувств, неожиданно спросил Илья.

— Да, — ответила Шейла.

— Так вот… — Он прикурил. — Мне кажется, я разгадал смысл происходящего. С нами развязали войну не инсекты, не логриане и даже не эти голубокожие…

— А кто же тогда? — Шейла удивленно вскинула голову.

— Пока мы летели сюда, я еще раз перечитал отчет лейтенанта Стриммер, потом освежил в памяти известные мне легенды инсектов и наконец вернулся к тому, с чего начал, — к этому Логру, который не так давно попал в мои руки.

Она недоверчиво посмотрела на него, и Илье пришлось пояснить:

— Я говорю о маленьком кристалле, частице сверхмашины логриан.

— А, ты об этом… — вспомнив, кивнула она, неосознанно теребя в пальцах неприкуренную сигарету. — И что ты понял?

Илья щелкнул зажигалкой, протянул ей трепещущий огонек и пояснил:

— Логрис, по преданиям инсектов, был разрушен. Где-то в Рукаве Пустоты до сих пор кружат его обломки — миллиарды кристаллов с записью личностей логриан, — своеобразная форма гибели великого разума. Я долго думал, зачем нужно было уничтожать Логрис? Предания инсектов утверждают, что он вдруг стал агрессивен, начал переделывать планеты по собственному разумению и тогда логриане были вынуждены уничтожить его… Они решили улететь в иные пределы, подальше от своего уникального детища и наступающих Предтеч. — Илья хмыкнул в ответ собственным мыслям. — С какой целью? — задал он вслух беспокоящий его вопрос. — Чтобы стать покорными рабами расы голубокожих?

— Не знаю… — пожала плечами Шейла. — Ты же говорил, что они боялись миграции Предтеч. Ими правил страх, — это твои слова.

— Да. И я не отказываюсь от них. Но то, что я узнал о Логрисе, никак не подходит под определение «свихнувшейся машины». Он так же, как наша Сеть, был машиной мыслящей, причем мыслящей логично, так зачем его уничтожать, сплавлять в единый ком титанические усилия многих

поколений?

— У меня нет ответа, — покачала головой Шейла. Горкалов глубоко затянулся.

— Его боялись, — сам ответил он на только что поставленный вопрос. — Не логриане, конечно, а те, кто их принял. Мне кажется, что раса голубокожих, или *харамминов*, как называет их лейтенант Стриммер в своем отчете, хоть и колонизировала какое-то количество звезд скопления, но не была сильно продвинутой цивилизацией в плане интеллектуального и технического развития. Они очень похожи на нас, на Человечество в веке двадцать втором — алчущее, ищущее, перенаселенное, злое — но мы развились, сумели пройти через гиперсферу, пережить две галактические войны, вырасти над собой, стать наконец галактической цивилизацией, а им в такой темный, кризисный момент развития свалились на голову сначала инсекты, бежавшие из Сферы, а затем и логриане со своими чудо-технологиями.

Илья на минуту умолк, а затем продолжил, выбросив окурок:

— Что такое Логрис? Это не только огромная машина, которая сродни нашему сетевому единению компьютеров, прежде всего он — банк личностей, виртуальная среда обитания закончивших свой жизненный путь логриан.

— Пресловутая вечная жизнь? — усмехнулась Шейла.

— А ты не смейся, — одернул ее Горкалов. — Я не сомневаюсь, что часть носителей Логриса была предложена голубокожим хозяевам скопления в качестве платы за приют, — вот только они к тому моменту еще не развились настолько, чтобы принять этот дар. Они хотели властвовать, править, жить вечно, а каноны Логриса однозначно запрещали повторные реинкарнации. Основной постулат Логриса, если я правильно его понял, гласит: после физической смерти сознанию почившего существа может быть предоставлена только виртуальная жизнь. А теперь скажи, разве хозяин любит умных рабов? Представь себе человека века двадцатого, пусть даже двадцать второго, который не смог стать гармоничной личностью из-за постоянных войн, перенаселения, экономических и социальных неурядиц… Представь, он умирает, и его душу помещают в банк данных — виртуальную среду, где обитают мудрые, гармоничные, совершенно не агрессивные логриане? Эта среда покажется человеку такой чуждой, притянутой за уши, ему будет тяжело там, а ведь он знает, что логриане в силах вернуть ему реальное физическое тело, здоровое, молодое, но такая операция категорически запрещена.

— Ты думаешь они уничтожили Логрис намеренно?

— Я уверен в этом, Шейла. Они хотели жить вечно и силой вырвали технологии клонирования и перезаписи сознания на новый носитель у мудрых, но трусоватых логриан, а когда получили искомое, то Логрис стал для них помехой, постоянной угрозой, — ведь он, ко всему прочему, — мыслящая машина, не обладающая робостью своих создателей.

— Невероятно… Илья, ты говоришь такие вещи, что с тобой трудно спорить, но и понять тебя нелегко… Скажи, ты все придумал сам?

— Ну вот, и ты заговорила, как Шефорд. Нет, ничего я не придумывал. Лейтенант Стриммер столкнулась на Воргейзе с голубокожим гуманоидом, который называл себя бессмертным и смеялся ей в лицо, зная, что убить его невозможно — он просто очнется в новом теле за сотни световых лет от места гибели. Я поверил этому и сразу вспомнил строку из расшифрованного вступления в Логрис:

— «…не дай загнать себя в ловушку Вечности. Оставаясь в тесной связи с миром физическим — там, где царит теория окончательности, ты погибнешь, твоя душа измельчает, изотрется и умрет. Ты принесешь горе, и горек будешь сам», — процитировал Илья Андреевич и искоса посмотрел на Шейлу. — Теперь понятно?

— Да, — немного подумав, призналась она. — Они попались в эту ловушку? Стали жестокими и циничными из-за своей неизмеримой старости? Потому и нарушили все договоренности, превратили в рабов и логриан, и инсектов?

— Скорее всего. — Горкалов встал, скрестив руки на груди. Его взгляд скользил по окрестностям, которые медленно погружались в багряные сумерки ночи. — Вселенная слишком сложна, чтобы ее можно было постичь одним махом и разграничить — вот друг, а вот враг, тебе жить, а тебе умереть. Сегодня, в частности, здесь, — да. Но в общем, я бы не стал судить так конкретно. Я еще ни в чем окончательно не уверен, но мне кажется, что мы воюем не с инсектами, не с логрианами, и даже не с цивилизацией Харамина, — нас столкнули лбами эти бессмертные, которые привыкли загребать жар чужими руками. Им выгодно, чтобы мы перебили друг друга, а потом придут они и установят на разоренном войной пространстве свой закон.

— И что ты думаешь делать, Илья? — тихо спросила его Шейла.

Горкалов обернулся, внимательно посмотрев на нее с отеческой нежностью в безумно усталых глазах.

— Мы должны быть беспощадны к врагам, пытающимся истребить нас, но милосердны к побежденным. Только в этом случае мы сможем и дальше называть себя галактической расой. Иначе нельзя, Шейла. Есть

время разбрасывать камни, но за ним неизбежно настанет черед собирать их. Мы должны выстоять здесь и сейчас, чтобы разрушить все планы противника, спасти себя и остальных от безумной бойни. А если выстоим — тогда и придет черед подумать и ответить на вопрос: кто понесет ответственность за сегодняшние утраты?

* * *

Орбитальная плита уже полностью затмила собой солнце, когда в воцарившемся мраке, километрах в двадцати от замаскированных позиций батальона, беззвучно сверкнуло несколько частых, повторяющихся вспышек.

Горкалов резко обернулся.

— Похоже, начинается…

Он не ошибся. В той стороне, откуда пришел отсвет, в багряно-черное небо взвилась зеленая сигнальная ракета.

* * *

— По машинам! По машинам!!!

Этот крик будил тех немногих счастливцев, кому удалось вздремнуть в преддверии боя, но большинство бойцов оставались на ногах к тому моменту, как в небесах вспыхнула зеленая ракета, оповестившая, что патруль на болотах вступил в огневой контакт с противником.

— Координатор, связь с патрулем! — Илья решил, что руководить боем из рубки «Фалангера» будет сподручнее, и потому оставил на КП Лерватова, который имел опыт координационных действий.

— Связь отсутствует. — Голос Дмитрия был сух и напряжен.

— В чем дело? Докладывай!

— Их слишком много. «Хоплит» успел передать девятнадцать секунд телеметрии, прежде чем его сожгли…

— Пилот катапультировался?

— Нет.

Весть о первой потере неприятно ударила по натянутым нервам.

— Кто это был?

— Тименов.

Горкалов скрипнул зубами. Он хорошо знал этого пилота.

— Так, я понял, а теперь докладывай, сколько их? — приказав заткнуться своим чувствам, спросил Илья.

— Фрагмент телеметрии расшифрован на девяносто четыре сигнала, командир… Это все, что успели зафиксировать сенсоры «Хоплита».

Илья вставил руки в захваты пилот-ложемента.
— Класс машин? — осведомился он.
— «Призраки», — ответил Лерватов. Горкалова передернуло.
Призраки… Илья сам распорядился называть так «Фалангеров» противника, чтобы не возникло неразберихи в бою, когда доклады посыпятся один за другим, и, если пользоваться одинаковой терминологией, то уже через минуту не разберешь, о ком тебе сообщают.
«Нам будет не просто трудно…» — подумалось ему в этот миг.
— Он успел отсканировать хоть одну рубку?
— Да.
— Кто в пилот-ложементах?
— Гуманоиды. Очень похожи на нас, хотя судить однозначно не возьмусь — слишком мал фрагмент.
— Хорошо. Сообщи командирам взводов — всем держать позиции. Чтоб ни одна машина не вышла из капонира раньше условного сигнала.
— Принято.
Горкалов посмотрел на приборы. Его «Фалангер» уже закончил тестирование систем.

Готовность.
Готовность.
Готовность.

Сообщения кибернетической системы звучали как заклинание, последняя молитва перед боем.
Все индикаторы горели изумрудно-зеленым.

Правое орудие — тест пройден, перезарядка окончена.
Левое орудие — тест пройден…

Значит, в рубках гуманоиды… Что ж, сейчас станет ясно, на что вы годитесь.
В распоряжении полковника было двенадцать «Фалангеров», девять… нет, теперь уже восемь «Хоплитов» и шесть «Воронов»…
Фактически — ничто против сотни машин тяжелого класса, но Илья не позволил червячку сомнения вползти в душу, — мощь назревающего противостояния соизмерялась сейчас не соотношением тонн, а мастерством пилотов, выдержкой, и главное — правотой.
На чьей стороне правда, тот и сильнее. Этот постулат был проверен временем и кровью.

Его рука неосознанно потянулась к открытому гнезду кристаллопроектора.

Сокура выполнил свое обещание, и рубку «Фалангера», вслед за щелчком заглотившего кристаллодиск привода, наполнили тихие, печальные, прошедшие сквозь мрак тысячелетий и бездну парсек звуки.

Спину полковника внезапно продрал озноб.

Он машинально увеличил громкость и, подчиняясь внутреннему наитию, включил аудиосистему своей боевой машины на открытую радиочастоту.

В первый момент он даже устыдился такого внезапного порыва, но звуки уже росли, крепли, они разливались в багряной ночи чуждого человеку мира, и Горкалов по каналам видеосвязи смог заметить, как пилоты, напряженно ожидающие приказов, удивленно поднимают глаза от приборов, кто-то стукнул себя рукой по шлему, пытаясь понять, что за внезапный фон начала выдавать радиосвязь на командной частоте, лишь Сокура в рубке своего «Хоплита» молча поднял большой палец правой руки, отдавая этим жестом дань полковнику Горкалову, как командиру и человеку.

Наступающие «Призраки» внезапно приостановились.

Пилоты врага не могли понять — что это за нарастающие грозные звуки несет ночной эфир.

Восстанут павшие…

Не важно, что в сегодняшней интерпретации вступивший в органную мелодию хор имел мало общего с оригиналом, звучавшим некогда под сводами кафедральных соборов Земли, — многократно обработанная, осененная веяниями времен, эта мелодия древнего гимна заставляла забыть о различиях религиозных конфессий, церквях-сестрах, что таят злобу друг на друга, о разнице в обрядах и канонах. Даже о своем врожденном атеизме, преданности единственному божеству — логике, и то удалось забыть, потому что человеку в такие моменты обязательно нужно во что-то верить. Если нет в сознании ничего святого, что тревожило бы душу в смертный миг запредельного напряжения перед боем, значит, ты уже умер.

Машины противника через несколько секунд возобновили движение.

— Всем приготовиться… — сухо произнес Горкалов. — Ракетным комплексам «Фалангеров» и «Хоплитов» — режим залпового огня. Первый пуск по команде с КП.

* * *

Они приближались.

С дистанции в десять километров начали поступать первые данные от сенсоров, заблаговременно расположенных высоко в горах. От них не могло укрыться продвижение противника, и на тактическом дисплее в рубке командирского «Фалангера» один за другим начали появляться группы кроваво-красных сигналов.

Илья молча наблюдал за ними, одновременно выслушивая доклады:

— Внимание, термальная активность, девять километров, группа из пятнадцати машин, класс прежний.

— Это Сокура. Вижу двадцать четыре сигнала на правом фланге, командир. Дистанция семь восемьсот.

— Всем переключить системы наведения ракетных комплексов на данные с КП! — приказал Илья, глядя, как движется по экрану изогнутый дугой вал, состоящий из сотни с лишним сигналов.

— Шефорд, ты видишь их?

Несколько секунд тишины, потом в коммуникаторе раздался ответ:

— Да… командир.

— Прошлого нет, Джон. Ты сделал свой выбор.

— Я помню.

— Тогда — удачи.

Горкалов переключил канал связи.

— Дима, что у тебя?

— Предварительные данные наводки есть. Дистанция еще слишком большая.

— Тяни. Мы должны ударить наверняка.

— Сделаю.

Щелчок.

— Всем намотать нервы на кулак. Залп только по команде с КП!

В скупо освещенных капонирах ворочались в этот момент смутные, зловещие контуры затаившихся боевых машин. Сторожкую ночную тишину нарушал утробный вой выдвигающихся гидравлических упоров, нервно взвизгивали сервоприводы торсового поворота, что-то щелкало в недрах боевых эскалаторов…

Пилоты сидели бледные, напряженно ожидая команды.

Вал сигналов катился на них, как лавина, ближе… еще ближе…

— Дистанция сокращается! — не выдержал кто-то. — Три четыреста на моих сенсорах!

— Тишина! — рявкнул в ответ Горкалов.

Еще секунд тридцать томительного, запредельного ожидания.

— Есть данные точной наводки… Ракетные комплексы синхронизированы! — пришел наконец доклад Лерватова. — Телеметрия пошла!

Палец Ильи скинул скобку предохранителя с гашетки залпового огня обоих ракетных комплексов «Фалангера».

— Давай, Дима!

Со склона горы серией частых хлопков ударило автоматическое орудие, выплюнув в багряно-черные небеса Сферы Дайсона очередь осветительных ракет.

Ослепительные бутоны расцвели под сенью орбитальной плиты, осветив болотистую равнину и пологий склон предгорий нереальным, призрачно-белым светом.

— Матерь божья… — вырвалось у кого-то. Сумеречные фигуры шли сплошной стеной камуфлированной брони, словно в чуждой ночи внезапно материализовался самый худший из человеческих кошмаров…

Их было много. Так много, что разум самых опытных пилотов в этот миг дрогнул.

Именно в такие мгновения исход схватки предрешает вера. Вера и выдержка. Сердце Горкалова глухо стукнуло, когда он увидел надвигающееся сонмище тяжелых машин, которые шли, разбрызгивая ступоходами тонны болотной грязи, мерно покачиваясь, разгоняя пологую волну, все ближе, ближе… так близко, что казалось сейчас уже можно будет заглянуть сквозь выпуклые бронестекла кабин внутрь их боевых рубок…

Километр девятьсот… семьсот… полтора километра…

— Залп! — тихо и отчетливо скомандовал он.

Его «Фалангер» с утробным надсаженным ревом выпустил активный боекомплект, и вслед за передовым залпом весь склон горного хребта взорвался воем и светом. Ночь мгновенно превратилась в день, казалось, что сама Сфера содрогнулась, когда ракетные установки двадцати боевых машин выплюнули огненные дуги ста шестидесяти падучих звезд.

Реактивные снаряды рванули по короткой дуге, находя свои цели в общей сумятице сигналов.

Залп был ошеломляющим. Горкалов на миг зажмурился, когда равнина перед горным склоном на несколько километров вглубь вспухла огненным валом, покрываясь черно-оранжевыми вспышками. Почва под ступоходами его «Фалангера» заходила ходуном; впереди, там где огненный шквал поднимал в небеса тысячи тонн болотной грязи, смешивая с ней машины противника, запоздало и бестолково резанули вспышки лазерных разрядов, и в следующую секунду машина Горкалова, надсадно

взвыв приводами, словно чудовищный призрак, поднялась над кромкой капонира, распрямляя свои ступоходы.

Справа и слева от него вырастали точно такие же фигуры.

Впереди земля продолжала оседать, падая из-под разорванных небес.

Правое орудие «Фалангера» заработало одновременно с шаговым тактом ступоходов. Слева и справа сумрак разорвали стробоскопические вспышки атакующих плечом к плечу машин, среди болот продолжали рокотать взрывы — там все смешалось, строй противника был сломан, но это еще не являлось ни победой, ни даже намеком на нее.

— Дима, — результат?!

— Наблюдаю семьдесят четыре активных сигнала, командир, — раздался ответ Лерватова. — Семь пилотов катапультировались.

— Следи за огнем! — приказал Илья, сжимая гашетку.

Левое орудие разрядилось с содрогающим землю рыком, сумеречная фигура, избранная боевым сопроцессором, как основная цель, медленно начала запрокидываться; Горкалов резко повернул торс «Фалангера», давая возможность сориентироваться компьютеру перезарядившегося правого орудия, и снова сжал гашетку.

Залп…

«Фалангер» командира шел по склону, навстречу шевелящейся, вставшей на дыбы равнине, раз за разом изрыгая очереди крупнокалиберных снарядов, словно дышал огнем, часто, равномерно, как механический дракон…

— Зарываешься! — пришел спустя несколько секунд окрик на командной частоте.

— Понял. — Горкалов и сам видел, что оторвался от ровной линии ведомых. Ступоходы его «Фалангера» уже разбрызгивали болотную грязь, вокруг зияли чудовищные, медленно заполняющиеся водой воронки, в одной из них стоял, нелепо опрокинувшись, вражеский робот с перекошенным относительно подвески дымящимся торсом — его рубка была раскрыта, наподобие металлического цветка, но катапульта не вывела пилот-ложемент в небеса Сферы Дайсона — тело пилота вместе с креслом было размазано о заклинивший сегмент броневого покрытия рубки.

— Отходим… — Илья переключил реверс сервомоторов, и его машина медленно подалась назад, попятившись к исходным позициям батальона. — Всем отступать! — «Фалангер» Горкалова сделал еще один шаг назад, по-прежнему удерживая под прицелом массу машин противника.

Будь у него резерв боекомплектов — не задумываясь, повел бы сейчас

батальон в атаку, клином бы врезался в шевелящуюся на болоте массу, но тогда бой, рассыпавшись на отдельные схватки, тут же склонит чашу весов в сторону численного и огневого превосходства «Призраков» — их лазерные комплексы не нуждались в боеприпасах, а люди Горкалова уже израсходовали по сорок процентов боекомплекта…

Цепь боевых машин подалась назад. Не нарушая строя, одиннадцать «Фалангеров» отступали, пятясь по склону, словно одинокая точка вырвавшейся вперед машины командира теперь неумолимо выдавливала их на исходные…

— Все отлично, командир! — раздался голос Лерватова. — Тридцать машин! Мы сделали три их взвода!

— Это за «Хоплита», — ответил Горкалов.

Он не успел закончить фразы, когда ударил первый более или менее организованный ответный залп противника.

Все еще только начиналось…

* * *

С командного пункта батальона первый залп противника выглядел, как огненная сетка, внезапно наброшенная на горный склон.

Лерватов неосознанно выругался, глядя, как несколько лазерных лучей, прежде чем погаснуть, полоснули по «Фалангеру» Горкалова. Командир в ответ огрызнулся из обоих орудий, продолжая медленное движение назад. Его ведомые уже пристраивали машины в заранее выдолбленные капониры и тут же выпускали гидравлические упоры, готовясь к новому ракетному залпу.

— Командир, на тебя повернули семь сигналов! Быстрее! Ты двигаешься слишком медленно!

— Я знаю, — голос Ильи был сух. — Перебита система гидравлического усилителя. Двигаться быстрее не могу.

Лерватов побледнел.

— Понял… — машинально ответил он, тут же переключив внимание на тактический монитор.

«Черт…»

Отступившая цепь «Фалангеров» в данный момент находилась слишком высоко, их оружие не могло работать под таким острым углом…

— Сокура! — вызвал он командира «Хоплитов», образующих вторую линию обороны, но его прервал окрик Ильи Андреевича:

— Отставить! Никому не покидать укрытий!

— Командир…

— Я сказал — отставить! Хочешь из-за меня загубить целый взвод?!
Дмитрий в сердцах ударил кулаком по пульту.
Илья был прав. К черту субординацию, — он просто был прав… и сейчас полковник выполнял свой собственный приказ, отданный накануне боя, — никому, ни при каких обстоятельствах не покидать выгодных, защищенных позиций…
Горкалову оставалось пройти еще не меньше трехсот метров, но эта пядь горного склона, исполосованная лазерными лучами, дымящаяся и исковерканная, давалась его машине с неимоверным трудом. Лерватов напряженно следил за медленным отступлением командира, зная, как это непросто — неторопливо пятиться под бесноватым огнем противника, удерживая в равновесии поврежденный привод и одновременно огрызаясь из обоих орудий.
Губы майора беззвучно шевелились.
Семь «Призраков» уже начали подниматься на склон, двигаясь в мертвой зоне, которую образовывал прямоугольный выступ скалы. Они снизили скорость, но темп стрельбы от этого ничуть не изменился, — вспышки когерентного излучения следовали одна за другой, бесноватые лучи полосовали по лобовой броне отступающей машины, заставляя вскипать тугоплавкие пластины…
— Ну же… Илья… Еще немного… Гггрррaaхх… — орудие «Фалангера» разрядилось отчетливой скороговоркой, так что на КП задребезжали экраны тактических мониторов, склон осветился лопающимися вспышками, в которых отчетливо прорисовался контур вырвавшейся вперед вражеской машины, — снаряды со звонким металлическим грохотом пробили торс «Призрака»; поджигая уцелевшую траву, в стороны полетели дымящиеся куски брони, и в этот миг над позициями батальона внезапно вспыхнуло ослепительное зарево.
— Твою мать! — вырвалось у Лерватова. Кто-то не выдержал, нарушив приказ. Метнувшись взглядом по тактическим мониторам, Дмитрий понял, что зарево исходит от прыжковых ускорителей шести «Воронов» — весь взвод Шейлы Норман, составляющий третью, резервную линию обороны, поднимался сейчас в небеса, используя вертикальную тягу встроенных реактивных двигателей.
Щеки майора побледнели.
— Молодец, девочка… Давай! — Лерватов впился пальцами в тонкую дугу коммуникатора. — Залп! Отсекай их!
Секундой спустя из поднебесья низвергся шквал ракет, — стена огня, смешанного с землей и дымом, выросла между отступающим вверх по

склону «Фалангером» Горкалова и передовыми машинами врага.

«Вороны» на миг застыли в воздухе, опираясь на ослепительные столбы реактивных струй, а затем начали плавно опускаться на исходные позиции.

Позже, анализируя события, Дмитрий понял, что они сильно недооценивали противника, а эта секунда стала критическим мигом первой атаки. Внезапный маневр шести «Воронов» по сути спас батальон.

Семь вражеских машин, которые с ходу пытались ворваться на горный склон, сейчас горели, превратившись в чадные костры, остальная масса противника отступала, пытаясь перестроиться…

…Машина Горкалова шагнула в открытый для нее капонир и застыла. Лерватову показалось, что он видит, как сочится едкий дым из прожженного в нескольких местах корпуса командирского «Фалангера».

— Илья?

— Да… Я в порядке… Кому объявлять выговор?

— Шейле. Она подняла «Воронов»…

— Без твоего приказа?

Лерватов на миг замялся, а потом все же ответил, вытирая выступившие на лбу капельки пота:

— Победителей не судят, ты не забыл? Первая атака отбита…

* * *

Разговаривая с Лерватовым, Горкалов не мог наблюдать обстановку — весь тактический терминал «Фалангера» был обесточен.

Илья сидел в кресле, бледный, как лист бумаги.

Он прекрасно понимал, что залп «Воронов» спас его от смерти, — немногие уцелевшие датчики показывали, что лобовая броня фактически отсутствует. Еще несколько попаданий, и его машина попросту была бы разрезана на части.

По лбу и щеке сбежало несколько капелек пота. Он с удивлением посмотрел на свои пальцы и понял, что это запоздалая реакция организма на стресс — руки начинают мелко дрожать уже после того, как смерть разминулась с тобой.

— Дима.

— Да, командир.

— Принимай батальон. У меня вылетел тактический терминал.

— Понял.

Горкалов коснулся сенсора, включая командную частоту «Воронов».

— Шейла?

— Да, командир?

Горкалов вдруг понял, что не может ни отругать ее, ни по-человечески поблагодарить — в горле застрял странный ком.

«Я старик…» — с внезапной горечью подумалось Илье.

— Спасибо… Это был поступок, достойный Дейвида.

— Брось, Илья, — в ее голосе внезапно прозвучала тоска. — Это был мой поступок. Я нарушила приказ и…

— Отставить. Они пытались на плечах моего «Фалангера» ворваться в расположение батальона, — Горкалов вытер вновь выступившие на лбу назойливые капельки пота. — Ты вовремя подняла «Воронов». — Он хотел добавить еще что-то, но передумал, и его следующая фраза вышла немного суховатой:

— Переключись на Лерватова. Он принял командование.

— Почему? — спросила Шейла, испытав облегчение оттого, что Илья не стал и дальше развивать тему ее поступка.

— У меня накрылись все тактические системы, — скупо ответил он.

— Смени машину, — не задумываясь, произнесла Шейла.

— Нет, — отрезал Илья, и на этот раз его тон не предполагал возражения. — У нас нет резервных машин, а выгонять пилота из рубки — худший грех для командира. Запомни это… — неожиданно добавил он.

— Да… Я поняла, Илья, — ответила она, уловив скрытый смысл его фразы. — Коней на переправе не меняют…

Она хотела добавить, что не собирается нести тяжкое бремя ответственности как командования взводом, так и управления возрождающимися силами Конфедерации, дольше, чем заставляет стечение неумолимых обстоятельств, но короткая передышка не предполагала разговоров на вольные темы — пауза в ночной схватке закончилась так же внезапно, как и возникла.

* * *

— Внимание всем! — раздался на командной частоте голос Лерватова. — Противник занимает рубеж в трех километрах от нас. Всем машинам сложить привод в неактивное положение. Предполагаю дистанционный обстрел позиций батальона.

Горкалов, посмотрев на немногие уцелевшие в рубке приборы, понял, что Дмитрий абсолютно прав. Активные сигналы «Призраков» уже не двигались сплошным дугообразным валом, — первая атака серьезно потрепала их ряды, сократив численность на тридцать пять единиц, но уцелевшие пилоты тем не менее не потеряли головы, и руководил ими, судя

по всему, кто-то знакомый с тактикой механизированных подразделений отнюдь не понаслышке.

Согнув ступоходы своего «Фалангера», Илья Андреевич заставил торс машины опуститься ниже верхнего края заранее оборудованного капонира. Остальные пилоты выполняли тот же маневр, лишь один «Ворон» третьей линии обороны продолжал возвышаться сумеречным контуром на фоне серо-багряных скал. Своими сенсорами он вел активную разведку ближних подступов.

Предположение Лерватова оправдалось буквально через несколько минут. Со стороны болот сверкнул одинокий лазерный луч, вслед за которым полыхнул залп…

Горкалову еще не приходилось видеть ничего подобного. Шагающие машины оправданно считались столь мощными и всеразрушающими, что в любом самом жестоком противостоянии, в период межпланетных конфликтов и локальных войн последнего тысячелетия, в схватках, как правило, сходилось не более двух десятков шагающих исполинов одновременно. Такого удара, как сейчас, вероятно, не видел никто, со времен отгремевшей десять веков назад Первой галактической войны, в горниле которой и были рождены эти чудовищные образчики боевой техники.

Лазерные лучи, каждый из которых нес в себе заряд мощности до двухсот пятидесяти мегаватт, ударили в горный склон, заставив древний материал вскипеть магматическими фонтанами — зрелище было одновременно и страшным, и завораживающим, и фантастичным. Первый залп лег слишком низко, и по всей площади пологого предгорья, освещая его, вдруг ударили ярко-красные, брызжущие фонтаны расплавленного пластика; густой черный смрад тут же заволок окрестности, но ветер быстро разогнал это спасительное черное покрывало, обнажив оставшиеся на земле вишневые язвы ожогов, которые тлели в ночи, будто раскаленные пятна угольев, оставшихся от потухших костров покинутого бивуака.

Шестьдесят четыре машины противника вели залповый огонь из своих счетверенных лазерных установок по позиции батальона, который обозначил себя огневым противодействием первой атаке.

Излучатели «Призраков» перезаряжались ровно восемь секунд. Обычно за такой промежуток времени человек успеет разве что повернуть голову или прикурить сигарету…

Со второго залпа стало ясно — никто не корректирует их огонь, лазерные разряды били по площади, сетка вспыхивающих и тут же угасающих лучей накрывала весь склон, но при такой плотности огня часть

когерентных световых потоков неизбежно находила цели.

На частотах общей связи раздались тревожные доклады, перемежающиеся неосознанно срывающимися с губ пилотов ругательствами и даже вскриками, но Лерватов, опытный слух которого уловил в этой разноголосице признаки гибели или серьезных, критических повреждений, как минимум, двух машин, тем не менее не отдал приказ о смене позиций, — поднимать батальон под шквальными залпами граничило с преступной глупостью…

Стиснув зубы, он выслушивал доклады, отдавал приказы, помогая сориентироваться нескольким запаниковавшим пилотам, и ждал, как опытный координатор, когда в огненном шквале обозначится слабина, и тогда мгновенный анализ тактической обстановки, помноженный на недюжинный опыт, позволит ему принять единственно правильное решение…

…Пока Лерватов наблюдал за усугубляющимися последствиями залпов с высоты КП, один из лучей угодил в бруствер того капонира, в котором затаился изувеченный «Фалангер» Горкалова, и Илья непроизвольно зажмурился, когда в метре от него в небеса ударил шипящий зловонный фонтан раскаленного пластика. Сотни таких же извержений плясали по склону, превращая позиции батальона в сплошной магматический котел. Черные хлопья сажи кружили в воздухе, опадая на броню машин, будто зловещий черный снег…

…Раскаленный фонтан, бивший перед рубкой «Фалангера», иссяк, оставив после себя истекающую дымом вишневую коническую воронку. Пользуясь этим разрывом бруствера, Илья включил визуальное увеличение, и сумеречный ад болотистой равнины рванул навстречу, стремительно укрупняясь в рамке видоискателя снайперской оптики.

«Вот они…»

Горкалов отчетливо увидел машины врага, которые стояли в болоте, утонув в нем до середины своих торсов. Ослепительные вспышки лазеров заставили Горкалова включить светофильтрацию изображения, но в конечном итоге, получив отчетливую картинку, он увидел именно то, что ожидал, — болотная жижа кипела вокруг перегретых машин противника. Работа лазерных комплексов неизбежно выделяет громадное количество сопутствующего тепла, — именно поэтому мощные лазерные установки, способные прожигать керамлитовую броню, так и не нашли окончательного места в стандартной комплектации современных боевых машин, — практика испытаний показывала, что после четвертого, произведенного подряд залпа, перегрев достигал критического уровня, а

установки сжиженного азота, которые применялись для охлаждения аналогичных лазеров на космических кораблях, были слишком громоздки и не вписывались в архитектуру сбалансированного опорно-двигательного аппарата даже таких тяжелых машин, как «Фалангер».

— Дима, я наблюдаю врага, — вышел на связь с КП Горкалов. — Болото кипит. Нам нужно выдержать еще два залпа, и тогда они станут уязвимы. Предлагаю массированную атаку, без резерва.

Лерватов ответил не сразу, очевидно, сверялся с данными своих сенсоров.

— Термальное пятно слабое, Илья, — ответил он. — Болото достаточно хороший теплообменник.

— Твое решение?

— Атака «Хоплитами» и «Воронами». «Фалангеры» перезаряжают ракетные комплексы и ставят огневой вал.

— Разумно… — скрепя сердце, ответил Илья.

Тянуть дальше было бессмысленно — исполосованный лазерами склон начал понемногу оплывать, и по связи посыпались доклады о том, что машины теряют опору — размягчившийся от температуры материал рукотворных скал отказывался удерживать их вес.

Огненный шквал продолжал бесноваться в ночи.

Лерватов, отдавая приказы, продолжал наблюдать за интенсивностью огня. Он, как никто другой, понимал в этот миг — только заранее оборудованные позиции спасли батальон от непоправимых потерь.

Оплывшие от жара капониры честно отработали свое: в результате первых минут обстрела, лишь пять машин получили повреждения разной степени тяжести.

Еще один залп полыхнул в ночи, но, как и предсказал Горкалов, он уже оказался слабым и абсолютно неточным — лазерные комплексы «Призраков» перегрелись настолько, что их тепло уже проникло внутрь самих машин.

— «Хоплиты», «Вороны» — вперед! — раздался на командной частоте приказ Лерватова. — «Фалангерам» первой линии — залп остатками ракетного боекомплекта. Пилотам «Нибелунга-1» и «Нибелунга-2» подтянуться к капонирам первой линии для перезарядки машин.

Четкие, осмысленные приказы, отданные в течение нескольких секунд, привели в движение весь склон.

Боевые машины второй и третьей линии выпрямляли ступоходы, поднимаясь во весь рост над изувеченными, оплывшими укрытиями, и тут

же, предупреждая их первый шаг, ударили ракетные комплексы «Фалангеров», выпустив по обозначившему себя противнику весь остававшийся на борту боекомплект.

Увязшие в болоте «Призраки», пилоты которых задыхались от проникшего внутрь машин жара, полагали, что внезапно возникшая преграда уже давно сметена их бесноватым лазерным огнем, но они жестоко ошиблись.

* * *

Ночной мрак поредел, когда из гребня ближайших скал, поднявшись с наспех оборудованной площадки, в багряно-черные небеса Сферы взмыли два штурмовых транспорта класса «Нибелунг».

Эти тяжелые носители были специально сконструированы для транспортировки шагающих боевых машин и взаимодействия с ними. Горкалову удалось найти на базах РТВ Элио достаточно подготовленных к утилизации боекомплектов, чтобы наполнить ими артпогреба захваченных «Нибелунгов».

«Фалангеры» первой линии были к данному моменту пусты — израсходовав весь бортовой запас ракет и снарядов, они поставили огневой вал, под прикрытием которого шесть «Воронов» и столько же «Хоплитов» спускались сейчас по опаленному склону. Две машины не смогли оставить изуродованные позиции из-за критических повреждений, и их пилоты, покинув рубки управления, спешили сейчас укрыться от разлившегося повсюду жара, который излучала расплавленная порода горного склона.

Несмотря на огромные размеры и чудовищный тоннаж боевых машин, их действия были стремительны — «Хоплиты» и «Вороны» могли развивать скорость до ста пятидесяти километров в час.

Поднявшись из капониров, они устремились вниз по склону, пользуясь тем, что огненный вал ракетного залпа «Фалангеров» и показавшиеся в небе «Нибелунги» явились для противника полной неожиданностью.

Шестьдесят четыре «Призрака», хоть и перегретые и увязшие в кипящем болоте, тем не менее представляли собой не просто грозную силу, — по учебнику, атака двенадцати средних и легких машин на такое скопление нестандартно сконфигурированных «Фалангеров» рассматривалась бы как попытка самоубийства, не более…

Первыми это заблуждение разрушили Сокура и Шейла.

Машины командиров взводов двигались параллельно друг другу на дистанции в полкилометра. Растянувшаяся линия ведомых, смешав

сигналы, перемещалась следом, отставая от них метров на двести.

Уроки боя на Элио не прошли даром для Шейлы Норман. Она поняла, что столь полюбившийся ей «Ворон» — машина не того класса, чтобы стоять неподвижно, стоически принимая на относительно легкую броню залпы когерентного излучения. На такие фокусы был способен разве что «Фалангер»…

Стремительно продвигаясь по болоту, «Ворон» Шейлы вошел в зону кипящей, пузырящейся грязи, от которой, ухудшая и без того скверную видимость, вверх били столбы пара. Сигналы на экране термальной оптики показывали сущий бред, — вокруг оказалось слишком жарко для адекватной работы этой группы сенсоров, и Шейла переключилась на обычные видеодатчики.

«Вот они…»

По спине проползла короткая дрожь…

Огромный сумеречный контур ворочался в болоте, рядом с ним, едва возвышаясь над бурлящей жижей, застыл еще один, — броня «Призрака» в районе характерных горбов, обозначавших крепления лазерных комплексов, светилась, источая малиновое сияние.

Шейла тут же повернула машину, заставив «Ворона» идти боком, автоматическая пушка, укрепленная над рубкой в качестве дополнительного вооружения, коротко рявкнула, вбив в раскаленную броню «Призрака» очередь из шести снарядов, но пар и взметнувшиеся вверх фонтаны грязи не позволяли увидеть результатов стрельбы, да и не до того было — прямо по курсу, из сумрака внезапно показался еще один контур, и Шейла, прицелившись, разрядила в него левую ракетную установку, тут же отдавая новый приказ серводвигателям. Ее машина остановилась и начала пятиться, повторяя только что пройденный путь.

В полукилометре от нее отрывисто и часто застрекотала крупнокалиберная зенитная установка «Хоплита» — это Сокура ворвался на позиции «Призраков»… почти тотчас в той стороне разлилось зарево ракетного залпа, и вдруг Шейла поняла, ночь опять превращается в день, это заработали ракетные комплексы десяти отставших машин, каждая из которых уже успела найти свою цель для убийственного, уничтожительного залпа с близкой дистанции.

Второй раз фактор внезапности, помноженный на железно просчитанную Горкаловым и Лерватовым логику боя, давал им возможность доказать — десятикратное превосходство в тоннах — еще не гарантия победы.

* * *

Стремительная, бесноватая атака «Хоплитов» и «Воронов» отвлекла внимание противника, смешала его ряды, дав возможность двум «Нибелунгам» выпустить автоматы перезарядки.

Овальные двухметровые платформы выскользнули из раскрывшихся люков штурмовых носителей и устремились к линии «Фалангеров». На загривке каждой боевой машины сейчас раскрывались специальные створы, и оттуда поднимались пустые лотки. Автоматы поддержки зависли над ними, потом подались вниз, входя в зацепление с «Фалангерами», и тонкий визг боевых эскалаторов возвестил о том, что во всех машинах производится смена боекомплекта.

Эта операция должна была занять полторы-две минуты.

Лерватов, наблюдавший за атакой легких машин, неосознанно считал секунды.

Он понимал — успех есть, но майору было слишком хорошо известно, насколько шатко бывает такое положение дел. Баланс сил все еще складывался не в их пользу…

Он как в воду глядел. Торжество ракетных залпов, рвущих туманный мрак над болотами, вдруг истончилось, на смену ослепительным вспышкам пришли менее громкие и яркие, барабанящие очереди автоматических пушек. Несколько секунд спустя, в ответ, набирая интенсивность, засверкали росчерки лазерных разрядов, и на частотах общей связи внезапно раздалось:

— Ноль-двенадцать… Получил повреждения…

Двенадцатым номером был «Хоплит» Джона Шефорда.

— Справа! Справа от тебя, Джон, два «Призрака»! — Это был голос Сокуры. — Включи реверс, ты блокируешь мне линию огня!..

— Не могу… Не вижу… Глаза…

Среди пространства болот ярко зардел факел прыжковых ускорителей. Лерватов видел, как взмыл над облаками пара один из «Воронов», но его будто ждали — сразу три лазерных залпа скрестились на нем, короткий, полный боли и отчаяния вскрик метнулся в эфире, а вниз падал уже не «Ворон», — в болото рушились его горящие обломки…

— Дьявол! Шефорд! Катапультируйся! — отчаянно закричал Сокура, пытаясь спасти пилота одного из своих «Хоплитов».

— Не вижу… — обреченно ответил эфир. — Глаза… Много крови…

Еще одна вспышка…

— Внимание! — ворвался на частоту голос Горкалова. — Взвод

закончил перезарядку. Начинаем движение.

— Шейла, Николай, отступать! Всем на исходные! «Фалангеры», пошли! — Лерватов продолжал отдавать приказы, а сам понимал — легкие машины уже связаны огнем, они *увязли* в бою и спасти их может только стремительная поступь шестидесятитонных «Фалангеров».

— Скляр! — вызвал Горкалов. — Я отстаю. Возглавь взвод.

— Принято, командир.

Одиннадцать тяжелых машин вошли в кипящее от взрывов болото, и оглушительное стаккато их автоматических орудий зазвучало над бурлящей жижей, освещая все пространство вокруг лопающимися стробоскопическими вспышками.

— «Воронам», «Хоплитам», — повторяю приказ, — отходить!

В этот миг Лерватов понял, он бессилен сделать что-нибудь еще, — бой вошел в ту стадию, когда централизованное управление оказалось попросту невозможным — сигналы на активных радарах смешались, схватка мгновенно рассыпалась на отдельные очаги противостояния, в эфире торжествующие выкрики смешивались с полными отчаяния предсмертными воплями, в небеса ударили несколько аварийно-спасательных катапульт, но атака не захлебнулась. Дмитрий, вынужденный, стиснув зубы, созерцать ее ход, отчетливо видел, как быстро сокращается количество алых маркеров — перегретая, потерявшая свои физические свойства, размягченная броня «Призраков» не выдерживала сокрушительных залпов автоматических пушек «Фалангеров»…

* * *

Машина Горкалова вошла в огневой контакт с противником, когда бой уже вовсю неистовствовал на ограниченном участке болот. Илья вел «Фалангера» с напряжением, — лишившийся усилителя привод требовал постоянного контроля, и потому его атака оказалась на этот раз простой и бесхитростной, — как только на целевом мониторе появился первый «Призрак», Илья тут же разрядил в него оба орудия, продолжая медленно двигаться вперед. Машина врага покачнулась под залпом, но устояла. Торс «Призрака» начал с визгом разворачиваться, лазерные комплексы на загривке уже рдели, показывая работу устройств накачки, и Илья безошибочно угадал — через секунду залп счетверенного лазера прошьет рубку его «Фалангера», который лишился всей лобовой брони еще в начале боя. Его рука метнулась к кнопке катапультирования, но это движение запоздало.

«Призрак» внезапно начал разворачиваться. Их разделяло еще около

сотни метров, и в этом промежутке, вынырнув из клубов пара, неожиданно появился «Ворон». По бортовому номеру Илья тут же понял — это машина Шейлы, но она не видела ни его «Фалангера», ни «Призрака», — связанная столкновением с другой машиной противника, она продолжала начатый маневр, ведя непрерывный огонь из автоматической пушки, в то время как атакованный Горкаловым «Призрак» уже довернул свой торс в ее сторону, собираясь сначала пригвоздить внезапно появившуюся в поле зрения легкую мишень, а уж потом разделаться с увечным, едва движущимся «Фалангером».

Илья не мог этого допустить. Он знал, что его машина с трудом держится на ступоходах, а дистанция огня слишком коротка, чтобы он мог избежать повреждений от своего собственного залпа, но все это уже не имело значения, — палец Горкалова, вместо кнопки катапультирования, лег на гашетку залпового огня ракетных комплексов. Едва двигавшийся «Фалангер» будто взорвался — восемь ракет, вырвавшись из пусковых шахт, ударили в «Призрака», буквально разломив поврежденную машину на несколько несимметричных, уродливых частей; «Ворон» Шейлы, покачнувшись от внезапной ударной волны, все же устоял и, не снижая темпа, скрылся в облаках пара, а «Фалангер» Горкалова, потеряв опору, начал валиться набок, подламывая поврежденный привод.

Истекающая паром топь и светлеющее багряное небо вдруг опрокинулись перед глазами Ильи, стремясь поменяться местами, что-то надсадно захрустело, раздался зубовный скрежет сминаемого металла, затем, не выдержав деформаций, лопнул бронетрип-лекс кабины, и последним осознанным ощущением Горкалова стала боль в левой руке, которую зажало между сминающимися консолями управления.

Жадная топь глухо чавкнула, по ее поверхности волнами вскипели пузыри, когда шестьдесят тонн изувеченного металла рухнули набок, и «Фалангер» начал медленно погружаться в вонючую жижу…

Глава 9

Сфера Дайсона

Над позициями батальона неторопливо поднимались перистые полосы молочно-белого тумана. Безобидные утренние испарения, смешиваясь с прогорклым, удушливым дымом, которым продолжали истекать подбитые машины, становились похожи на зловещий белый саван, пытающийся окутать изуродованное поле ночной битвы.

Орбитальная плита уже приоткрыла краешек звезды, уползая к опрокинутому кверху дном горизонту, и страшный багрянец ночи сменился наконец стылым, бледно-розовым рассветом.

Шейла спрыгнула со ступеньки веревочной лестницы и едва не упала на обоженную, изрытую воронками и щедро нашпигованную металлом землю… да и не земля то была вовсе, а так, какое-то жалкое подобие почвы, нанесенное ветром поверх пластиковой основы скал…

Ее растопыренные пальцы укололись об обгорелый султанчик травы, которая чудом уцелела на истоптанной ступоходами машин, изрытой снарядами и опаленной лазерами поверхности.

«Надо же… уцелела…»

Шейла обессиленно стащила с головы мягкий шлем, с наслаждением подставляя холодному ветерку пылающее лицо.

Как потрясающе жить… дышать…

Она подняла взгляд на свой «Ворон», который стоял в нескольких метрах выше по склону.

Черный, в подпалинах от близких разрывов, с посиневшими по краям дюзами реактивной тяги, огромный, покрытый шрамами… невыразимо родной… ее «Ворон», преданная, живая металлическая птица, такая же усталая, измотанная, как ее пилот.

Этой ночью они стали по-настоящему близки.

Умные люди часто повторяют, что любить машину — противоестественно, это признак слабости, закомплексованности, зависимости от техники, отголосок древнего невежества и страха, когда человек одухотворял все неживое, чье устройство не мог постичь.

Чушь все это!

Машину нужно любить. Просто любовь бывает разная — к «Ворону» одна, к человеку иная…

Сзади послышался нездоровый звук надсаженных сервомоторов.

Шейла оглянулась.

«Хоплит» лейтенанта Сокуры пострадал намного серьезнее ее «Ворона». Она уже второй раз за несколько дней поражалась этой способности Николая — доводить свои машины до состояния, когда кажется, подойди к роботу, пни посильнее, и он развалится, а Ник, — ничего, без единой царапины, вон уже вылезает, улыбается чумазым лицом, по которому в горячке боя не раз и не два провел испачканной пятерней, гасившей до этого загоревшуюся проводку.

— Жить будем, лейтенант Норман!.. — прокричал он, спрыгивая со ступеньки веревочного трапа. — Утро уже!

— Ты что орешь?

— А? Не слышу, говори громче, контузило!

Она смотрела на него и не знала, чего сейчас хочется больше — рассмеяться вместе с ним, радуясь тому, что жива, что снова видит этот чужой рассвет, или заплакать, взвыть, вспомнив эту жуткую ночь и всех, кто навсегда остался в ней, для кого утренний туман кроил свой молочно-белый саван и оторачивал его траурными шлейфами горького дыма…

— Скляра убило… — громко пожаловался Ник, присаживаясь рядом с Шейлой. Достав сигареты, он долго ковырял пачку, пытаясь вскрыть упаковку негнущимися, занемевшими от нейросенсорных перчаток пальцами. — Прямо у меня на глазах… Прожгли лобовую броню, сволочи… Хороший был мужик… Настоящий…

Шейла слушала его громкую бессвязную речь, поражаясь тому, как на войне летит время. Знала-то она их всего два дня — и Николая, и майора Скляра, а оба уже стали такими родными, будто прожили вместе всю жизнь, и вот одного из них нет…

* * *

— Сделали мы их! Большой кровью, но сделали! — Лерватов, обессиленный не меньше, чем остальные, сидел, свесив жилистые руки, и тоже, как Шейла, не знал в этот миг названия своим чувствам, — саднящая боль в душе смешивалось с радостью, и был этот коктейль слишком горек.

Майор Шерман, придерживая забинтованную руку, присел на краешек кресла за тактическим пультом. Дмитрий прикурил ему сигарету, Шерман глубоко затянулся и спросил:

— Отступать теперь будем?

Лерватов неопределенно пожал плечами, мол, Илья отыщется — решит.

— Сколько осталось машин? — спросил Хьюго, жадно затягиваясь

сигаретой.

— Пока пять, — лаконично ответил майор. — Один «Фалангер», два «Ворона» и два «Хоплита». Еще не все капсулы подобрали, автоматические разведчики пашут болото в поисках катапультировавшихся.

Шерман покосился на тактический монитор, сосчитал сигналы.

— Тут вроде шесть маркеров, — заметил он.

— Шестой не в счет. Это наш счастливчик, Сокура… — пояснил Лерватов. — Как он машину на ступоходах удерживает с такими повреждениями — ума не приложу… — Он хотел сказать что-то еще, но вдруг осекся, заметив строку сообщения на одном из экранов.

Краска медленно сползла с его лица, сделав кожу пепельно-серой.

* * *

Так получилось, что, спустившись на истерзанную землю, Шейла не сразу вспомнила об Илье — ощущение жизни оказалось столь острым и пьянящим, что она даже не задумалась над этим — она ведь выжила, Ник — тоже, и то, что с Ильей также все в порядке, казалось как бы само собой разумеющимся, входящим в это безграничное ощущение счастья, победы, жизни…

Сердце екнуло лишь в тот миг, когда со стороны болот вдруг показался медленно двигающийся поисковый автомат, на верхних захватах которого был укреплен медицинский консервационный модуль.

Сердце Шейлы вдруг оборвалось недобрым предчувствием, как только она увидела этот медленно движущийся комплекс.

Сокура привстал, Шейла непроизвольно вскочила, побелевшими пальцами впившись в плечо Николая.

Внутри, несмотря на протест, на дикое *нежелание* подобных предчувствий, вдруг острой болью полыхнула уверенность — в модуле ОН.

Отпустив плечо Николая, Шейла медленно, спотыкаясь, словно вдруг обессилев, пошла навстречу ползущему от болот поисковому автомату.

В нежно-зеленом сиянии консервирующего суспензорного поля внутри капсулы лежал Илья… Вернее, та его часть, которая все еще была жива.

Автомат остановился — дорогу ему перегораживал человек, который, по представлениям машины, вел себя слишком странно и непредсказуемо, — Шейла не заплакала — она взвыла, как смертельно раненный зверь.

Тело Ильи раздавило смявшимися в момент удара конструкциями рубки. Нижняя его часть представляла собой сплошную массу изувеченной

плоти, и лишь голова и грудь остались нетронутыми. Он лежал внутри капсулы, а аура суспензорного поля обнимала его голову, как нимб…

Сзади молча подошел Николай, из заглубленного в скалы КП выскочил Лерватов, за ним Шерман…

Со всех сторон к капсуле подходили оставшиеся в живых пилоты, раненые и невредимые, и все молча останавливались, образуя круг, а Шейла, ничего не видя и не воспринимая, тихо, бессильно опустилась на колени перед консервационным гробом, слишком остро ощущая в этот миг, что автомат консервации сделал *черное дело*.

Голова и грудь, страшный, изувеченный обрубок, — вот все, что осталось от Ильи и продолжало сейчас бессознательно жить в объятиях консервирующей ауры, — но даже, если все остальное в будущем удастся заменить протезами, разве это сможет называться жизнью?!

Молчаливо столпившиеся вокруг пилоты понимали это не менее остро, чем Шейла.

Для них Горкалов погиб, а вместе с ним умерло что-то неизмеримо важное. Только сейчас стало абсолютно ясно — он являлся стержнем, основой основ, направляющей силой, именно он полностью владел ситуацией в целом, он и только он знал, что именно и как нужно делать…

Эта потеря оглушила всех в равной степени, вне зависимости от прошлых чувств и привязанностей. Победа вдруг обернулась жутким поражением, ликование — горем, надежды — тщетой.

Словно в критический момент боя знамя выпало из мертвых рук и некому было подхватить холодеющее древко.

Сфера Дайсона. Вечер того же дня…

Стылое утро сменилось теплым днем, за которым неизбежно настали новые багряные сумерки…

Шла смена постов. Пять пострадавших в той или иной степени шагающих машин застыли подле КП батальона.

Людей было мало. По развороченному склону двигались в основном андроиды, из боевого резерва двух стоявших поодаль «Нибелунгов».

Глядя на человекоподобные машины, Лерватов подумал: «Вот они сменились с постов, спешат к устройствам подзарядки, потом уйдут в боксы на плановое техобслуживание и через двенадцать часов снова заступят на боевое дежурство, восполняя критический некомплект личного состава. Значит ли это, что у машин своя жизнь, изобретенная нами, и рано или поздно они останутся, а мы исчезнем? Или я все усложняю?»

— О чем задумался? — прервал его размышления хриплый голос Шермана.

— О жизни… — ответил Лерватов, возвращаясь в сумрак КП.

— А… А я вот — о смерти. — Майор заглянул в пустой бокал. — Как подумаю про Ивана, Илью — душу выворачивает. Скажи, разве есть на свете справедливость? Ведь такие мужики были…

— Погоди хоронить, — резко оборвал его Лерватов, который хотел бы да не мог взять и просто надраться, как сделал это майор Шерман. — Что-то от Фроста ни слуху ни духу… — произнес он, глядя на ровно сияющие мониторы. — Ведь больше суток прошло, а как в воду канул…

Шерман пожал плечами.

Вечер стыл над позициями батальона, очередная орбитальная плита подбиралась к красному пятнышку горячечного солнца, чтобы отгрызть его кусок, нудно повизгивал привод «Фалангера», над починкой которого только что закончил трудиться ремонтный механизм, и теперь, включившись в тестовую цепь управления, проверял функциональность исправленного ступохода.

Казалось, что жизнь продолжается, но Лерватов, застыв в дверном проеме КП, остро чувствовал, что это не так, не совсем так.

Жизнь продолжалась лишь по инерции. Потеряв командира, они вместе с ним потеряли цель, и Дмитрию всерьез казалось — ничто и никто не в состоянии восполнить этой утраты. Лерватов не мог лгать себе и мысленно уже ответил на данный вопрос: «Нет, не сумею».

Дело было не в каких-то личных качествах, не в степени профессионализма, — просто Горкалов *знал*, что, как и зачем нужно делать. Лерватов мог хорошо командовать батальоном, координировать бой, но он не был введен в курс далеко идущих замыслов Ильи Андреевича и оттого испытывал сейчас болезненную раздвоенность, граничащую с моральным бессилием…

На месте командира образовался вакуум. Горкалова с его ясным трезвым умом, сдержанностью эмоций, предвидением ситуации не хватало всем, кто остался в живых… Они страдали от этой потери все более и более, словно горечь утраты, вопреки расхожему утверждению, со временем не ослабевала, а становилась все острей…

* * *

Тело Ильи, по-прежнему законсервированное в суспензорном поле автономного модуля, перенесли на «Нибелунг». Пока работала консервационная защита, никто не мог с точностью утверждать, насколько

близок он был к физическому понятию «смерть» в тот момент, когда на его изувеченное тело наткнулся эвакуационный автомат. Выяснить это можно было лишь опытным путем, но никто не решался сейчас на подобный шаг — тут требовались специалисты-медики высочайшего класса, которых среди личного состава истрепанного ночным боем, поредевшего батальона попросту не было…

…Шейла сидела в тесном медицинском отсеке «Нибелунга».

Ее глаза были сухими, разве что покраснели от бессонной ночи, усталости и боли.

Она не заметила, как что-то круто изменилось в ней за прошедшие часы.

Выплакав слезы, она вдруг умолкла, задавила в себе останки чувств, но осталась сидеть в тесном медицинском отсеке, не в силах уйти отсюда, но и не в состоянии смотреть на восковое лицо Горкалова, окруженное зеленоватым мерцанием суспензорной защиты.

Она словно выгорела изнутри, и сейчас лишь пепел прошлых эмоций стучал в гулкие стенки ее опустевшего рассудка, порождая мысли, которые не далее как вчера казались ей логичными и уместными только в устах одного человека — Ильи…

За ее спиной раздались шаги.

Шейла подняла опущенную голову, оглянулась.

В дверном проеме медицинского отсека стоял пожилой капитан, из числа тех добровольцев, кто присоединился к формирующемуся батальону на Элио.

— Мисс Норман… — Он выглядел каким-то взбудораженным, ненормальным. — Я бы хотел показать вам кое-что…

Шейла покорно встала, поначалу даже не удивившись — почему он обратился именно к ней? Она едва ли помнила имя этого капитана.

— Что случилось? — спросила она, пройдя вслед за ним в соседнее помещение медицинского модуля «Нибелунга», где располагалась полевая экспресс-лаборатория.

— Мм… — Он был так возбужден, что с трудом подбирал слова. — Дело в том, что майор Лерватов приказал мне продолжить исследования, начатые мной на Элио под руководством полковника Горкалова.

— Ну? — Шейла продолжала вопросительно смотреть на него. — Боюсь, что я не в курсе, — призналась она. — Я не понимаю, о чем идет речь.

— Тела, мисс Норман! — Капитан подошел к стене и отодвинул в сторону панель облицовки, заставив Шейлу невольно содрогнуться от

открывшегося содержимого ниши, но капитан ничуть не смутился видом двух препарированных гуманоидных тел, заключенных в тусклый ореол консервирующего поля. — Их извлекли из воронки, образовавшейся на месте пролома цокольного этажа Раворграда, — поспешно объяснил он. — По приказу полковника Горкалова я исследовал их.

До Шейлы постепенно начала доходить суть происходящего.

— Полковник Горкалов передал мне фрагмент текста, — он вытащил сложенный вчетверо лист пласт-бумаги и развернул его. — Вот тут, посмотрите, некая лейтенант Стриммер описывает анатомию гуманоидного существа… — Он пробежал глазами по строкам. — Ага, вот… — Он протянул листок Шейле, удерживая пальцем отметку на определенной строке. — Тут приведена запись генетического кода некоего гуманоида, снятая обычным общеармейским анализатором, — пояснил он.

— Да я вижу, — ответила Шейла, сразу же узнав фрагмент шифровки, с которой, собственно, и начались все поиски Ильи.

— Я добился определенных результатов, — капитан был настолько обескуражен, ошеломлен, что с трудом выговаривал слова. — Вот посмотрите, — он указал на монитор, где медленно вращались три идентичные на первый взгляд структурные модели молекул ДНК.

— Они одинаковы? — спросила Шейла, указав на модели.

— Абсолютно, — ответил капитан. — Первая построена по данным шифровки, — пояснил он. — Вторая, — его палец ткнул в изображение средней модели, — принадлежит одному из них, — взгляд капитана красноречиво указал на препарированные тела гуманоидов.

— А третья? — похолодев от внезапной дргадки, спросила Шейла.

— Третья выделена из фрагмента, доставленного с места ночного боя. Машина анализировала все образцы, собранные для исследований, и в ходе исследований *опознала* его, — капитан, который много и импульсивно жестикулировал, указал на обугленный фрагмент плоти, закрепленный на предметном столе экспресс-анализатора. — Я не поверил такому совпадению и перепроверил все сам, с минимальным участием автоматики.

— И что, капитан? Не тяните!

— Все три записи ДНК принадлежат одному и тому же существу!

Шейла машинально прикусила нижнюю губу. Отец всегда ругал ее за этот признак крайнего волнения, утверждая, что это некрасиво…

— Такое совпадение могут иметь тела родственных существ? — наконец спросила она.

— Вы имеете в виду близнецов?

— Ну… да!

Капитан отрицательно покачал головой.

— Геномы полностью совпадают, — ответил он. — Я бы сказал, что это клоны одного и того же существа.

Шейла мгновенно вспомнила все, что говорил ей Горкалов перед боем. Она была единственным человеком, с кем он нашел время пообщаться, рассказать о своих планах и изложить гипотезы происходящего.

Гипотезы, которые вдруг стали оборачиваться правдой…

— Сделайте подробный, официальный отчет, капитан, — приказала Шейла, даже не задумавшись в этот миг — имеет ли она право приказывать кому-то.

— Да, мэм! — с готовностью ответил он. — Куда переслать отчет?

— На КП, майору Лерватову. Я буду там.

* * *

Поднявшись на командный пункт батальона, Шейла застала там Лерватова и Шермана.

— …ладно. — Заметив ее появление, Лерватов протянул руку, отодвинув в сторону две бутылки и пустые бокалы. — Помянули и хватит, — обратился он к майору, словно устыдившись того, чем они занимались. — Давайте думать о деле.

Хьюго поднял на него покрасневшие глаза.

— Что ты имеешь в виду, майор?

Вместо Дмитрия ответила Шейла.

— Хватит, — повторила она фразу Лерватова и зло посмотрела на Шермана. — Илье твоя пьяная скорбь не поможет выкарабкаться.

— А кто ему поможет? — Хьюго тяжело посмотрел на Шейлу. — Может, ты знаешь, что делать дальше?

— Знаю, — ответила она.

— Погодите! — вмешался Лерватов, прислушиваясь.

С улицы доносился приближающийся звук работающих двигателей.

Это был Дункан. Через несколько минут его высокая фигура заслонила вход на командный пункт батальона.

— Заходи, — Лерватов указал взглядом на свободный стул. — Связался с колонией?

* * *

По внешнему виду Фроста трудно было судить, как прошли его переговоры с руководством человеческих поселений Сферы.

Сев на предложенный складной стул, он некоторое время молчал, а потом тряхнув головой спросил:

— Где Горкалов?

Ответом ему послужила тишина. Наконец Шейла, сглотнув вставший в горле ком, ответила:

— Его смертельно ранило ночью…

Лицо Фроста помрачнело еще больше.

— Да не тяни ты, говори… — произнес Лерватов, глядя на Дункана. — Что ты узнал в колонии?

Шейла, которая в томительном ожидании смотрела на Фроста, внезапно подумала, что хоть и знает его менее суток, но видеть Дункана подавленным и растерянным как-то странно… Значит…

— Короче, дела такие… — Он вскинул голову. — Как и предполагал полковник, древние устройства гиперпространственного перемещения действительно реанимированы. — Фрост сразу перешел к сути. — В колонии знали о наличии неких древних устройств, но считали, что порталы давно вышли из строя так же, как все остальное оборудование Сферы.

— А этот… Интеллект? — вмешался Шерман.

— Погоди… — одернул его Лерватов, но Дункан, услышав заданный вопрос, повернулся к Хьюго.

— Я должен признать, что предвзято относился к древней машине, — скрепя сердце, произнес он. — Большой компьютер с потугами на самосознание, — дал он скупую, но емкую характеристику Интеллекту. — Под его контролем сейчас не больше пяди земли, и то лишь благодаря людям, которые проложили новые коммуникации взамен безнадежно разрушенных. Короче — он не в счет. Фотонная машина инсектов не имеет отношения к реанимации порталов. Естественно, он знал об их существовании, даже с готовностью перечислил древние названия планет, куда вели каналы транспортировки.

— Он подтвердил данные о шаровом скоплении в Рукаве Пустоты? — спросил Лерватов.

— Абсолютно, — ответил Фрост. — Я привез копии звездных карт, составленных три миллиона лет назад. Опираясь на них, можно экстраполировать сегодняшние координаты, но и без такого анализа ситуация ясна как день, — на древних картах нет Рукава, но есть скопление звезд, которое инсекты называли О'Хара. На краю скопления, по данным Интеллекта, обитали логриане, глубже — раса голубокожих существ, похожих на нас, называвших себя хараммингами.

— Выходит, Илья был прав… Прав абсолютно! — Лерватов машинально стукнул кулаком по скошенной панели тактического терминала. — Ты говорил о реанимации порталов? — он обернулся к Дункану. — Сколько их? Какие есть данные и откуда они получены?

Лицо Фроста исказила гримаса отчаяния.

— Я, собственно, и задержался из-за данных по порталам, — ответил он. — В колонии паника… — Он тряхнул головой, словно пытался разогнать роящиеся в ней злые мысли, и пояснил:

— Некоторое время назад на орбитальных плитах были расположены комплексные датчики наблюдения, предназначенные для нужд метеорологии и картографии. Вчера, буквально накануне моего появления, они зафиксировали множественные аномалии, появившиеся в районе древних городов-муравейников. Естественно, это вызвало тревогу, и туда были посланы автоматы разведки, которые отсняли работу порталов. — Он вытащил кристаллодиск и положил его на стол. — Полюбуйтесь.

Сокура возился со своим «Хоплитом», когда заработал его коммуникатор.

— Да?

— Ник, это Шейла. Поднимись на КП.

— Иду.

На КП Николай застал не только Шейлу — вместе с ней подле терминала тактической киберсистемы сгрудились Лерватов, Шерман и Фрост.

Они явно ждали его, чтобы начать какую-то процедуру. Обменявшись молчаливым рукопожатием с Дунканом, Николай сел на предложенный складной стул.

— Смотрим сюда, — Лерватов вставил кристалл в гнездо терминала. — Это запись, которую привез с собой Фрост, — пояснил он для Николая.

На мониторе, куда выводилось изображение, появилась панорама Сферы, отснятая с высоты нескольких тысяч километров. Видеодатчик был укреплен на нижней плоскости одной из орбитальных плит, и потому на картинке присутствовала четкая линия терминатора — граница света и тьмы, впереди которой был день, а позади — ночь.

Внезапно изображение начало укрупняться, будто поверхность Сферы двинулась навстречу наблюдателю, и тотчас, вместо схематичных, размазанных атмосферой линий ландшафта, внизу проявились четкие детали рельефа — стало различимо огромное заболоченное пространство и расположенный посреди вязких топей черный город-муравейник.

— Сейчас датчики комплекса уловили электромагнитные возмущения, локализовали их источник, и процессор отдал приказ видеокамерам укрупнить изображение, — пояснил Фрост.

Пока он говорил, черная громада древнего города, из глубин которого во все стороны по непонятной причине извергалась горячая болотная жижа, заполнила собой весь экран. Буквально на глазах извержение гейзеров пошло на убыль, хотя отверстия города-муравейника продолжали сочиться паром, и вдруг…

— Кто это, Фрайг меня разорви?! — в замешательстве вскрикнул Шерман, глядя, как из всех отверстий города, попавших в поле зрения видеокамер, выползают под красноватый свет древнего солнца сонмища маленьких фигурок.

— Это инсекты, — в гробовой тишине пояснил Фрост, который уже просматривал привезенную запись.

Картина была впечатляющая и нужно сказать — жуткая.

Далекие потомки строителей раскинувшегося вокруг титанического мира выглядели более чем жалко — без какого бы то ни было намека на одежду, блестя в утренних лучах солнца влажными хитиновыми покровами, они двигались по террасам древнего города, совершая хаотичные, прямо-таки броуновские движения, перемещаясь не на двух, а на четырех точках опоры, без цели, смысла — просто ползли, бестолково тычась в разные стороны — не армия, не колонна поселенцев, — какая-то потерявшая матку орда муравьев-переростков, непонятно каким ветром занесенная на исковерканную временем заболоченную равнину.

Они все ползли и ползли, казалось, им не будет конца, как вдруг за их спинами в недрах древнего города внезапно начал вспухать ослепительный голубой шар.

Отголосок титанического взрыва дошел даже до орбитальной плиты, заметно сбив настройку видеодатчиков.

Когда изображение вернулось на место, там, где только что торчала макушка древнего города, уже истекала дымом исполинская коническая воронка, которую с жадным шипением, бурля и вскипая, заполняла вездесущая, вонючая жижа болот.

Уцелевшие после взрыва инсекты беспомощно копошились в грязи, очевидно, полностью потеряв какую бы то ни было ориентацию…

— И так повсюду, по всей Сфере. Сначала срабатывает портал, а потом — взрыв… — Дункан вдруг нервно, судорожно хохотнул и добавил:

— По самым скромным меркам, в Сферу выброшено несколько миллиардов инсектов. — Фрост говорил тяжело, нервно, видимо, глубоко

переживая каждое слово, — ведь вся его жизнь, тесно связанная со Сферой Дайсона, сейчас, увы, рухнула.

— Большинство инсектов, как я понял, находятся в регрессивной стадии, — то есть ничего не соображают самостоятельно, только жрут, гадят да выполняют приказы своих вожаков, — с отвращением пояснил он. — Но хуже всего другое — порталы сработали и взорвались. Все… — Он горько усмехнулся. — Амба… Кто-то захлопнул дверь с той стороны.

— Ничего не понимаю… — уставился на него Щерман. — Я не вижу смысла в этом бардаке! — Он оторвал взгляд от Дункана и вновь посмотрел на экран. — Как это взаимосвязано? Атака на Элио, уничтожение станции ГЧ, голубокожие гуманоиды, управляющие нашими боевыми машинами, теперь порталы и инсекты… Кто, Фрайг побери, воюет с нами? Уж не вся ли Вселенная?

В наступившей тишине внезапно заговорила Шейла:

— С нами воюет не Вселенная, Хью, а горстка свихнувшихся от старческой дряхлости существ, — произнесла она.

— Не понимаю, — повернулся к ней Шерман.

— Сейчас объясню. — Шейла подошла к терминалу, надеясь, что капитан уже отослал свой отчет по локальной сети. — Взгляните сюда — и многое станет ясно.

* * *

— Поверить не могу!.. — Фрост смотрел на данные, поступающие с терминала медицинского модуля штурмового носителя «Нибелунг». — Это одно и то же существо, клянусь всеми Шиистами!

Поспорить с выводами машины было трудно. Действительно, одно из голубокожих тел, фрагменты которого были извлечены из остова «Призрака», по своим генетическим данным полностью совпадало с аналогичными показателями, полученными при исследовании трупа голубокожего гуманоида на Элио.

— Выходит, на Воргейзе, затем на Элио и, наконец тут, в Сфере Дайсона среди прочих голубокожих действовало одно и то же существо? — растерявшись, переспросил Фрост.

— Один и тот же разум, сознание… — уточнила Шейла. — Сознание бессмертного, которое за это время сменило три тела, а сейчас, скорее всего, уже очнулось в четвертом.

— Дьявол… — не найдя других слов для характеристики ситуации, выругался Шерман. — Выходит, все наши жертвы — коту под хвост?!

Ситуация складывалась не из легких.

Шерман был прав… Да, удар отбит, враг отброшен, но Сеть Интерстар разрушена, уничтожен центральный узел станций Гиперсферной Частоты, на Элио погибли тысячи людей, а в Сфере Дайсона оказались на грани гибели миллионы инсектов, выброшенных на болотистые просторы, без надежды на возвращение или помощь, — и все это на поверку оказывалось делом рук горстки существ, возомнивших себя богами…

В стылой тишине КП никто не решался произнести окончательно характеризующих ситуацию слов, пока внезапно для всех опять не заговорила Шейла:

— Резерв Конфедерации расконсервирован, — медленно произнесла она. — Свою главную задачу батальон выполнил: проданные в Сферу запрещенные Элианскими соглашениями образчики робототехники уничтожены. Единственный имевшийся в распоряжении врага космический корабль с гиперприводом сбит ракетным ударом. Им не удалось добраться до информационных хранилищ штаба Конфедерации, потерпели они сокрушительное поражение и в Сфере. — Шейла обвела напряженным, полным тревоги и невыплеснутой боли взглядом всех, кто присутствовал на КП, и так же тихо добавила:

— Под руководством Ильи мы взяли на себя ответственность, участвуя в реанимации боевого резерва Конфедерации Солнц, и не можем сейчас бросить ситуацию на произвол судьбы. Мы должны действовать дальше. — Шейла говорила, одновременно вспоминая, как не хотела она этой, внезапно данной ей в руки власти… — Мы единственные, кто понимает сейчас ситуацию в целом, и мы…

— Шейла! — вскинув голову, перебил ее Шерман. — Ты, видимо, бредишь! Что мы можем сделать сверх того, что уже сделано нами? Они исчезли, испарились — он сделал жест, будто выпустил птицу из своих ладоней. — Их нет! Никто не знает, где их искать, и даже если мы экстраполируем современное положение этого мифического шарового скопления, то потребуются годы, если не целые столетия, на его прочесывание в поисках единственной планеты, на которой обосновались эти уроды!..

— И что ты предлагаешь? — подал голос молчавший до сих пор Сокура. — Разойтись по домам? Покинуть разорванные, разобщенные миры и на этом успокоиться?

— А что предлагаешь ты? — окрысился майор.

Николай не успел ответить, вместо него опять заговорила Шейла:

— Нам известны координаты точки, назначенной местом сбора для расконсервированной боевой техники, — произнесла она. — Мы имеем все

полномочия доступа для управления ею. И я знаю… — ее голос вдруг зазвучал глухо, напряженно, — я знаю, где искать ответ на вопрос о планете Бессмертных.

Все взоры и так были прикованы к ней, и сейчас, когда Шейла запнулась, четыре пары глаз продолжали сверлить ее…

— Илья был убежден, что Логрис — это не миф. Древняя машина логриан была, по его мнению, уничтожена именно харамминами. Они боялись Логриса, потому что его каноны запрещали физическое бессмертие, а они *украли* эту технологию, создав на каком-то из своих миров лжекопию древней машины логриан!..

— Остается невыясненным один вопрос — где искать этот самый Логрис? — хмуро осведомился Шерман. — Я понимаю так: одна или две иголки спрятаны в стогу сена — разницы никакой…

— Существует определенный участок Рукава Пустоты, который, следуя историческому анализу, следует признать территорией цивилизации логриан, — возразила ему Шейла. — К тому же в базах данных есть отчет о полете рудодобывающего комплекса «Спейсстоун», который, передав сообщение об обнаруженных остатках какого-то огромного космического поселения, бесследно исчез несколько лет назад. Нам точно известны координаты точки пространства, откуда велась последняя передача «Спейсстоуна». По мнению Ильи, останки Логриса следует искать именно там.

— Может быть, теперь мне кто-нибудь объяснит, о каком Логрисе вы толкуете? — вмешался Фрост. — Еще одна машина древних?

— Да, Дункан. — Шейла понимала его предвзятую обеспокоенность и потому постаралась объяснить, как смогла: — В обнаружении Логриса наша единственная надежда на источник достоверной информации о противнике. Машина логриан в корне отличается от известного нам фотонного мозга инсектов и не только по принципу своей работы, но и по сущности. Логрис, по существующим предположениям, больше походит на нашу разрушенную сеть Интерстар, где каждый узел — это сознание жившего когда-то логрианина, записанное на кристаллический носитель, — так называемый *Логр*. Совокупное сознание этих существ, в момент сопряжения миллиардов кристаллов, и образует *Логрис* — виртуальную Вселенную и одновременно — сверхмашину. К тому же шаровое скопление скрыто от глаз именно логрианскими устройствами, и никто не откроет его лучше, чем система, проектировавшая эти самые устройства и управлявшая ими.

— Хорошо. А ты не допускаешь, что в результате таких действий на

волю будет выпущен еще один демон? Может быть, его не зря уничтожили? — вновь высказал сомнение Шерман.

— Мы еще никого не выпустили, — оборвала его Шейла. — И не выпустим, если будем сидеть тут и препираться, страшась ответственности. Положение складывается — серьезнее некуда, и у нас нет права на домыслы и ошибки. Следует понять, мы столкнулись не с враждебной расой в целом, а с группой существ, которых никак нельзя отождествлять с цивилизацией Хараммина. Эта горстка циничных и безжалостных созданий, которыми руководит не этика, а лишь эгоистическая логика, представляет собой угрозу всему сущему, и они наглядно доказали это своими действиями. — Шейла не привыкла произносить длинных речей, и ей не хватило дыхания. Глубоко вздохнув, она закончила свою мысль: — После срыва их планов на Элио, а теперь и тут, в Сфере, они, осознав поражение, пытаются сохранить статус-кво,[14] и нужно сказать, что пока это неплохо получается.

— А инсекты? — спросил Дункан. — Их-то зачем вышвырнули сюда, в Сферу?

— Они спустили пар из своих перенаселенных миров, — ответил ему Лерватов. — А заодно подкинули нам еще один источник проблем. — Он опять машинально стукнул кулаком по безвинному и безропотному пластику терминала.

— Шейла права, — проронил он. — Этих бессмертных уродов устраивает нынешнее положение дел. Наши коммуникации нарушены, гиперсферные линии парализованы, и вскоре на всех без исключения мирах начнется хаос. В такой ситуации бездействовать — преступно. — Он посмотрел на Шейлу, потом на Шермана и добавил:

— Предлагаю ввести в командный состав Конфедеративного Содружества лейтенанта Сокуру и Дункана Фроста. — Лерватов выдержал небольшую паузу и заключил: — Мы должны найти этих бессмертных и раздавить их, прежде чем они соберутся с силами для следующего удара. Для этого мне кажутся хороши любые, самые рискованные способы добычи информации.

Шейла кивнула. Для нее все было ясно, а вот Шерман не спешил с ответом.

Посмотрев на Лерватова, майор покачал головой:

— Нас осталось пятнадцать человек, Дима! — напомнил он. — Пятнадцать человек, пять машин и два «Нибелунга»!.. Военно-космические силы, так-перетак!

— Мои люди достаточно мужественны и опытны, майор, — произнес Дункан. — Думаю, что большая часть пожелает добровольно войти в состав возрождающихся сил Конфедерации Солнц. Вне зависимости от распределения командных должностей, они будут беспрекословно подчиняться любым приказам. Я сам служил Конфедерации двадцать лет назад…

— Ну, Хьюго? — Шейла посмотрела на майора и внезапно добавила так остро врезавшуюся в память фразу Ильи:

— *Нет времени на медленные танцы, майор*. Отдай свой голос! — потребовала она.

Шерман снизу вверх посмотрел на нее, а затем все же кивнул:

— Я согласен. — Он поднял глаза, и все присутствующие внезапно увидели в них нечеловеческую боль, затаенную в глубинах души этого сумрачного старика.

* * *

Позиции батальона были свернуты, и тень орбитальной плиты наползала на пустые, оплывшие от жара и вновь затвердевшие капониры. Выгоревшие дотла остовы шагающих машин возвышались над затянувшим раны пространством болот, оставаясь тут молчаливыми памятниками чудовищного ночного боя.

— Инсекты… — произнес Фрост, передавая Шейле электронный бинокль. — Меня просили взорвать ущелье, перегородив дорогу к колонии, — напомнил он.

Шейла долго смотрела в бинокль на приближающуюся шевелящуюся массу насекомоподобных существ.

— Мы взорвем ущелье только в крайнем случае, — ответила она. — Но даже если я не смогу ничего сделать, — это не значит, что насекомые должны остаться без помощи со стороны людей.

— Они атаковали Элио вместе с бессмертными, — напомнил ей Лерватов, принимая из рук Шейлы электронный прибор.

— *Clementia*, — произнесла Шейла.

— Не понял? — обернулся Лерватов.

— Милосердие, — перевела она. — Илья учил меня: мы должны быть беспощадны к врагам и милосердны к побежденным. Не думаю, что они виновны в нынешнем положении дел. — Она обернулась к Дункану. — Фрост, я хочу, чтобы ты связался с руководством колонии. Пусть подтвердят свою готовность помочь этим существам.

— Хорошо. — Он обернулся, чтобы пойти к заканчивающим погрузку

«Нибелунгам», но, заметив, как Шейла сделала шаг вниз по склону, остановился.

— Эй, ты куда собралась?

Она обернулась.

— Я хочу поговорить с ними.

Лицо Фроста вытянулось.

— Тебе что, жить надоело?

— Нет. Дима подстрахует меня.

— Она уже все решила, — покачал головой Лерватов. — Упрямая, как ее отец. Иди, Дункан, не силком же ее тащить на корабль. Я буду рядом, не волнуйся… — Он хлопнул по волокончатому прикладу импульсной винтовки.

* * *

Шейла остановилась на середине сбегавшего к кромке болот склона предгорий.

Она знала, что Илья на ее месте сделал бы то же самое, и потому, наверное, не испытывала особенного страха — по крайней мере переизбыток адреналина уже не колотил дрожью ее мышцы, будто в организме за последние сутки истощились запасы этого природного стимулятора.

Из разговоров с Горкаловым Шейла вынесла твердую уверенность в том, что инсекты, не важно в какой эволюционной стадии они находятся, остаются природными телепатами и общение с ними не должно вызывать никаких затруднений, кроме нежелания самих насекомых разговаривать с чужаком…

Она стояла, глядя, как приближается к ней колышущееся море влажных, перепачканных болотной грязью хитиновых спин, и старалась контролировать свои эмоции, не допуская в сознание рефлекторного отвращения.

— Дима, отойди… — не оборачиваясь, произнесла она, обращаясь к Лерватову. — Не надо стоять так близко за спиной, я справлюсь.

Он сокрушенно покачал головой, но тем не менее подчинился, поднявшись метров на пятьдесят по склону.

«Дальше не пойду…» — решил он про себя, поднимая «ИМ-12». Затея Шейлы казалась ему сумасбродством.

Она по-прежнему стояла, не двигаясь. Первые из насекомых уже проползли мимо, просто обойдя препятствие.

Шейла всматривалась в массу колышущихся спин, стараясь

разглядеть среди этого хаоса что-то, понятное ей одной, не пытаясь при этом ни заговорить, ни коснуться проползавших мимо инсектов.

Они по-прежнему не обращали на нее внимания, разве что сторонились одинокой фигуры.

Спустя десять минут нервы у Лерватова понемногу начали сдавать. Он не понимал смысла ее затеи, но, ввязавшись в сомнительную авантюру, майор уже не мог предпринять что-либо, не обратив на себя внимания ползающих вокруг полутораметровых существ, которые выглядели слишком неприятно, чтобы желать какого-то контакта с ними.

Шейла, похоже, так не думала.

В быстро наступавших сумерках она продолжала до рези в глазах осматривать доступное взору пространство, и наконец ее упрямство было вознаграждено.

Она увидела группу из четырех инсектов, которые двигались совершенно не так, как другие. Отличие резко бросалось в глаза, из-за вертикального положения их тел.

«Только не психуй…»

Она продолжала свое трудное занятие — стояла, не шелохнувшись, пока группа из четырех инсектов не приблизилась к ней метров на пятьдесят.

К своему удивлению, она заметила подле них приземистую фигуру невиданного двуглавого существа и едва не вскрикнула, тут же сообразив, что это самый натуральный *живой логрианин!*..

О такой удаче Шейла не могла и мечтать. Она ощущала себя совсем как маленькая девочка, на глазах которой бабушкина сказка внезапно обернулась былью, — теперь ей не нужно было прилагать усилий, чтобы стоять неподвижно, — Шейла буквально остолбенела в этот миг, но ее внутреннее состояние не имело ничего общего с рефлекторным столбняком мышц, — в душе творилось нечто неописуемое, и этот всплеск эмоций прозвучал для инсектов-телепатов, будто громкий восторженный и изумленный вскрик.

Они остановились, безошибочно обернувшись в ее сторону.

Шейла напряглась, когда в следующий миг ее разума коснулось нечто неизмеримо чуждое… словно в ее сознании из черноты вдруг начал расти огромный знак вопроса.

«КТО ТЫ?..»

Мысль-образ несомненно предназначалась ей.

Она собрала растрепанные остатки своей воли и решимости.

«Я должна мыслить здраво и ясно… Я должна донести до них мысль,

что мы не враги… Я должна…»

Инсект, который стоял к ней ближе других, внезапно пошел в ее сторону.

Шейла повторяла про себя как заклинание: «Я должна…», — отчаянно пытаясь собрать в кулак свою волю, сконцентрироваться для контакта, когда он, остановившись всего в метре от нее, вдруг совершенно четко промыслил:

«Я уже все понял, самка человека… Скажи своему самцу, что нет нужды стрелять в нас…»

* * *

Лерватов чувствовал, что все его мышцы ноют от перенапряжения. Он боялся за Шейлу, мысленно уже клял себя за то, что согласился содействовать ей в этом безумном мероприятии, когда увидел группу из четырех инсектов, которые возвышались над морем колышущихся спин. Они двигались на двух конечностях, вместо четырех, и это резко выделяло их среди остальной массы насекомообразных существ.

В этот миг он наконец понял, что так упорно искала Шейла — она пыталась выделить из общей массы *не деградировавших* особей.

Похоже, ей это удалось, — один инсект отделился от группы и пошел к ней, не обращая внимания на ползающих вокруг собратьев, но напряжение Дмитрия не стало от этого меньше — наоборот, палец так и заныл на сенсоре гашетки импульсного оружия.

Он не мог допустить мысли, что контакт между двумя чуждыми расами может состояться вот так — на краю какого-то вонючего болота, после смертей, боев, жертв…

Что за наитие владело Шейлой, почему она так упрямо отказывалась улететь, во что верила и на что надеялась?

По мнению Лерватова, выход был один — взорвать единственную дорогу, ведущую к человеческим поселениям, и поднимать «Нибелунги» в чужие, багряные небеса Сферы.

Сжавшись в комок напряженных нервов, готовых вот-вот взорваться трескучей очередью из импульсного оружия, майор в этот миг не понимал одного — когда маховик войны начинает безудержно раскручиваться, его все равно можно остановить — но чаще всего сквозь пелену ненависти и горя, диких, как казалось, противоречий, не видна истинная суть событий, а ведь они не происходят сами по себе — заканчивают войну, ставят точку в происходящем те же самые существа, что и начинали ее: сначала — злые, непримиримые, ненавидящие… а в конце — уставшие от крови,

выгоревшие изнутри и опаленные снаружи, неважно люди они или создания иных эволюции…

Ситуация разрешилась самым неожиданным образом.

Шейла и инсект некоторое время стояли напротив друг друга, потом она обернулась и махнула рукой — все в порядке.

Спустя минуту она подошла к Дмитрию в сопровождении четверых инсектов и странного, страшного и одновременно — комичного двуглавого существа, в котором Лерватов с внутренней дрожью признал живого логрианина…

— Дима, это Хрграшт — глава одной из общин насекомых. — Шейла с трудом воспроизвела скрипящее имя, указав на самого рослого из инсектов. — Он согласился говорить с нами.

Глава 10

Будущее всегда скрыто туманной дымкой неопределенности. Иногда хочется остановиться, потому что страшно заглянуть за полог безвременья.

Чем выше технологии — тем губительнее могут оказаться их последствия.

И тем больше мужества необходимо людям, которые решатся не вглядываться в вероятности, а творить новую реальность…

Рукав Пустоты. Две недели спустя после событий в Сфере Дайсона. Борт флагмана флота, аннигиляционного крейсера «Антимир»…

Шейлу разбудила тонкая трель коммуникационного устройства.

Она открыла глаза, еще не совсем проснувшись, не понимая, где она и что происходит.

События двух с половиной недель пронесли ее через сотни световых лет пространства, через жизнь и смерть, любовь и ненависть, упоение побед и надрывное горе потерь…

Трель Интеркома настойчиво звучала в тесной каюте.

— Да? — сориентировавшись наконец, Шейла протянула руку, включив тусклый плафон дежурного освещения и попутно коснувшись сенсора на панели внутренней связи.

— Мэм, это дежурный офицер, — деловито сообщил Интерком. — Мы вышли в заданную точку пространства.

— Что-нибудь обнаружили? — Остатки сна мгновенно улетучились.

— Да… Думаю, вам стоит подняться на командный мостик и взглянуть на это лично.

— Иду!..

Несмотря на волнение, Шейла задержалась в каюте, но ровно на минуту — умылась, на миг остановилась перед зеркалом, поправляя отросшие волосы…

«Вот я и стала взрослой, отец…» — подумалось ей, когда взгляд споткнулся о непривычную военную форму Конфедерации Солнц со знаками различия галакткапитана. Мимолетная улыбка вдруг погасла на ее лице, ямочки на щеках исчезли. — «Галакткапитан Шейла Норман, пилот боевой машины, член высшего военного совета… Мечтал ли ты вместе со

мной о пути воина, отец, или просто подыгрывал глупой, мечтательной девчонке, уверовав, что времена звездного союза канули в лету?..»

Да… Отца уже не спросишь… Шейла поправила медальон на груди, отошла от зеркала, окинула взглядом узкую, похожую на пенал каюту и, взяв со стола карточку доступа, решительно вышла.

* * *

Оказавшись в коридоре, она прошла по нему до шахты гравитационного лифта.

Множество новых, неведомых ранее ощущений и чувств обрушились на нее за последние дни. Жизнь круто повернулась. Ощущать себя на борту огромного космического крейсера было непривычно. Начиная свою карьеру пилота, Шейла долго приспосабливалась к тесноте отсеков и низким, давящим потолкам челночного корабля, наверное, поэтому ею до сих пор владела непонятная робость — электронно-механический мир боевого крейсера Конфедерации Солнц слишком резко контрастировал с убогими помещениями шатла, и ее психика отказывалась адекватно воспринимать широкие коридоры, огромные залы постов управления, низкий уровень шумов и вибраций, которые едва прорывались сквозь толстые звукоизолированные переборки из недр космического левиафана.

Опустившись на уровень командной палубы, она вышла из гравитационной шахты и направилась, следуя указателям, к центральному боевому мостику корабля.

* * *

На мостике флагмана уже собрались все старшие офицеры корабля. Инсекта и логрианина, которые после переговоров с руководителями колонии Сферы и контакта с Интеллектом согласились сопровождать людей в их полете к Рукаву Пустоты, пока не посвящали в суть событий и держали в изолированных помещениях крейсера. Это была предосторожность, с которой согласились все, в том числе и Шейла. События, развернувшиеся в последние две недели, потрясали своей масштабностью, но не было времени на переживания, — люди просто работали, не понимая, что творят историю…

Поздоровавшись с офицерами, часть которых, пришедшая вместе с Дунканом Фростом, все еще была смутно знакома Шейле, она села в кресло за удобным, пологим терминалом.

Рядом с ней, ободряюще улыбнувшись, занял свое место Сокура, по правую руку сел Лерватов, и это помогло Шейле справиться с волнением.

Она не привыкла ощущать себя в центре внимания и событий, ответственность за принятые решения тяготила ее, и если бы не поддержка таких людей, как Ник и Дмитрий, то Шейла вряд ли бы решилась занять центральное кресло на боевом мостике флагмана Конфедерации Солнц.

Она до сих пор не могла понять, почему после контакта с инсектами, который она произвела скорее по внутреннему наитию, чем по трезвому расчету, кадровые офицеры флота спокойно, с чувством собственного достоинства расступились перед ней, словно она действительно несла в своей душе что-то новое, недоступное им, но жизненно необходимое в сегодняшнем развитии событий.

«Милосердие…»

Сила, воля кадровых офицеров, их мужество и несгибаемое упрямство подпирали ее, как столпы, не давая оступиться, даже мрачный и вечно презирающий слабость Шерман молча признавал за Шейлой право на это чувство, проявленное однажды на краю болотистой равнины.

— Мы входим в зону визуального контакта с объектами! — нарушив молчаливое напряжение, произнес вахтенный пилот крейсера.

Исполинский боевой корабль медленно плыл в пространстве, давно погасив свою чудовищную скорость, и системы его оптического видения заработали, передавая на мостик оцифрованную компьютерами, контрастную, полную мрачной фантастической гармонии картину:

…Огромное поле растянувшихся в виде кольца астероидных обломков окружало некое образование, которое с большой натяжкой можно было обозначить термином «планета», но скорее не по форме, а лишь по тем гравитационным данным, цифры которых застыли в рабочих окнах информационных экранов систем навигации.

Если использовать привычную терминологию, то это образование, наверное, когда-то *было планетой*, но сейчас взглядам офицеров предстала картина чудовищных по своим размерам протуберанцев, которые исходили от неразличимого глазом центра и тянулись в разные стороны застывшими на века выбросами магматических пород…

Кибернетическая система изменила масштаб изображения, и картинка застывшего катаклизма приблизилась, укрупнилась, показав впечатляющие подробности произошедшей тут миллионы лет назад катастрофы.

— Включаю инфракрасную подсветку… — хриплым от волнения голосом доложил вахтенный пилот.

Мощные инфракрасные прожекторы «Антимира» ударили во мрак незримыми, проникающими на десятки тысяч километров лучами, и в их спектре смутная картинка парящих в космосе глыб волшебно

изменилась — она стала четкой, контрастной…

Массивные обломки погибшей планеты медленно перемещались в пространстве, беззвучно сталкиваясь друг с другом. Их движение не было хаотично: оно подчинялось некоторой системе, которую, проследив за движением астероидных глыб, можно было назвать «течением» — все обломки, начиная от тысячетонных исполинов и заканчивая мелкими камушками, медленно плыли в одном направлении, плавно огибая совершенно фантастическое образование, состоявшее из причудливо переплетенных между собой висячих мостов лавовых выбросов. Взгляду открылись неподдающиеся описанию пространственные фигуры, напрочь лишенные острых углов, — это была бесконечная, сотни раз свернутая и переплетенная синусоида, чьи плавные изгибы соединялись между собой парящими в пространстве сталагмитами…

…Глядя на парящие в космосе останки планеты и некогда окружавших ее исполинских космических конструкций, Шейла испытывала глубочайшее потрясение.

Вокруг раздавались доклады, по информационным экранам расположенного перед ней терминала пробегали строки текстовых сообщений, а она в немом оцепенении смотрела на водоворот вещества, *огромный расплавленный и застывший в вакууме ком*, в который было превращено одно из величайших достижений древней цивилизации логриан — перед этой картиной можно было испытывать только трепет, ведь спустя какие-то минуты или часы им предстояло приоткрыть завесу безвременья, заглянуть в одну из тайн мироздания…

Особенно острым это ощущение стало в тот миг, когда бортовыми кибернетическими системами «Антимира» была опознана часть парящих в космосе обломков.

Они принадлежали полуавтоматической рудодобывающей фабрике «Спейсстоун», без вести пропавшей в Рукаве Пустоты несколько лет назад.[15]

О разыгравшейся тут трагедии можно было только догадываться. Среди исковерканных обломков фабрики автоматические системы поиска не обнаружили признаков человеческих тел, парковочные ангары «Спейсстоуна» были пусты, но некоторые характерные повреждения обнажившихся из-за катастрофы стартовых палуб позволяли предположить, что люди покинули борт комплекса на одном или двух малых кораблях.

Заглянув в отчет, выданный бесстрастными кибер-механизмами, Шейла подумала, что истинной цены некоторых открытий не удастся

узнать никогда — слишком много вырванных страниц скрывает в себе необъятный космос. История не складывается вдруг, — она пишется постепенно, и когда приходишь к финалу той или иной миллионолетней драмы, хочется помолчать, — от «Спейсстоуна», например, остался фрагмент мозаики событий, короткая радиограмма, прошедшая по станциям Гиперсферной Частоты, а сколько имен и названий остались безвестны?

Огромный крейсер осветился множественными вспышками дюз коррекции. Плавно изменив курс, он прекратил сближение с фантастической массой, выходя на первый орбитальный виток вокруг титанических останков планеты и космических поселений.

Рука Николая накрыла холодные пальцы Шейлы.

Она вздрогнула, повернув голову.

— Нужно поставить боевую задачу, — напомнил он, убрав руку с ее подлокотника.

Лерватов тряхнул головой, отгоняя наваждение. Картина на обзорных экранах была потрясающей, какой-то ирреальной, и он тоже подпал под влияние этой магии времени, словно только что заглянул в бездонные глаза Вечности.

— Очевидно, это было центральное поселение логриан… — произнес он, поворачиваясь к Шейле. — Что конкретно мы будем тут искать?

Она молча достала из нагрудного кармана формы маленький серый кристалл, который показывал ей Илья накануне боя.

— Вот образец Логра, — ответила она, передавая кремниевый кристаллик Дмитрию. — Если Илья не ошибался, и это, — она указала на экраны обзора, — действительно в прошлом являлось Логрисом, то в массу расплавленных пород должны быть заключены миллиарды таких образцов. Нужно собрать их и небольшими группами поместить в электромагнитные ловушки, изолируя друг от друга.

Рукав Пустоты. Зона астероидных обломков. Двое суток спустя

Для события, намеченного на восемнадцать часов по бортовому времени крейсера «Антимир», был оборудован специальный зал.

Отсек, в котором проходили собрания офицеров, освободили от лишних деталей обстановки, и теперь помещение выглядело пустым и гулким.

Центр зала занимал смонтированный на жесткой основе пилот-ложемент, извлеченный специально для этой цели из рубки «Ворона», на

стены, поверх облицовки переборок, закрепили плотно подогнанные друг к другу экраны телескопического обзора.

Фигурки людей на фоне расплескавшейся вокруг бескрайней черни Рукава Пустоты казались маленькими. Стоявшие особняком логрианин и инсект молча наблюдали за последними приготовлениями, допущенные в зал офицеры стояли подле стен-экранов тесными группами по два-три человека.

Лерватов, тихо разговаривавший с Шерманом и Сокурой, покосился в сторону логрианина, с которым до сих пор не удалось наладить адекватное общение. Представитель этой древней негуманоидной цивилизации настолько резко отличался от людей и инсектов, что ксенобиологическая пропасть в некоторые моменты казалась Дмитрию просто неодолимой.

— …только что-то слабо верится мне в твой Логрис и его жизнь после смерти, — завершил Шерман начатую мысль, покосившись на двуглавое создание, похожее на кальмара-переростка, которому кто-то, потехи ради, приделал две тонкие змеиные шеи, оканчивающиеся треугольными, словно у удава, головами. — Сколько тысяч лет нас пичкали этими сказками про загробный мир, рай и ад… Слушать тошно, — заключил он, глядя, как логрианин флегматично сплетает свои шеи в тугой канат.

— Зря, — ответил ему Сокура.

— В любой легенде, даже самой вычурной, есть маленькая крупица истины. Что-то всегда служит реальной основой для того или иного предания, — поддержал Николая Лерватов.

— Ты о чем? — вскинул голову Шерман.

— О Логрисе, — ответил Дмитрий. — Илья говорил, что три миллиона лет назад его создатели посещали Землю. Он рассказывал мне, что поднимал материал по ранней земной мифологии и обнаружил там множество упоминаний о богах, спускавшихся с небес, двух- и трехглавых драконах…

Шерман саркастически фыркнул.

— Не верю я в этих двухголовых, — упрямо отрезал он. — Знаешь, Дима, наши предки были еще те фантазеры, и строить планы, опираясь на их легенды, — пустое дело…

— Да, — согласился с ним Лерватов. — Драконы из логриан, мягко говоря, — никудышные… Росточком не вышли… — Он задумался и добавил: — Но зерно истины в преданиях есть. Вероятнее всего, логриане действительно посещали первобытную Землю. Если бы не Предтечи да еще голубокожие — двухголовые выпестовали бы Человечество.

— Угу… Хрен знает, как бы они нас воспитали, — грубовато ответил

ему Шерман. — Знаю я таких добрых педагогов… А так, — он развел руками, — извини, что выросло, то выросло.

Шейла, стоя у установленного в центре зала пилот-ложемента, смотрела в этот миг, как выходят в расчетные точки грузовые челноки, в емкостях которых уже клубилось кристаллическое *нечто* — дух древности, который они сейчас попытаются пробудить, воззвать к нему.

«Логрис. Он мертв и логичен…» — мгновенно всплыла из памяти строка прочитанного вступления.

«Дай бог, чтобы древняя машина логриан оказалась именно такой — мертвой и логичной», — подумала она, а вслух спросила:

— Сколько удалось собрать Логров?

— Пять с половиной миллиардов, мэм, — взглянув на дисплей, ответил офицер, дежуривший у комплекса следящей аппаратуры.

Корабли поддержки неумолимо приближались к расчетным точкам. Место для эксперимента избрали чуть в стороне от основной массы обломков.

Шейла продолжала пристально следить за яркими сигналами транспортных судов, потом измотанная напряжением ожидания, она перевела взгляд на кибернетические механизмы, которые продолжали трудиться, извлекая из массы сплавленных в глыбы обломков космических сооружений новые тысячи крохотных Логров. Если первый эксперимент пройдет удачно, то все вновь собранные кристаллы будут добавлены к основной массе Логриса.

Флагман человеческой эскадры крейсер «Антимир» висел напротив того места, где будут происходить основные события ближайшего часа, четыре других корабля: два фрегата, конвойный носитель и штурмовой корвет расположились попарно на удалении в несколько тысяч километров. Аннигиляционные установки «Свет», смонтированные на фрегатах, находились в стадии накопления антипротонов.

Пять кораблей…

В масштабе двухсот семнадцати человеческих миров, которые, потеряв связь друг с другом, сейчас оказались в преддверии хаоса, это было смехотворно мало, но только эти жалкие остатки законсервированного двадцать лет назад флота Конфедерации Солнц вышли в место сбора. Остальные за годы, прошедшие после краха звездного союза, были утилизированы либо переоборудованы и проданы частным компаниям…

…Мысли Шейлы нарушил предупреждающий сигнал.

Люди в зале зашевелились, от группы офицеров отделились Лерватов, Сокура, Шерман и Фрост. Они подошли к Шейле, опирающейся о

подлокотник пилот-ложемента, и заняли свои места по обе стороны от возвышения, на котором было установлено нейросенсорное кресло.

— Ты готова? — ободряюще взглянув на Шейлу, спросил Николай.

Она кивнула. Слова были излишни, все и так уже оговорено до мелочей. В первой стадии эксперимента ей досталась роль наблюдателя.

Лерватов выслушал доклады с постов.

— Добро… — произнес он, глядя в черные глубины экранов обзора, точки на которых застыли неподвижными, образующими круг маячками, а затем вдруг рубанул рукой воздух:

— Запускайте!

В свете инфракрасных прожекторов, на главном экране вспыхнула зеленоватая муть фонового излучения космоса, затем она прояснилась — это бортовая киберсистема «Антимира» отсеяла помехи, оставив чистое изображение, отснятое в инфракрасных лучах.

Миллиарды кристаллов, которые удалось добыть из сплавленных, парящих в космосе обломков планеты и древних орбитальных конструкций, были выпущены сейчас навстречу друг другу…

Несколько сот человек и два представителя иных цивилизаций, затаив дыхание, ждали в этот миг второго рождения древнего разума.

Кем он окажется на поверку — богом, дьяволом или просто бездушной машиной?

Никто не знал ответа на этот вопрос.

— Аннигиляционные установки активированы, сэр! — резанул слух Лерватова доклад с боевых постов двух фрегатов. — Излучающие комплексы «Свет» приведены в готовность!

Самое страшное оружие, которое когда-либо знал космос, закончило в этот момент синтез антипротонов, заключенных в электромагнитную ловушку. Лерватов слишком хорошо понимал, что выпустить на простор Галактики еще одного древнего монстра они попросту не имели права. Если Логрис вдруг окажется неуправляемым и враждебным, то его ждало пламя полного атомного распада.

Минуту спустя миллиарды кристаллов, освобожденные из плена грузовых отсеков транспортных кораблей, сошлись в ограниченном объеме космоса.

В пространстве начало твориться что-то невообразимое, — инфракрасное видение показывало, как замелькали первые вспышки столкновений — это кристаллы соприкасались своими гранями и соединялись, образуя длинные цепочки разорванных бус, парящие в космосе причудливые фрагменты, похожие на изогнутые иероглифы,

потом, спустя несколько минут, отдельные образования в свою очередь поплыли навстречу друг другу, вспышки статического электричества стали ярче, их уже было видно и невооруженным глазом, словно во мраке космоса началась гроза с тысячами, миллионами одновременно вспыхивающих ветвистых молний, чей бледный свет падал на нечто огромное, необъяснимое, растянувшееся во всех трех измерениях…

— Увеличить напряжение накачки, — распорядился Лерватов, не отрывая глаз от формирующейся на экранах картинки.

Термальные излучатели заработали на полную мощность, омывая рождающееся на глазах исполинское образование невидимыми глазу волнами теплового излучения. Инженеры и кибернетики сошлись в едином мнении, что Логрису для реанимации нужна энергия, а внутренняя структура изученных Логров показывала, что они могут аккумулировать тепловую энергию.

Минуты ожидания проходили в напряженной тишине.

Интенсивность накачки уже перешла границы невидимого диапазона, и космос вдруг начал заливать тускло-красный свет; инфракрасное видение автоматически отключилось из-за сильной тепловой засветки, но на обычных экранах уже отчетливо проявилась черная, вращающаяся по часовой стрелке воронка, образованная вихреобразным сплетением кристаллических нитей. Статические разряды продолжали бродить по вращающейся массе Логров, некоторые из кристаллических нитей центробежная сила вращения отклоняла в стороны, и оттого рождающееся на глазах образование казалось каким-то дымчатым, лохматым.

Логрис возрождался.

Он был намного больше, чем человеческий крейсер — масса вращающихся кристаллов продолжала распухать, расти в объеме, поэтому транспортным кораблям пришлось задействовать маневровые двигатели и отойти на несколько сот километров, фрегаты были вынуждены повторить маневр грузовых судов, и только «Антимир» продолжал висеть в пространстве напротив бешено вращающейся воронки Логриса.

* * *

Прошел час, прежде чем поступил доклад кибернетической системы о том, что возникшее на глазах людей единение кристаллов наконец стабилизировалось и прекратило свой пространственный рост.

Глубинное сканирование показало, что в недрах Логриса образовалась сложнейшая структура связей, — ее геометрию и логику трудно было постичь с первого взгляда. Масса соединившихся Логров продолжала

вращаться, но уже медленнее, словно инерционный маховик, раскрученный импульсом ускорения и теперь постепенно теряющий обороты.

Ожидание продолжалось, оно было тягучим, томительным.

Шейла сидела в нейросенсорном кресле, бледная, осунувшаяся, полная тревоги и неопределенности.

— Есть устойчивый сигнал, сэр! — возглас оператора, отслеживавшего диапазоны связи, был полон изумления. — Он… Он ожил!

Лерватов тут же обернулся к Шейле.

— Ты готова?

Она смогла лишь кивнуть, побледнев еще больше.

— Нейросенсорный контакт, быстро! — распорядился Дмитрий, и техники тут же засуетились вокруг демонтированного с «Ворона» пилот-ложемента.

— Мы будем следить за твоим состоянием, Шейла. — Майор попытался ободряюще улыбнуться, но мимика вышла натянутой, нервной.

— Уничтожьте его, если со мной что-то случится… — тихо произнесла Шейла, позволяя техникам присоединить датчики к специальным гнездам нейросенсорного костюма. — Ник… Дай мне руку… — попросила она.

Сокура накрыл своей ладонью ее пристегнутое к подлокотнику запястье.

— Все будет в порядке.

Она слабо улыбнулась, шунт нейросенсорного соединения вошел в гнездо височного импланта, и Шейла, повинуясь натяжению оптико-волоконного кабеля, откинула голову на усеянный тысячами микроскопических игл подголовник кресла.

— Ну… с богом.

* * *

Это было так поразительно, так необычно, что в первый момент в разуме Шейлы не нашлось адекватных сравнений.

Вспышка света, миг озарения?

Нет, эти эпитеты казались слишком тусклыми, по сравнению с тем, что она испытала в тот миг, когда ее разум нырнул в виртуальную реальность.

Чернота, которая ослепительно сверкала.

Рядом с ней находилось нечто огромное.

Оно висело ослепительным черным пятном посреди безликой бездны.

Это был Логрис. Сгусток древних разумов, бесконечное продолжение

прожитых когда-то жизней, виртуальная Вселенная, созданная для того, чтобы попрать смерть…

«Ты ощущаешь меня?.. Видишь?.. Чувствуешь?..» — сосредоточившись на этом сверкающем сгустке мрака, мысленно спросила она, задыхаясь от сонмища терзавших ее предчувствий, страха, ожидания, *вожделения контакта*…

Некоторое время она не воспринимала никакой реакции ответа, потом сгусток черноты вдруг пришел в движение, начал разрастаться, и внезапно в ее сознание проникли смутные, обрывочные образы, похожие на черно-белые картинки, воспроизведенные посредством неполноценного проекционного устройства, которое передавало больше помех, чем смысла, затем мельтешение закончилось, и Шейла внезапно услышала:

— Да… человек… женщина… капитан… Шейла… Норман… слышу… чувствую… Здравствуй…

«Семантическая пропасть?»

— Ты Логрис?

Тишина. Лишь черная бездна кружит перед мысленным взором. Вечность.

— Я… ЛЛООГТРРИИСС…

В этом растянутом, деформированном понятии ей послышалось больше вопросительных, чем утверждающий интонаций, словно та чернота, которая пыталась общаться с ней, еще не вполне адекватно воспринимала сама себя, но тем не менее Шейла ответила:

— Здравствуй…

Опять последовало несколько растянувшихся в вечность мгновений тишины, и вот в ее сознание вновь проник вопрос, еще не совсем грамотно сформулированный, но абсолютно понятный:

— Я… не был?

Пропасть стала чуть уже.

— Да. Тебя разрушили три миллиона лет назад.

— Единица времени… непонятно… дать эталон…

— Оборот планеты вокруг солнца. Это год.

— Параметры… орбиты…

— Не помню… — откровенно призналась она и тут же испугалась собственной неосведомленности. — Это Земля… — поспешно добавила Шейла.

Перед ее мысленным взором внезапно вспыхнула звездная карта спирального рукава, который не был перечеркнут провалом пустоты. Это был доисторический мир!

— Покажи…

Разум Шейлы машинально выделил на схеме хорошо знакомую точку Солнечной системы, откуда две тысячи лет назад началась Экспансия Человечества.

Ответ пришел очень быстро.

— Знаю… Мы… были… Земля… Параметры орбиты… Вычислено… Три миллиона лет… понятно… Единица временного измерения стандартизирована…

«Иисусе!» — Это была машинальная мысль-восклицание, но то, что последовало далее, ошеломило ее намного больше, чем все прожитое до этого, вместе взятое.

— Ты… знаешь… язык… Логра?.. — пришел неожиданный вопрос.

— Нет, — растерялась она.

— Ты назвала… термин, — настаивал бесплотный голос.

— Я мысленно произнесла имя Иисуса! — похолодев, ответила Шейла.

— Иезуз… — поправил ее бесплотный голос. — Это термин Логра, означающий «искусственное зачатие». Генетический эксперимент — второе значение, но редко употребляется… — обстоятельно, как и подобает настоящей машине, пояснил мрак.

Все смешалось в этот миг в разуме Шейлы. Непорочное зачатие! Рождение младенца Христа… Библия… Вознесение!.. Неужели?

— Вы посещали Землю?! — вырвался у нее вопрос.

— Давно… Перед нашествием Предтеч, — с готовностью ответил голос.

— Вы… Вы изменяли нас генетически? — сознание Шейлы сжалось в комок, в ожидании ответа.

— Нет, — к ее неописуемому облегчению, ответил голос, и Шейла поняла, как сильно она боялась и не хотела узнать, что люди — это лишь плод чьей-то генной инженерии.

— Вы развились сами, — рассеял ее мгновенный страх голос Логриса. Он уже связно формулировал направляемые ей мысли, что говорило о высочайшем уровне логического быстродействия этой машины. — Мы провели лишь ряд экспериментов по искусственному оплодотворению ваших женщин. Потом мы ушли, оставив память о себе и несколько устройств эвакуации генетических образцов…

Информация, которая обрушивалась на Шейлу, была потрясающей, трудно поддающейся мгновенному анализу, и Шейла вдруг осознала, что ее общение с древней машиной внезапно и непредсказуемо ушло в сторону от

заранее намеченных тем, но как важны, значимы оказались эти первые ошеломляющие откровения. Хотелось спрашивать еще и еще, но…

— Мы плохо понимаем друг друга, — мысленно произнесла она.

— Открой свою память, — спокойно пожелала чернота.

— Ты прочтешь ее? — напряглась Шейла.

— Я считаю данные и сделаю их копию для себя, — откровенно признался мрак. — Нет смысла прибегать к помощи слов. Я могу впитать твои вопросы и ответить на них.

Это похоже на прыжок в черную воду с большой высоты.

Несколько секунд потрясенной тишины, и снова этот голос из ниоткуда:

— Нет, я не ваш бог. И никогда не был богом. Я просто вместилище разумов, Логрис.

— Скажи, Иисус действительно существовал? — не удержалась Шейла от внезапно поднятого вопроса, хотя и понимала — Логрис был уничтожен раньше, чем на Земле начали происходить определенные события.

— Я могу лишь предполагать, делая выводы из твоих знаний, человек, — ответил Логрис. — Возможно, он был искусственно зачат одним из наших устройств, оставленных на Земле для отслеживания эволюционных процессов. Сочетание двух избранных генетических линий дало младенца, который обладал необычным для своей эпохи уровнем интеллекта… — Голос на некоторое время умолк, а потом добавил:

— Я делаю выводы, опираясь на ваши предания и знание технических устройств моей цивилизации. — Он продолжал вслушиваться в ее мысли, эмоции и потому ответил на невысказанное вслух сомнение:

— Да, к тому времени мы давно ушли с Земли — атака Предтеч смела мою цивилизацию. На Земле оставались лишь немногие контрольные устройства и небольшое количество Логров, внедренных в носители андроидного типа. Они лишь выполняли программу исследований. Никто не вмешивался в вашу историю. Я к тому времени уже перестал существовать как единое целое. Эксперимент по искусственному зачатию, вероятно, был осуществлен, пользуясь привычной тебе терминологией, «по инерции».

— А Вознесение? Воскрешение Христа? — вырвалось у нее.

Некоторое время мрак безмолвствовал.

— Пользуясь вашими понятиями, описанный тобой процесс стал следствием высокого уровня Ай-Кью[16] индивида, — наконец ответил

голос. — Мы надеялись, что сумеем выжить под атакой Предтеч и вернуться к вам позже, но на всякий случай оставили на Земле несколько устройств эвакуации, которые должны были сработать при появлении существа с определенным уровнем интеллекта. Распятие Христа наверняка активировало одно из них. Его интеллектуальный потенциал был очень высок для фона своей эпохи, а ментальные возмущения в момент мучений от варварской казни активировали устройство эвакуации.

Перед мысленным взглядом Шейлы возникло взятое из ее же памяти изображение виденной когда-то древней иконы: человек с сияющим нимбом вокруг головы, возносящийся вверх к небесам.

— Это свечение — консервационное поле, основанное на принципе вашей сегодняшней суспензорной защиты. Для сканирования и помещения в Логр разум должен быть жив. Его законсервировали перед моментом смерти, и эвакуационная машина забрала тело.

— Куда? Где он? — этот вопрос вырвался у Шейлы сам по себе, помимо воли.

— Вероятнее всего, что здесь, — ответил голос. — Я не вижу его в составе своих носителей. Значит, он где-то рядом.

— Плавает среди этих обломков? До сих пор?

— Вероятность этого очень высока.

«Великий боже…»

Неужели так оно и есть?

Тысячи понятий находили в этот миг прозрения свое место в разуме Шейлы. Двуглавые и трехглавые змеи, сказки, легенды, вера в «душу» и «жизнь после смерти» это… это была память о логрианах, некогда посещавших Землю, и о самой виртуальной Вселенной Логриса!

— Ты права, Шейла Норман. — Логрис анализировал ее мысли с присущей машине скоростью, затрачивая всего лишь тысячные доли секунды на построение сложнейших логических схем и получение выводов, но говорил он, как *обладающее разумом живое существо, полностью осознающее себя!*

— По заложенным в меня представлениям, раса людей успешно преодолела путь своего эволюционного развития, — внезапно констатировал он. — Ты пришла сюда для того, чтобы собрать камни, разбросанные три миллиона лет назад. Ты не поверила искаженным преданиям о формах моей смерти. Ты встала выше предрассудков, выше собственного страха, доказав тем самым величие своей расы, ее *истинную разумность,* и все логриане, чьи сущности присутствуют на моих носителях, теперь навсегда останутся друзьями людей…

На миг опять наступила тишина, а затем в сознание Шейлы проник безжалостный, подсознательно ожидаемый и логически оправданный вопрос:

— Скажи, какую цель ты преследовала, пробуждая меня?

Глава 11

Суть взаимопонимания и милосердия — это единственная дорога, которая, стремясь к вратам Рая, не сворачивает в ад.

Борт крейсера «Антимир»

Ослепительный голографический знак Логриса медленно вращался в воздухе посреди отсека.

Майор Шерман смотрел на него и никак не мог до конца убедить свое сознание в том, что этому разуму больше лет, чем Человечеству…

— Итак, Хьюго, докладывай. — Шейла подошла к компьютерному терминалу и вставила в него Логр.

«Да, круто все изменилось на борту в мое отсутствие…» — подумал майор, вопросительно посмотрев на Шейлу.

— Мы адаптировали часть аппаратуры для контакта с Логрисом, — подтвердила она. — В нынешней ситуации это имеет исключительно важное значение.

— Почему? — спросил он, косясь на сотканный из воздуха и света замысловатый иероглиф.

— Скоро узнаете… — уклонилась Шейла от прямого ответа и напомнила: — Мы ждем, Хьюго.

— Он тоже будет слушать? — Шерман опять покосился на голографический знак.

— Да.

— Ладно… — Майор подошел к столу и демонстративно высыпал на его поверхность горсть серых кристаллов.

— Что это? — нахмурилась Шейла, глядя на знакомые, понемногу ставшие уже привычными Логры.

— Господа Бессмертные собственными персонами, — криво усмехнулся Шерман.

Шейла перевела взгляд с кристаллов на майора и, заметив холодный, безжалостный блеск в его прищуренных глазах, внезапно спросила:

— Ты их убил?

Хьюго поморщился, потом сел и ответил:

— После Элио мне было трудно удерживать палец на гашетке «Фалангера», — мрачно сознался он и тут же добавил уже более

спокойным тоном:

— Я выполнил все договоренности, вплоть до последней запятой полученного приказа. Мы блокировали планету двумя фрегатами, затем, когда с поверхности нам не ответили на предложение о добровольной сдаче, в атмосферу вошли четыре штурмовых носителя «Нибелунг». Запись операции велась во всех подробностях. Я бы конечно предпочел, чтобы эта акция была частным делом нескольких мужчин, но… — он махнул рукой. — В общем, на момент штурма в черном городе не оказалось ни одного существа, подпадающего под определение «Бессмертный». Возможно, что, осознав факт атаки, они затерялись среди своих голубокожих собратьев, которых там полно, но я не стал пропускать каждого из них через сканер, чтобы не брать грех на душу… — криво и недобро усмехнулся майор. — Как только стали ясны результаты послойного компьютерного сканирования, я отменил атаку силами шагающих машин и ввел в Сердце Харма штурмовые подразделения космодесанта.

— Дальше? — потребовала Шейла.

— Мы взяли черный город без единого выстрела, — ответил Шерман. — В центральных залах было обнаружено вот это, — он указал на рассыпавшиеся по столу кристаллы. — Тут ровно сто тридцать Логров. Они образовывали спираль, вращаясь в коконе силовой защиты, по периметру которой располагались камеры биологической реконструкции, именно той модели, описание которой дал Логрис. Мы никого не убили и не причинили городу разрушений, — добавил он.

— В камерах биореконструкции были тела?

— Да, — ответил Шерман. — Ровно сто тридцать, по количеству Логров, хотя самих камер оказалось более тысячи. Вероятно, что раньше в Квоту Бессмертных входило много больше членов, чем сейчас. Мы отключили источники питания, изъяли Логры и уничтожили камеры биологической реконструкции.

Бледные щеки Шейлы порозовели. Она обернулась, взглянув на сияющий знак, и произнесла:

— Ты слышал доклад майора Шермана. Мы выполнили предварительные условия. Никто не погиб, уничтожен лже-Логрис, и члены Квоты теперь стали обычными смертными, попрятавшимися на своих мирах.

Знак Логриса засиял ярче. По нему пробежала внезапная гамма оттенков.

— Я рад, что предоставленные мной координаты оказались точны, —

произнес голос. — Следующий этап договоренностей уже вступил в силу: я включился в цепи управления устройств фотонного щита и начал его дезактивацию. Мы можем продолжать?

— Да. — Шейла кинула беглый взгляд на рассыпанные по столу кристаллы. — Мы с майором перейдем на командный мостик крейсера, переключись туда.

Голографический знак вспыхнул и исчез, истаяв в воздухе, будто его и не было. Шерман покачал головой.

— Не много ли вольностей ты ему позволяешь?

Шейла пожала плечами, продолжая смотреть на кристаллы с личностями Бессмертных, буквально притягивающие ее взгляд.

Одни звезды ведали, как тяжел оказался груз ответственности, которую приняла она на свои плечи.

— Пойдем, Хьюго… — произнесла Шейла, сгребая кристаллы в пустой пластиковый контейнер. Логры глухо застучали о его дно. — Нас ждет историческая процедура, — добавила она, убирая емкость с Лограми в сейф. Повернувшись к Шерману, Шейла поймала его колючий взгляд и внезапно протянула руки ему навстречу. — Спасибо, Хьюго… — произнесла она, по-прежнему глядя в его глаза.

— За что?

— За то, что ты есть. За то, что ты рядом… Никто из нас не справился бы с этим в одиночку… Никогда.

Шерман промолчал, лишь долго пристально смотрел в ее глаза.

— Пойдем, — наконец произнес он.

* * *

На мостике флагмана вновь собрались все старшие офицеры.

Дверь отсека открылась, на пороге появился Лерватов. Молча посторонившись, он пропустил внутрь двух представителей древних рас — инсекта и логрианина.

Увидев знак Логриса, двухголовый отпрянул и зашипел.

— Что он делает? Испугался, что ли? — Дункан, не питавший к ксеноморфам никаких симпатий, покосился на логрианина, шеи которого медленно сплетались между собой.

«Он приветствует своих предков, чьи разумы уже ожили на носителях Логриса», — бесстрастно осуществил мысленную передачу воин-инсект.

— Логрис, ты в состоянии переводить? — спросил Лерватов у ослепительного иероглифа.

— Могу я по-прежнему использовать бортовую аудиосистему? —

осведомился вполне ясный, человеческий голос.

— Да, естественно, — ответил Дмитрий, включая автоматическую запись. — Итак, — он повернулся к инсекту. — Вправе ли ты отвечать за тех особей твоей расы, что оказались выброшены в Сферу Дайсона?

— Да. Я могу говорить от имени своей расы.

Лерватов кивнул.

— Ты? — обернулся он к логрианину. Динамики защелкали переливчатым щебетом, перемежающимся шипением. Двухголовый ксеноморф расплел свои шеи и демонстративно отвернул одну голову от другой, одновременно щебеча в ответ.

— Он все еще потрясен и подавлен, — перевел голос. — Раб, сын раба, внук раба, — он не помнит, что такое цивилизация. За него будет говорить разум тех, кто помнит закон Логриса.

Дмитрий опять кивнул. С точки зрения человеческих норм, формальности были соблюдены.

— Я буду говорить от имени Совета Безопасности Миров, который был и остается единственной организацией, выражающей общие интересы всего Человечества, — сухо произнес он. — По законам военного времени, я как исполняющий обязанности командующего флотом несу всю полноту ответственности за принятые решения перед лицом цивилизации и истории.

В отсеке повисла гробовая, напряженная тишина.

Тихо скрипнули хитиновые жвала воина-инсекта.

Мысленный голос насекомого-телепата не нуждался в переводе, но Логрис не пренебрег своими новыми обязанностями:

— Я, первый из Семьи, обращаюсь к людям, — произнес изливающийся из скрытых динамиков голос. — Существование моей Семьи под угрозой. Я прошу помощи и поддержки, в ответ на что, от имени всех инсектов, клянусь не нарушать тех договоренностей, которые будут достигнуты, и выполнить все условия, на которых люди согласятся принять нас на территорию своего Жизненного Пространства…

Даже скептически воспринявший процедуру Дуглас спрятал усмешку, побледнев и выпрямившись. Взгляд Лерватова вернулся к знаку Логриса. Голос не заставил себя долго ждать.

— От лица поколений, сохраненных на моих носителях сущностей, а также от имени ныне живущих поколений расы логриан, прошу цивилизацию людей о помощи, поддержке и защите, — произнес он. — По предложению майора Дмитрия Лерватова и капитана Шейлы Норман, осуществляющих верховную власть в структурах Флота, в ответ обязуюсь

передать Человечеству технологию Логра, а также беспрепятственно принимать на свои носители сущности людей, которые добровольно пожелают сохранить свое сознание и продолжить существование после физической смерти тела.

Дмитрий ощутил, как дрожь медленно ползет вдоль позвоночника.

Он посмотрел на собравшихся.

— Я спрашиваю присутствующих здесь старших офицеров — как относятся они к возможности предложенного союза?

Первым кивнул Шерман.

— Да… — явно волнуясь, в несвойственной ему манере ответил он.

— Согласен, — подал свой голос Николай Сокура.

— Да, — тихо и твердо произнесла Шейла.

Дункан молчал дольше других.

— Да, — наконец произнес он, стараясь не смотреть в сторону воина-инсекта.

— В таком случае, проект создания новой Конфедерации Солнц, в состав которой войдут три цивилизации: людей, инсектов и логриан, вместе с протокольной записью этих переговоров, а также подробным освещением сути произошедших событий, будет отправлен всем планетным правительствам, для принятия собственных решений, — произнес Дмитрий.

— Сеть Интерстар разрушена… — напомнил ему Шерман, который из-за операции по уничтожению лже-Логриса оказался не в курсе последних событий. — Мы не имеем связи с мирами.

— Эту проблему в состоянии решить Логрис. Он способен включиться в систему станций Гиперсферной Частоты, вместо Элианского узла, — ответил Лерватов. — Я готов передать ему все необходимые коды связи и точные гиперсферные координаты планет, при условии, что первое включение будет временным. Далее мы поступим так, как решат правительства миров, при подаче голосов «за» и «против». Вопрос о восстановлении Сети Интерстар на базе мощностей Логриса я также вношу пунктом для голосования. Ответ планетных правительств будет снят Логрисом ровно через сутки со станций Гиперсферной Частоты колонизированных Человечеством планет.

* * *

По бортовому расписанию крейсера «Антимир» наступал вечер.

У вспомогательного грузового шлюза корабля дежурил восполнявший критический некомплект экипажа робот-андроид, когда на предшлюзовую

площадку поднялись пять старших офицеров флота, четверо из которых несли тяжелый консервационный контейнер, похожий на озаренный зеленоватым сиянием суспензорного поля саркофаг.

Дройд считал полномочия личных кодов доступа и посторонился, одновременно активировав привод внутреннего люка шлюзовой камеры.

Пять человек вошли внутрь, молча надели скафандры и застыли, ожидая, пока внутренний люк встанет на место и начнется процесс откачки воздуха.

На их лицах скорбь смешивалась с надеждой.

В открытом космосе царили габаритные и опознавательные огни крейсера. Они протянулись вдоль корпуса исполинского космического корабля, уходя во мрак и сливаясь с фоном далеких колючих звезд.

Перемены, постигшие этот участок пространства, казались разительными и уже были видны невооруженным глазом.

На том месте, где раньше разливалось море черноты, обозначавшее собой Рукав, теперь медленно разгоралась холодная заря звездного света.

Величественное шаровое скопление звезд, которое никогда не наблюдал ни один астроном древней Земли, медленно вытаивало из мрака, который миллионы лет скрывал его под своим саваном.

На фоне этого невиданного явления медленно вращалась гигантская черная воронка Логриса, опутанная по периметру вольготно распростершимися в трех измерениях, причудливо переплетенными кристаллическими нитями.

Пять человек в белоснежных скафандрах стояли напротив, а у их ног, на металлической смотровой площадке, выступающей из обшивки крейсера, покоился консервационный модуль.

В нем лежал человек.

Нимб нежно-зеленого мерцания суспензорной защиты по-прежнему обнимал голову и плечи Горкалова. Его черты казались неживыми в этом холодном свете.

Пять человек по очереди склонились к нему, прощаясь.

— Логрис, ты готов? — с неимоверным трудом сдерживая слезы, спросила Шейла в коммуникатор.

— Да… — пришел ответ.

Четыре человека подняли консервационный саркофаг и оттолкнули его от обшивки крейсера, послав в полет по направлению к черной, распростершей вокруг себя причудливые кристаллические синусоиды, медленно вращающейся массе Логриса.

Каждый из них прощался в этот миг с Горкаловым, а в душе неистово

верил, что это — не навсегда.

Когда-нибудь они так же отправятся в этот путь, чтобы встретиться с теми, кто ушел раньше.

Шейла, не выдержав, заплакала.

Николай молча взял ее за руку.

Она смотрела в разгорающуюся звездную зарю, в Логрис, а казалось, что смотрит в свою душу…

Ее свободная рука скользнула к поясу, на котором был укреплен небольшой контейнер. Пальцы сжались, вытащив из него десяток кристаллов.

Что-то черное, неизбывное вдруг всколыхнулось в душе, захотелось сжать пальцы еще сильнее, чтобы от этого усилия заработали псевдомускулы скафандра, стирая в порошок Логры, на которых были записаны сущности голубокожих существ.

Впереди, на черном теле Логриса, внезапно сверкнула зеленоватая вспышка — это саркофаг с телом Ильи достиг чрева древней машины.

Горячие слезы бежали по щекам Шейлы, и не было возможности смахнуть их.

Наступала новая эра. Новое единение миров рождалось из боли, здравого смысла и чисто человеческого понятия, не нашедшего аналогов среди семантических символов логриан и инсектов — милосердия.

Шейла вдруг подняла руку и оттолкнула от себя горсть кристаллов.

Кто-то из них угодит в сплетение кристаллических нитей и, вспыхнув статикой, сольется с ними, войдя в Логрис, кто-то, волею случая, пролетит насквозь и навсегда канет в бездне пространства.

Пусть летят…

«Мы никогда не станем убивать ради ненависти или мести…»

Свет возвращающихся в этот мир звезд разгорался все ярче, словно там, за черным телом Логриса, вставало новое невиданное доселе светило.

Пять человек постояли еще немного, а потом повернулись, один за другим исчезая в чреве космического корабля.

Их ждал ответ из сотен миров, который должен был поставить точку в вопросе создания новой Конфедерации Солнц.

Эпилог

Место было жарким и пустынным. Горячий суховей поднимал к обжигающим, раскаленным небесам шуршащий песок, бросая его пригоршни на стены храма.

Знойное марево плавило горизонт.

Одинокий путник казался на его фоне миражом, призраком.

Наверное, так оно и было на самом деле. Усталый, изможденный человек шел, по щиколотки увязая в раскаленном песке, его отросшая борода спуталась, кровь на давних ранах спеклась, засохла и смешалась с грязью.

Заметив необычное строение, гордо возвышающееся над зыбкими очертаниями барханов, изможденный путник остановился, пытаясь понять, существует ли Храм на самом деле или это фатаморгана зло издевается над ним, рождая в сознании желанные, но нереальные образы.

Он уже давно перестал понимать, где находится.

Жаркие пески, из которых лишь кое-где торчали белые обметанные солью клыки выветренных скал, если и напоминали аравийскую пустыню, то весьма условно и отдаленно.

«Храма уж точно тут не должно быть…» — мысль пришла безразличная, плоская, изможденная, такая же как тело и разум думающего.

Долгое вознесение… Муки плоти уже притупились, безразличие к собственной судьбе, усталость, неприятие окружающего мира стали монотонностью бесконечного дня, нескончаемого пути под палящим солнцем, на раскаленной сковороде пустыни, монотонный шорох песка убаюкивал, будто смерть дразнила путника своей колыбельной, и этот храм, гордо возвышающийся среди безжизненных песков, казался порождением мысли, призраком, но никак не реальным строением.

И все же человек, сам не понимая, насколько близок он оказался к истине в своем внезапном провидении, пошел к нему — не мог не пойти.

Храм действительно был создан силой мысли.

Здесь все подчинялось одной воле — разуму.

Он не мог постичь этого, — сознанию путника были пока неведомы некоторые основополагающие принципы нового открывшегося пред ним жизненного пространства — бесконечного мира, где не бывает смерти и где, по сути, можно сотворить все…

Шаг по песку…

Еще…

Еще один шаг…

Горячие, шуршащие струйки стекают в след, заполняют его, делают неразличимым.

На ступенях храма, перед распахнутыми сводчатыми дверями, на пороге *прохлады* сидел человек в странных одеждах.

Он смотрел на приближающегося путника.

— Пить! Воды! — отчаянно простонал несчастный.

Человек встал, протянул руку, и вдруг прямо из горячего, обжигающего легкие воздуха в его протянутую длань материализовалась чаша с прохладной кристально чистой водой.

Человек протянул ее путнику.

— Пей.

Однако несчастный не спешил принять драгоценный дар, ибо его потрясение оказалось сильнее жажды.

Он внезапно опустился на колени.

— Великий боже… — прошептал он растрескавшимися губами. — Отец, это ты? Мой путь закончен?

— Твой путь закончен. Но я не твой отец.

— Как же так, Отче?

— Я человек. Такой же, как ты.

Путник смотрел на него расширенными, мутными от перенесенных тягот глазами, и его взор постепенно прояснялся, словно в душе страстотерпца просыпались скрытые до поры сокровенные силы.

— Человек?.. — переспросил он. — Как тебя зовут?

— Илья.

Путник без сил опустился на ступени храма, закрыл глаза, дрожащими руками на ощупь принял чашу и стал пить долгими, жадными глотками.

— Я не понимаю… — наконец произнес он, оторвавшись от драгоценной влаги. — Я принял смерть ради спасения Человечества и…

— Я знаю. — Илья сел рядом с ним на ступени. — Я догадался, кто ты… но тебе многое придется узнать, Иисус. Твой путь сюда был слишком долог. Прошли тысячи лет после твоей смерти на кресте.

Путник недоверчиво посмотрел на Илью.

— Ты знаешь мое имя?

— Его знают многие. На Земле ты стал Богом.

Кадык Иисуса несколько раз дернулся.

— Когда это было? Когда я умер? — он посмотрел в глаза Ильи

проницательно и одновременно — вопрошающе.

— Когда я прошел свой жизненный путь и очнулся в пространстве Логриса, заканчивалось четвертое тысячелетие от Рождества Христова, от твоего Рождества, — ответил ему Илья.

В глазах изможденного путника вспыхнул и потух влажный блеск.

— Какой долгий путь… — едва слышно прошептал он растрескавшимися губами. — Но я помню все, как вчера. Где я?

— В твоем представлении — на небесах. В привычных мне терминах — на носителях Логриса, банка жизни, который переживет коллапс Вселенной и снова возродит все сущее после нового Большого Взрыва, когда горячие новорожденные Галактики начнут свой миллионолетний бег в пространстве.

— Мне трудно понять твои слова.

— Я знаю. Мы будем учиться понимать друг друга, Иисус. А пока пей. Тебе нужно набираться сил, пока ты не научишься манипулировать этой реальностью, как захочешь.

Путник сокрушенно покачал головой и вдруг вскинул руку, указав на несколько точек, медленно бредущих по песку, в знойном мираже раскаленного марева.

— Это люди! — потрясенно воскликнул он. Илья встал и посмотрел в указанном направлении.

По песку действительно шли люди.

«Ну вот, и свершилось…» — потрясенно подумал он. Для него несколько бредущих по пескам фигур означали многое, очень многое. Он долго ждал этого знака, желая убедиться, что там, в *реальности*, у оставшихся в живых все получилось как надо.

Ему стоило огромных трудов понять, в каком мире очнулся его разум, а осознав это, он стал ждать и вот теперь наконец увидел желанный знак, — если в виртуальное пространство Логриса попали первые человеческие сущности, значит, все действительно развивается своим чередом, как и задумывалось перед последним походом…

— Что это значит, Илья? Ты можешь объяснить мне, кто эти люди? Что означает их появление и почему у тебя так изменилось лицо?

Горкалов опустился на горячие ступени и ответил:

— Если люди пришли сюда, значит, в бренных мирах все наладилось, но главное — нигде больше не будет удручающей окончательности… Мы победили не только в войне… — Илья посмотрел на знойный горизонт пустыни и потрясенно добавил: — Мы победили время и смерть…

notes

Примечания

1

Сфера Дайсона — искусственное сооружение, построенное вокруг звезды и полностью перехватывающее исходящий от нее свет своей внутренней поверхностью.

2

ГЧ — Гиперсферная Частота, вид внепространственной связи.

3

К вопросу об Интеллекте — см. А. Л. Ливадный «Галактический Вихрь», ЭКСМО, 1999 г.

4

Парсек — мера астрономической длины, равная 3,26 светового года.

5

Вивисекция (*лат.* vivus — живой + sectio — рассечение) — выполнение операций на живом животном с целью изучения функций организма.

6

Семантика — смысловая сторона единиц языка. Раздел логики, изучающий отношение знаков к понятиям и предметам.

7

РТВ — робототехническое вооружение.

8

Алон — производная от английского «alone» — буквально «В одиночестве». Здесь подразумевается программный пакет системы «Одиночка».

9

ЗУ (жаргонное ЗУшка) — зенитная установка.

10

ТТХ — тактико-технические характеристики.

11

Замечание и приведенная цитата из Конфуция принадлежат Василию Юрьевичу Репину, преподавателю УрГУ (из действительной переписки автора).

12

Фонема (*греч.*) — буквально «звук» — минимальная единица звукового строя языка.

13

Clementia *(лат.)* — буквально — «милосердие», знаменитый лозунг Гая Юлия Цезаря

14

Статус-кво (*лат.*) — существующее положение.

15

О судьбе рудодобывающего комплекса «Спейсстоун» — см. А. Л. Ливадный «Третья Раса», ЭКСМО, 2001 г.

16

Ай-Кью — тест, определяющий уровень интеллекта.